

ЭВОЛЮЦИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ И СТРАТЕГИИ ИХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Часть третья



Материалы IX Всероссийской научно-практической
конференции по программе
«Социокультурная эволюция России и ее регионов»

Вологда
2013

Российская академия наук
Институт социально-экономического развития территорий РАН
Институт философии РАН
Центр изучения социокультурных изменений
Правительство Вологодской области
Череповецкий государственный университет
Филиал Санкт-Петербургского государственного экономического университета в г. Вологде



ЭВОЛЮЦИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ И СТРАТЕГИИ ИХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

**Материалы
IX Всероссийской научно-практической конференции
по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов»
(г. Вологда, 23–26 октября 2013 г.)**

В трёх частях

Часть третья

Вологда
2013

УДК 332.146.2
ББК 65.49
Э15

Публикуется по решению
Ученого совета ИСЭРТ РАН

Эволюция регионов России и стратегии их социокультурной модернизации [Текст] : материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. по прогр. «Социокультурная эволюция России и ее регионов», г. Вологда, 23 – 26 октября 2013 г. : в 3-х частях. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2013. – Ч. III. – 252 с.

Редакционная коллегия:

Н.И. Лапин, член-корреспондент РАН (председатель),
Л.А. Беляева, доктор социологических наук,
В.А. Ильин, доктор экономических наук,
Н.А. Касавина, кандидат философских наук (ученый секретарь),
Е.А. Когай, доктор философских наук,
М.А. Ласточкина, кандидат экономических наук (координатор),
Г.Ф. Ромашкина, доктор социологических наук,
А.А. Шабунова, доктор экономических наук

В сборнике, состоящем из трех частей, представлены материалы IX Всероссийской научно-практической конференции «Эволюция регионов России и стратегии их социокультурной модернизации» по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», проходившей в Вологде 23 – 26 октября 2013 г.

Часть первая: доклады пленарного заседания и секции №1.

Часть вторая: материалы секции №2.

Часть третья: материалы круглых столов №1 – 4.

Сборник содержит свыше 100 текстов, подготовленных научными сотрудниками и преподавателями НИИ и университетов из 32-х регионов России, а также из Украины и Беларуси. Впервые в центр внимания выдвинуты проблемы формирования стратегии социокультурной модернизации регионов России, а также рассмотрены факторы сбалансированности ее процессов. Специальное внимание уделено инновационному развитию регионов, проблемам их конкурентоспособности, роли молодежи в их развитии, использованию компьютерной информационной системы «Модернизация», созданной в ИСЭРТ РАН.

Для научных работников, преподавателей вузов, специалистов в области государственного управления, представителей общественности, СМИ и всех интересующихся вопросами социокультурной модернизации России и ее регионов.

Тексты выступлений приводятся в авторской редакции.

*Проведение конференции и издание сборника ее материалов
осуществлены при финансовой поддержке Российского гуманитарного
научного фонда (РГНФ), проект № 13-02-14033г*

ISBN 978-5-93299-239-5
ISBN 978-5-93299-233-3 (общ.)

© ИСЭРТ РАН, 2013

КРУГЛЫЙ СТОЛ №1

**Информационная система
«Модернизация» и развитие инструментария
«Социокультурный портрет региона»**

М.А. Антонова,
Вологда

Социокультурные показатели в системе оценки устойчивого развития регионов

В современное время активно актуализируются вопросы взаимовлияния культуры и экономики. Тезис о значении культуры для экономического прогресса не опровергается научным сообществом, но механизм влияния культуры на экономику остается открытым [3]. Актуальной задачей для России и в целом и для каждого из ее регионов в частности является переход к устойчивому развитию. Ориентируясь на главную задачу устойчивого развития – удовлетворение человеческих потребностей настоящего и будущих поколений, следует отметить, что экономическая устойчивость, являясь одной из важнейших составляющих общей устойчивости, в изолированном виде не сможет обеспечить всех необходимых условий стабильного развития системы. Необходимо исследование политических, геополитических, национально-культурных, социокультурных, социальных, теневых факторов влияния на устойчивость региональной системы.

Основы этих взаимосвязей были заложены в работах таких классиков, как Джон Стюарт Милль, И. Посошков, М. Вебер, П. Бурдьё и др. [4]. Изучением культурного капитала как фактора экономического роста, благосостояния и социального благополучия занимался зарубежный учёный Тросби [8]. Необходимо отметить работы итальянских учёных А. Буччи, Дж. Сегре, которые выявили зависимость использования человеческого и культурного капиталов в производстве товаров [7]. Среди современных исследователей можно назвать коллектив ГУ ВШЭ, занимающийся изучением зависимости между уровнем развития, устойчивостью экономики и социокультурными факторами и активно использующий методологии, предложенные зарубежными исследователями Инглхартом и Шварцом [2].

В ходе исследования нами был проведен критический анализ существующих методик по оценке устойчивого развития регионов и сделаны следующие выводы:

– большинство методик основывается на оценке параметров экономической, экологической и социальной составляющих устойчивого развития регионов;

– среди оцениваемых показателей большее внимание уделяется экономическим и экологическим, тогда как социокультурная составляющая либо отсутствует, либо представляется эпизодично (так, в работе Е.А. Кукулиной упоминаются факторы духовного развития [1]);

– в большинстве методик социальные аспекты устойчивого развития базируются лишь на материальной стороне (розничный товарооборот, население с доходами ниже прожиточного минимума, соотношение прожиточного минимума и среднедушевых доходов и т.д.), тогда как рост материального благополучия и ВВП на душу населения может сопровождаться разрушением моральных устоев, ростом преступности, наркомании, алкоголизма, самоубийств;

– несмотря на большое количество проведенных исследований, влияние социокультурной сферы на устойчивое развитие региона практически не изучено.

Полученные данные делают попытки поиска влияния социокультурных факторов на устойчивое развитие регионов актуальными и востребованными. Для апробации нами была выбрана методика д.э.н. Т.В. Усковой [5], в которой, на наш взгляд, наиболее полно представлена социальная составляющая, что позволяет данные попытки предпринимать. В данном подходе устойчивость региона оценивается по каждому показателю с применением многомерного сравнительного анализа, основанного на методе евклидовых расстояний, так как он позволяет учитывать не только абсолютные величины показателей каждого региона, но и степень их близости (дальности) к показателю-эталону. Устойчивое развитие региона, как динамический процесс, рассматривается на основе оценки степени устойчивости региональной социально-экономической системы.

Координаты сравниваемых регионов выражаются в долях соответствующих координат эталона, взятого за единицу:

k_1 – оценка уровня развития региона i по каждому показателю;

$k_1 = \frac{x_i}{\max(x_i)}$ – прямой показатель; $k_i = \frac{\min(x_i)}{x_i}$ – обратный показатель;

x_i – значение показателя в регионе i ;

$\max(x_i)$, $\min(x_i)$ – показатель-эталон, в качестве которого могут быть выбраны оптимальные или пороговые значения показателей регионального развития.

Затем предполагается расчёт комплексного показателя устойчивости по блокам. Каждый показатель возводится в квадрат (чтобы избежать

отрицательных значений), затем находится средняя арифметическая оценка и извлекается квадратный корень:

$$I_j = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n k_i^2}{n}},$$

где I_j – комплексный показатель устойчивости по каждому блоку показателей.

После этого формируется интегральный показатель, основывающийся на среднегеометрической величине. Изменение любого из частных индикаторов приводит к изменению значения обобщающего показателя и фиксирует изменение устойчивого состояния региона.

Методика включает в себя оценку по трем блокам показателей: экономическому, экологическому и социальному. По итогам расчета устойчивости регионов СЗФО можно сделать вывод, что устойчивость большинства из них в период 2000–2010 гг. снизилась. Исключение составляют Псковская, Архангельская, Новгородская области, в которых индекс несколько вырос (табл. 1).

Таблица 1. Интегральный индекс устойчивости регионов СЗФО
(ранжировано по 2010 г.)

Регион	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2010 г. к 2000 г.
Республика Коми	0,776	0,716	0,777	0,735	0,745	0,739	0,737	-0,039
Мурманская область	0,689	0,726	0,684	0,675	0,679	0,667	0,687	-0,002
Псковская область	0,561	0,559	0,579	0,629	0,623	0,669	0,663	0,102
Архангельская область	0,594	0,627	0,633	0,674	0,679	0,677	0,651	0,057
Калининградская область	0,650	0,595	0,768	0,592	0,607	0,698	0,632	-0,018
Республика Карелия	0,638	0,639	0,614	0,607	0,606	0,587	0,618	-0,02
Ленинградская область	0,629	0,596	0,601	0,590	0,592	0,607	0,599	-0,03
Вологодская область	0,544	0,529	0,573	0,550	0,565	0,538	0,542	-0,002
Новгородская область	0,491	0,477	0,498	0,488	0,537	0,550	0,530	0,039

Источники: Основные показатели развития регионов Северо-Западного федерального округа [Текст]: стат. сборник / Росстат. – М., 2012. – 236 с.; Охрана окружающей среды России [Текст]: стат. сборник / Росстат. – М., 2008 – 2012. – 216 с.; Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России [Текст]: стат. сборник / Росстат. – 2011. – 302 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели [Текст]: стат. сборник / Росстат. – М., 2001 – 2011. – 990 с.; Россия в цифрах [Текст]: стат. сборник / Росстат. – М., 2008 – 2012. – 573 с.

Как следует из расчёта интегрального индекса устойчивости, в 2010 году лидирующую позицию со значительным отрывом занимает Республика Коми. Вологодская область находится в конце списка, опережая лишь Новгородскую область.

В 2010 году все регионы СЗФО были в зоне развития, близкого к устойчивому (индекс от 0,5 до 0,75, табл. 2). Вологодская область на протяжении исследуемого периода находилась в этом диапазоне (индекс не превышал 0,573). Автором методики поясняется, что в этой зоне развития существует риск накопления факторов, ставящих под угрозу устойчивое развитие региональной социально-экономической системы. Управленческий субъект должен принимать попытки минимизации их влияния, корректировки проводимой политики, а также поиска механизмов повышения устойчивости [5, с. 101, 107].

Таблица 2. Интерпретация пороговых значений интегральных индексов устойчивости регионов СЗФО, 2010 г.

Область устойчивости	Степень устойчивости системы	Регион	Значение интегрального индекса устойчивости в 2010 г.
2	Развитие, близкое к устойчивому	Республика Коми	0,737
		Мурманская область	0,687
		Псковская область	0,663
		Архангельская область	0,651
		Калининградская область	0,632
		Республика Карелия	0,618
		Ленинградская область	0,599
		Вологодская область	0,542
		Новгородская область	0,530
Источники: Основные показатели развития регионов Северо-Западного федерального округа [Текст]: стат. сборник / Росстат. – М., 2012. – 236 с.; Охрана окружающей среды России [Текст]: стат. сборник / Росстат. – М., 2008–2012. – 216 с.; Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России [Текст]: стат. сборник / Росстат. – 2011. – 302 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели [Текст]: стат. сборник / Росстат. – М., 2001–2011. – 990 с.; Россия в цифрах [Текст]: стат. сборник / Росстат. – М., 2008 – 2012. – 573 с.			

Признаками устойчивого развития обладала лишь Республика Коми в 2000 и 2005 гг. Несколько улучшила свои позиции Новгородская область: на её территории развитие с признаками неустойчивости (индекс от 0,25 до 0,5) было в 2000, 2005, 2006 и 2007 гг., тогда как с 2008 года наблюдается развитие, близкое к устойчивому. Несмотря на то, что по интегральному индексу все регионы СЗФО развиваются достаточно однородно, признаки неоднородности явно просматриваются по показателям эко-

номической, экологической и социальной устойчивости. И это ещё раз доказывает, что Российская Федерация и Северо-Западный федеральный округ в частности обладают качественным региональным разнообразием, поэтому целесообразно предпринимать попытки находить в этих различиях резервы устойчивого развития.

На следующем этапе исследования посредством изучения научных публикаций, доступных статистических данных, анализа нормативно-правовых актов и других документов нами был составлен и добавлен в апробированную методику перечень социокультурных показателей. Таким образом, индикаторы, используемые для оценки устойчивости социально-экономической системы, выглядели следующим образом (табл. 3).

Таблица 3. Перечень индикаторов для расчёта интегрального показателя устойчивости региональной социально-экономической системы

Экономические	Социальные	Экологические	Социокультурные
1. Валовой региональный продукт, тыс. руб. на душу населения. Объём промышленного производства, тыс. руб. на душу населения. 2. Объём инвестиций в основной капитал, тыс. руб. на душу населения. 3. Налоговые и неналоговые доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ, тыс. руб. на душу населения. 4. Доля налоговых и неналоговых доходов в консолидированных бюджетах субъекта РФ, %. 5. Доля инновационных товаров, работ и услуг в общем объёме отгруженных товаров, выполненных работ и услуг, %. 6. Доля предприятий, занимающихся инновациями, %. 7. Степень износа основных производственных фондов, %. 8. Удельный вес убыточных организаций, %. 9. Доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВРП, %.	1. Соотношение денежных доходов на душу населения и величины прожиточного минимума, раз. 2. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, %. 3. Розничный товароборот, руб. на душу населения. 4. Уровень зарегистрированной безработицы, %. 5. Уровень экономической активности населения, %. 6. Доля занятых имеющих высшее и незаконченное высшее профессиональное образование, в общей численности занятых, %. 7. Коэффициент депопуляции населения. 8. Удельный вес ветхого и аварийного жилищного фонда, %. 9. Число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. чел. населения.	1. Удельный вес исследованных проб воды, не соответствующих гигиеническим нормативам по санитарно-химическим показателям, %. 2. Удельный вес исследованных проб воды, не соответствующих гигиеническим нормативам по микробиологическим показателям, %. 3. Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, тонн на 1000 чел. населения. 4. Площадь зеленых массивов и насаждений в городах по субъектам РФ, кв. м в расчёте на одного городского жителя. 5. Лесовосстановление, га на 1000 чел. населения.	1. Обеспеченность населения учреждениями культуры, учреждений на 100 тыс. чел. населения. 2. Удельный вес населения, участвующего в платных культурно-досуговых мероприятиях, проводимых государственными (муниципальными) учреждениями культуры, %. 3. Количество экземпляров библиотечных фондов общедоступных библиотек на 1 тыс. человек населения, шт. 4. Приобщенность населения к культуре региона через посещения учреждений/мероприятий культуры, раз на человека. 5. Доля городского населения во всем населении, %. 6. Число персональных компьютеров на 100 домохозяйств, шт. 7. Доля безработных с высшим образованием, %.

Существенные различия регионов СЗФО по социокультурным показателям (табл. 4), а также их активное изменение за исследуемый период позволяют утверждать, что и устойчивость развития регионов будет изменяться при их включении в расчет, вместе с тем их можно сравнивать, выделять эталоны развития.

Таблица 4. Динамика различий в социокультурном развитии регионов СЗФО в 2010 г.

Показатель	Минимальное значение	Максимальное значение	Превышение макс. над мин., раз
Обеспеченность населения учреждениями культуры, учреждений на 100 тыс. чел. населения	0,316	1,256	4
Удельный вес населения, участвующего в платных культурно-досуговых мероприятиях, проводимых государственными (муниципальными) учреждениями культуры, %	27,8	238,0	8,5
Количество экземпляров библиотечных фондов общедоступных библиотек на 1 тыс. человек населения, шт.	3212	12327	3,8
Интегральный показатель «Приобщенность населения к культуре региона через посещения учреждений/мероприятий культуры», раз на человека	1,018	1,665	1,6
Доля городского населения во всем населении, %	65,7	92,8	1,4
Число персональных компьютеров на 100 домохозяйств, шт.	51	102	2
Доля безработных с высшим образованием, %	20,8	32,1	1,5

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. / Росстат. – М. 2006–2012; Единая межведомственная информационная система [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.fedstat.ru>

При расчете интегрального индекса устойчивости регионов СЗФО по методике с включением социокультурных факторов были получены следующие данные. За период 2007–2010 гг.¹ устойчивость всех регионов снижалась. Лидирующие позиции со значительным отрывом занимала Республика Коми (табл. 5).

Таблица 5. Интегральный индекс устойчивости регионов СЗФО (расчет с социокультурными показателями; ранжировано по 2010 г.)

Регион	2007	2008	2009	2010	2010 г. к 2007 г.
Республика Коми	0,969	0,921	0,938	0,940	-0,029
Псковская область	0,981	0,838	0,898	0,897	-0,084
Мурманская область	0,922	0,862	0,858	0,893	-0,029
Архангельская область	0,919	0,85	0,863	0,846	-0,073

¹ Период исследования изменен из-за недоступности статистических данных по некоторым показателям за период до 2007 года.

Окончание табл. 5.

Регион	2007	2008	2009	2010	2010 г. к 2007 г.
Республика Карелия	0,885	0,795	0,796	0,829	-0,056
Калининградская область	0,802	0,769	0,867	0,797	-0,005
Новгородская область	0,786	0,765	0,785	0,777	-0,009
Вологодская область	0,809	0,766	0,749	0,762	-0,047
Ленинградская область	0,766	0,707	0,74	0,751	-0,015

Источники: Основные показатели развития регионов Северо-Западного федерального округа [Текст]: стат. сборник / Росстат. – М., 2012. – 236 с.; Охрана окружающей среды России [Текст]: стат. сборник / Росстат. – М., 2008–2012. – 216 с.; Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России [Текст]: стат. сборник / Росстат. – 2011. – 302 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели [Текст]: стат. сборник / Росстат. – М., 2008–2011. – 990 с.; Россия в цифрах [Текст]: стат. сборник / Росстат. – М., 2008–2012. – 573 с.

Следует отметить, что при включении в расчет интегрального показателя блока социокультурных показателей степень устойчивости всех регионов выросла. По итогам 2010 года выделился регион с высоким уровнем устойчивости – Республика Коми, индекс – 0,940. Другие регионы обладали устойчивым развитием (табл. 6).

Таблица 6. Интерпретация пороговых значений интегральных индексов устойчивости регионов СЗФО, 2010 г.

Область устойчивости	Степень устойчивости системы	Регион	Значение интегрального индекса устойчивости в 2010 г.
1	Высокий уровень устойчивости	Республика Коми	0,940
2	Устойчивое развитие	Псковская область	0,897
		Мурманская область	0,893
		Архангельская область	0,846
		Республика Карелия	0,829
		Калининградская область	0,797
		Новгородская область	0,777
		Вологодская область	0,762
		Ленинградская область	0,751

Источники: Основные показатели развития регионов Северо-Западного федерального округа [Текст]: стат. сборник / Росстат. – М., 2012. – 236 с.; Охрана окружающей среды России [Текст]: стат. сборник / Росстат. – М., 2008–2012. – 216 с.; Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России [Текст]: стат. сборник / Росстат. – 2011. – 302 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели [Текст]: стат. сборник / Росстат. – М., 2008–2011. – 990 с.; Россия в цифрах [Текст]: стат. сборник / Росстат. – М., 2008–2012. – 573 с.

Исследование показало, что включение в расчет интегрального индекса устойчивости блока социокультурных показателей, повлияло на изменение позиций некоторых регионов. На фоне других регионов

снизились позиции Ленинградской области, которая стала аутсайдером; по методике оценки социокультурной модернизированности регионов результаты схожие: несмотря на культурно развивающийся город Санкт-Петербург, сама область показывает довольно медленные темпы социокультурного развития. Особое влияние социокультурных факторов оказано на перемещение в рейтинге Псковской и Новгородской областей, лидирующие позиции по многим показателям переместили их как в иерархии регионов, так и в более высокую степень устойчивости.

Полученные эмпирические данные ставят задачи дальнейшего исследования, которое должно базироваться на совершенствовании методики, укрупнении числа обследуемых территорий для увеличения доказательной базы, активном вовлечении математических методов для оценки степени влияния социокультурных факторов на результирующий показатель.

Источники

1. Куклина, Е.А. Устойчивость экономической системы: методологические подходы к определению понятия, виды устойчивости, типы устойчивого развития [Текст] / Е.А. Куклина // Образование. Экономика. Общество. – 2007. – №3. – С. 42-47.
2. Лебедева, Н.М. Вектор модернизации России и других развивающихся стран в едином пространстве ценностных измерений [Текст] / Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко, Е.Г. Ясин // Культура, культурные изменения и экономическое развитие: материалы симпозиума. – М.: ГУ ВШЭ, 2010. – 206 с.
3. Лебедева, Н.М. Культура как фактор общественного прогресса [Текст] / Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. – М.: ЗАО «Юстицинформ», 2009. – 408 с.
4. Социокультурное развитие территорий в условиях трансформирующегося общества [Текст]: заключительный отчет о НИР / исполн. А.А. Шабунова, М.А. Ласточкина, М.А. Антонова. – Вологда, 2013. – 126 с.
5. Ускова, Т.В. Управление устойчивым развитием региона [Текст] / Т.В. Ускова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. – 355 с.
6. Ускова, Т.В. Устойчивое развитие региона: от концептуальных основ к практическим результатам / Т.В. Ускова, С.С. Копасова // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. – 2008. – № 43. – С. 21-26.
7. Bucci, A. Human and cultural capital complementarities and externalities in economic growth [Текст] / A. Bucci, G. Serge // Working Papers DEAS. – 2009. – 07 February.
8. Throsby, D. Cultural capital [Текст] / D. Throsby // Journal of Cultural Economics. – 1999. – № 23. – P. 3-12

К.И. Богомазов,
Омск

Развитие инструментария социокультурного портрета для разработки стратегии модернизации на уровне региона*

Дискуссии о направлениях развития инструментария социокультурного портрета с точки зрения сбора и обработки данных не утратили своей актуальности, но с учётом возрастающего накопленного багажа всё более ценным воспринимается опыт представления результатов исследования органам государственного и муниципального управления и региональному бизнес-сообществу. Именно этому был посвящён проект рабочей группы учёных ОмГУ о визуализации результатов социокультурного портрета. Одним из результатов нашей работы стала презентация портрета [9] в рамках Международной выставки-форума для Правительства Омской области, представителей бизнес-сообщества и руководителей институциональных образований на рынке труда [2].

Однако рост баз данных, связанный с новыми направлениями исследований (в частности, статистических исследований о модернизации регионов), динамикой социокультурного портрета и его расширения за счёт интеграции новых модулей (в частности, в Омской области – мониторингов рынка труда), требует развития инструментария интерпретации результатов.

На основе предшествующих исследований [2] можно сформулировать требования к инструментарию интерпретации результатов социокультурного портрета:

- интеграция по вертикали: привлечение при анализе на уровне региона данных уровней федерального округа и страны, возможность детализации результатов (если это в контексте конкретной ситуации возможно) не только от уровня страны до уровней областей, но и муниципалитетов;
- интеграция по горизонтали: сопоставление данных не только федеральных округов и субъектов федерации, но и муниципалитетов; с точки зрения горизонтальной интеграции (в отличие от вертикальной) уже на данном этапе представляется актуальным привлечение опыта других стран [8];

* Проект выполняется при поддержке РГНФ (грант №12-03-00614 а).

- интеграция со средствами дистанционного обучения;
- использование открытых форматов данных, что продиктовано не только требованиями интеграции (см. выше), но важно и для предоставления возможности каждому пользователю общей информационной системы самостоятельно расширить инструментальный набор для решения частных задач;
- дифференциация форм представления данных и типовых отчётов в контексте потребностей целевой аудитории (государственное и муниципальное управление, бизнес-сообщество, институты гражданского общества, научно-образовательные центры, население и СМИ);
- предоставление возможности верификации результатов исследования: от верификации данных до алгоритмов их обработки;
- наличие форм обратной связи и инструментов интеграции с соц-сетями.

Нетрудно заметить, что в списке требований отсутствуют важнейшие указания на сбор данных по единым стандартам, но, с одной стороны, они уже определены типовой методикой [7, 5], а с другой стороны, призваны обеспечить иные этапы создания социокультурного портрета и автоматически проявляются при интерпретации результатов, их представлении широкому кругу потребителей.

Если же рассматривать тему интерпретации результатов, их представления, то правила и регламенты не выглядят проработанными как в центре наших исследований, так и на местах. При этом накапливается опыт презентации результатов [2], и можно уже не только выделить требования к инструментарию визуализации (см. выше), но и проанализировать достоинства и недостатки отдельных решений, применяемых в рамках социокультурного портрета.

Начать хотелось бы с предложения зарегистрировать доменное имя, логотип и общее название проекта на русском и английском языках. Представляется, что существующий ресурс, созданный на базе web-сервера Института философии РАН [10] уже не так удобен для целевой аудитории, но, конечно, именно наработки ЦИСИ ИФ РАН и должны стать ядром нового сайта:

- сведения об авторах проекта;
- типовая методика и иные важнейшие документы, определяющие общие регламенты;
- ссылки на региональные центры;

- ссылки на исследовательские центры в других странах;
- единая библиотека проекта;
- базы данных, прошедшие экспертизу.

Указанные сведения оказались бы более доступными для целевой аудитории, если бы были изложены на отдельном сайте с самостоятельной структурой заголовков. В этом плане удачным выглядит решение посвятить ресурсу об информационной системе «Модернизация» отдельный web-сайт [6], но тогда уж точно и более общий проект заслуживает своего доменного имени, что позволит в дальнейшем не только создавать новые модули и проекты (как, например, упомянутый сайт ИС «Модернизация» создан в домене Института социально-экономического развития территорий РАН), но и предоставлять площадку имён для региональных центров.

Вот чем, на наш взгляд, желательно дополнить ресурс, исходя из изложенных выше требований:

1. Авторизация (при этом доступ ко многим материалам должен быть дифференцирован по признакам роли в проекте, принадлежности к конкретному исследовательскому центру и его результатам: например, при обмене базами данных).
2. Механизм делегирования авторизации (единое имя пользователя и пароль во всём информационном пространстве проекта: региональные центры, новые проекты, сайты мероприятий / конференций).
3. Ссылки на региональные центры и персоналии необходимо разрешить исправлять и дополнять самим участникам, прошедшим авторизацию.
4. Публикация результатов авторизованными участниками с возможностью ограничения доступа (при необходимости) и подключения форм обратной связи (см. ниже).
5. Формы обратной связи, в т.ч. в виде электронной конференции авторизованных участников.
6. Категориальный аппарат социокультурного портрета с переводом терминов на английский язык (как минимум).
7. Поддержка иных языков, но обязательное соблюдение альтернативы выбора русского и английского языков.

На первый взгляд список пожеланий не соответствует ещё четырём из изложенных выше требований (интеграция со средствами дистанционного обучения, использование открытых форматов данных, дифферен-

циация форм представления, верификация), но выполнение перечисленных рекомендаций позволит региональным центрам самостоятельно решить соответствующие задачи, открыв путь и для вертикальной, и для горизонтальной интеграции в едином информационном пространстве социокультурного портрета.

Указанное замечание можно распространить и по отношению к дополнительным модулям (подпроектам) и их сайтам. Например, весьма перспективным представляется ресурс информационной системы «Модернизация» [6]. Он обладает самостоятельным сетевым именем (это удобнее), но при реализации общих пожеланий, перечисленных выше, было бы желательно дополнить его альтернативным именем (алиасом) в домене общего проекта. Сравнивая указанный сайт и сайт web-поддержки проекта Омской группы, который был более подробно представлен ранее [3], выделим те преимущества, которые на базе опыта сайта ИС «Модернизация» можно было бы рекомендовать для развития других ресурсов (в частности, и Омского):

- графическая визуализация результатов (отображение отчётов на карте);
- вывод данных в формате Excel (ввиду высокой распространённости названного продукта, можно признать этот опыт во всех отчётах, кроме отчёта по фазам модернизации, позитивным).

Особенно хотелось бы отметить с привлечением конкретных примеров возможности визуализации динамики модернизации и региональной компаративистики внутри федеральных округов.

С точки зрения потребностей целевой аудитории важно отметить, что именно такая интерпретация является востребованной для субъектов государственного и муниципального управления, но желательно дополнить графическую интерпретацию цитированием числовых значений, иначе не видна ни динамика региона внутри общей фазы, ни дифференциация регионов (см. рис. 1 по Новосибирской области за весь период), находящихся в общем интервале (см. рис. 1 за 2010 год по ряду областей: Омская и Новосибирская, например).

Желательно распространить на сайт подпроекта ИС «Модернизация» более общие правила домена, а именно позитивный опыт авторизации: рассмотрим его далее на примере официального сайта научной конференции [1]. Здесь выделяется не только наличие формы саморегистрации, но и управление профилем участника проекта (в данном случае — участника конференции).

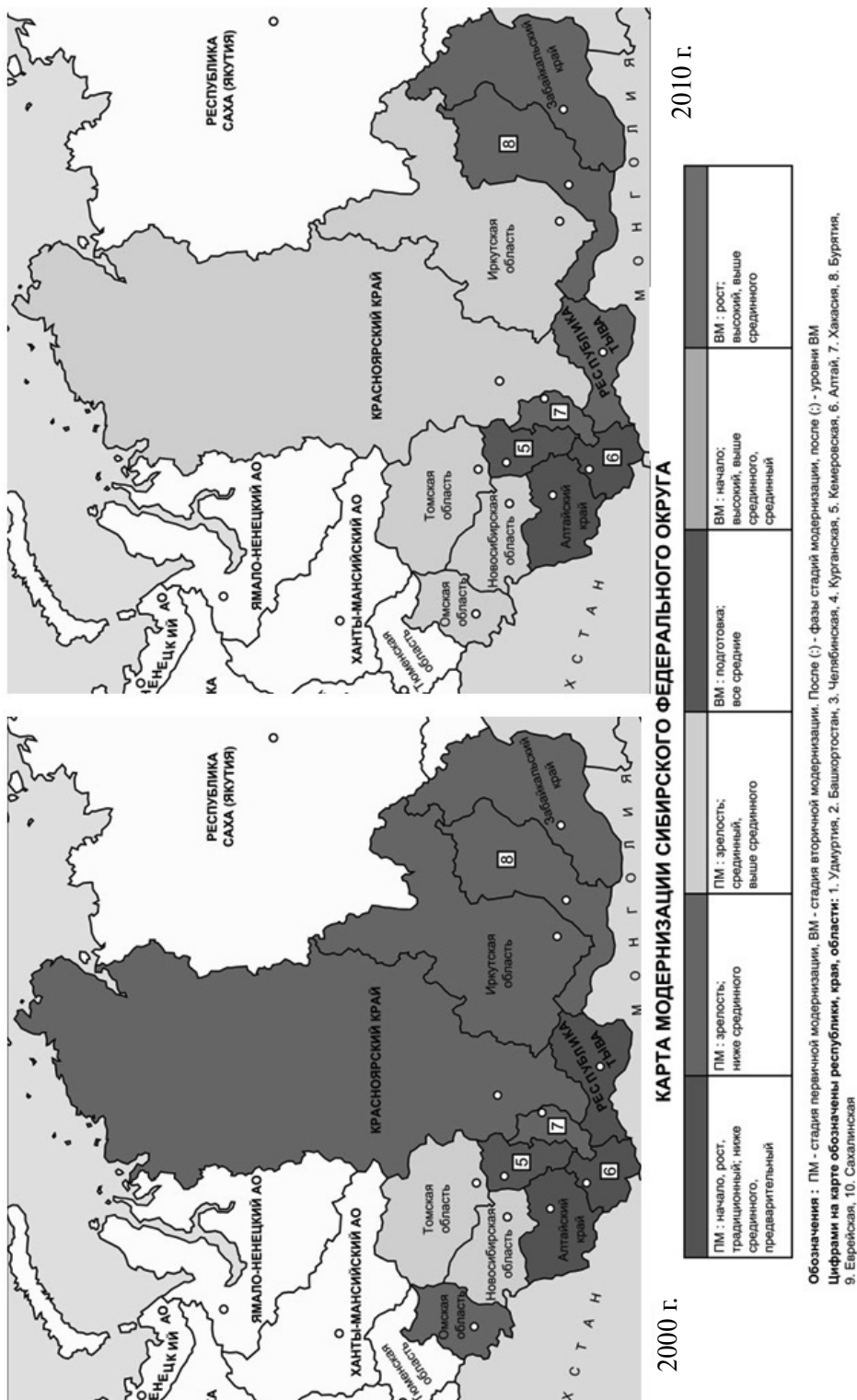


Рисунок 1. Динамика модернизации в Сибирском федеральном округе [6]

Особенно ценными для целей социокультурного проекта представляются следующие поля персонального профиля участника:

- наличие сведений о стране и регионе участника (желательно дополнить принадлежностью к исследовательским центрам и роли — см. пожелание об авторизации);
- альтернативное представление некоторых полей на английском языке (возможно, число полей с соответствующей альтернативой нужно увеличить и в более общем случае предусмотреть указание данных на национальных языках участников проекта);
- возможность самостоятельно редактировать (актуализировать) профиль.

Есть и пожелания, сформулированные на основе опыта Омской группы [3]. В частности, регистрация участников в ОмГУ выполнялась в два шага — с обязательной модерацией ряда полей.

Регистрация участника исследовательского проекта

Внимание! Срок регистрации данной формы зависит от задания. В общем случае, старайтесь действовать оперативно - регистрируйтесь за 1-2 дня после оповещения. Приглашения к заданию обычно распространяются электронной почтой среди тех, кто справился с предыдущим (или не справился - для повтора задания) или ранее регистрировался и может быть заинтересован в получении задания. Приглашение почтой не означает, что Вы обязаны принять задание, но при желании его принять необходима регистрация. Если Вы желаете выполнить два и более разных заданий одновременно (иногда это возможно), то необходимо повторить регистрацию для каждого из заданий.

Примечание: Если Вы регистрируетесь на задание в качестве помощника, то Вы должны знать, что Ваши данные (ФИО, группа, почта, телефоны) будут доступны для всей рабочей группы (в остальных случаях - только для кураторов проекта). Следовательно, при регистрации в качестве помощника Вы можете не указывать некоторых данных (с другой стороны, как же с Вами смогут связаться те, кто будет рассчитывать на Вашу помощь?).

1. * Фамилия
2. * Имя
3. * Отчество
4. * Номер группы
5. * eMail
6. Тел.мобильный
7. Тел.домашний

Рисунок 2. Форма регистрации участников с премодерированием [3]

Поля, указанные на рис. 2, на наш взгляд, нуждаются в проверке, если речь идёт об участнике проекта. Далее именно модератором должны указываться принадлежность к конкретному исследовательскому центру, страна, регион, роль в проекте. Таким образом, должно осуществляться включение в базовые рабочие группы с наделением прав на дополнение проекта соответствующей информацией согласно границам роли и зон «географической ответственности» исследовательских центров (опыт развития подпроекта по модернизации показал, что границы могут динамично меняться, но, в любом случае, они всегда существуют).

Очевидно, что роль в проекте определяется в рамках конкретных исследовательских центров, а значит, и регистрацию участников (как и корректировку модерлируемых полей) лучше делегировать исследова-

тельским центрам. Этим соображением и продиктовано пожелание о создании механизма делегирования.

Но рассмотренные выше рекомендации относятся к участникам социокультурного портрета – исследователям, принимающим участие в сборе и обработке данных, интерпретации результатов, подготовке презентационных материалов. Конечно, именно они создают контент единого информационного пространства социокультурного портрета, но целевая аудитория для инструментария интерпретации результатов гораздо шире. Ряд инструментов должны быть доступны неограниченному кругу лиц без предварительной авторизации.

Сюда могут быть отнесены и инструменты верификации. Ещё на этапе сбора данных ОмГУ использовал электронный валидатор удостоверений интервьюеров. Сами удостоверения формировались автоматически после модерации (подтверждения данных координатором и уточнения роли) (рис. 3).



Рисунок 3. Форма регистрации участников с премодерированием [3]

Далее для участников проекта после авторизации были доступны подробные сведения (в целях координации и обмена опытом).

На рис. 4 и других иллюстрациях фамилии реальных участников проекта и иные персональные данные скрыты, т.к. данная публикация выходит за рамки круга авторизованных участников проекта. Но ниже представлена форма, доступная для населения (рис. 5). Она приведена лишь с незначительными изменениями, поскольку изначально была рассчитана на широкий круг пользователей. Форма позволяла любому потенциальному респонденту проверить данные предъявителя удостоверения (ср. рис. 3 и рис. 5).

Индивидуальные страницы пользователей

Ксения Э---а А---:Э-О



e-mail: ---@mail.ru , 8908----

Тема: Проектирование выборки

Соавторы: Г----а Д.О., К----в А.С.

Победила в конкурсе на организацию опроса по 4-му участку

Состав команды:

А----а Ксения Э----а (лидер) – , 10 интервью.

В----а Ирина А----а (участник) – , 9 интервью.

Рисунок 4. Сведения об исполнителях для участников проекта [3]

Проверка удостоверений интервьюеров

Назовите номер удостоверения для проверки

7 5

Проверить информацию по предъявленному номеру удостоверения!

Проверка удостоверений интервьюеров

Удостоверение N 7 5 выдано экономическим факультетом ОмГУ им. Ф.М. Достоевского на имя

Ксения

(часть персональных данных не доступна для проверки через сайт без авторизации)



подтверждает, что предъявитель данного удостоверения 7115 по заданию кафедры экономики и социологии труда Омского государственного университета проводит опрос населения с 30.10.2012 по 15.12.2012 в заданном районе (г.Омск) Омской области

Рисунок 5. Сведения об исполнителях для потенциальных респондентов – электронный валидатор удостоверений [3]

Представленные выше формы отражают использование электронного валидатора удостоверений и более подробно для этапов проектирования выборки, разработки маршрутов, сбора данных показаны нами ранее [3]. Здесь они приведены не только для иллюстрации разграничения доступа и дифференциации уровней представления информации (ср. рис. 4 и рис. 5), но и для того, чтобы показать важное преимущество электронных форм первичных документов: они могут быть предъявлены для верификации.

Как работал валидатор удостоверений на этапе интервьюирования? На официальном сайте ЭФ ОмГУ им. Ф.М. Достоевского (можно дублировать на титуле удостоверения и/или в визитке интервьюера) в ответ на введённый номер удостоверения можно было увидеть основные подтверждающие сведения о предъявителе: фото, имя (только имя! остальная информация – в «бумажном» варианте, который и предъявлялся интервьюером, см. рис. 3), период и район действия удостоверения, сведения о тех, кто его выдал.

Как предлагается трансформировать работу валидатора удостоверений на этапе представления результатов исследования в органы государственного и муниципального управления? Предлагаем, сохранив маршруты интервьюеров (геотегины), предоставить возможность получения информации об исполнителях по маршруту по всей цепочке исполнителей (руководитель рабочей группы/исследовательского центра, утвердивший проект выборки, разработчик маршрута, интервьюер, супервайзер (ответственный за административный район или избирательный участок (для крупных муниципальных образований)), операторы базы данных). На наш взгляд, такой подход повысит доверие к предъявляемым результатам.

Интересным также представляется опыт ОмГУ по развитию электронных форм на этапе обучения интервьюеров, сбора интервью и первичной регистрации данных. Рассмотрим данное предложение на примере вопроса 38 [7] (рис. 6).

Обратим внимание, что в представленном примере графическая интерпретация может быть применена уже на этапе сбора данных (или его подготовки). Это же относится и к геотегины (подробнее см. [3]). Смысл предложения в том, что первичные данные желательно сразу наносить на карты и тогда при соблюдении принципа использования открытых форматов данных (см. выше) станут масштабируемы и доступны на картах

38. А теперь прошу Вас сказать, согласны Вы или не согласны со следующими суждениями:

4. Свобода человека - это то, без чего его жизнь теряет СМЫСЛ



Утверждение	Оценка согласия в баллах (1-11)
1. В любых условиях красота делает человека лучше и чище	6
2. Главное в жизни - забота о своем здоровье и благополучии	7
3. Бывают обстоятельства, когда человек сам, по своей воле может посягнуть на жизнь другого человека	1
4. Свобода человека - это то, без чего его жизнь теряет смысл	9

Рисунок 6. Web-форма для обучения интервьюеров и предварительной регистрации ответов – пример по вопросу 38 [4]

любого уровня, что позволит графически интерпретировать все результаты проекта в едином пространстве (см. пример на рис. 1, но данное предложение шире, оно предполагает графическую интерпретацию на картах всех данных проекта).

Возвращаясь к принципам представления информации в открытых форматах данных и возможности верификации результатов по всей цепочке, обратим внимание, что подпроект модернизации в текущем варианте ограничил соответствующие возможности. Ранее нами был апробирован инструментарий, сохраняющий данные не только обо всех исходных значениях показателей, но и об их источниках.

На рис. 7 представлена форма первичной регистрации данных. Подобную форму (для MS-Excel) использовали и в ТюмГУ, но данный пример интереснее указанием источника и более простым интерфейсом для новичка, что позволяет использовать форму и в обучении, и для визуализации ожидаемых последствий управленческих решений в государственном и муниципальном управлении. Например, мы предлагаем накопленную базу данных представлять в виде исходной информации (наше предложение о т.н. RAW-формате вносилось ранее) и позволять

3. Фамилия, имя, отчество оператора данных Иванов Иван Иванович

4. eMail оператора данных postbox1@mail.ru

5. Регион Омская область

6. Год данных (в настоящее время автоматическая обработка доступна только для 2000, 2005, 2008, 2009, 2010 годов) 2010

Введите все значения по прилагаемой таблице

Идентификатор	Описание индикатора	Значение	Единица измерения	Точность (число десятичных знаков после точки)	Рекомендуемый источник данных
VNP_VRP_PerPerson	Валовой региональный (для региона)/национальный(для страны) продукт на душу населения		руб.	1	Регионы России. Социально-экономические показатели - 2011: пока нет более нового источника, привлечь значение показателя за 2009 год со знаком минус. Табл. -11.2
Zan_SH1	Численность, занятых в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве, рыболовстве, рыбноводстве (Распределение среднегодовой численности занятых в экономике по видам экономической деятельности)		тыс.чел.	1	Регионы России. Социально-экономические показатели - 2011. Табл. 4.4

Рисунок 7. Web-форма для регистрации данных в подпроекте «Модернизация»

модифицировать отдельные значения и пересчитать результат. Т.е. рис. 1 может быть детализирован на уровне областного центра или района, если известны хоть некоторые показатели, отличающие его от субъекта федерации. Кроме того, такой подход позволяет строить некоторые прогнозы для управленцев, чья компетенция позволяет предполагать изменение отдельных целевых показателей.

Необходимо отметить, что для соблюдения принципов горизонтальной и вертикальной интеграции, изложенных нами выше, необходимо, чтобы пользователи инструментария ИС модернизации, представляющие государственное и муниципальное управление, были авторизованы. Тогда допустимой станет возможность сохранения внесённых ими данных в пределах границ компетенции (отраслевой и географической), а это даст возможность динамически обновлять прогнозы и по вертикали и по горизонтали. А сам инструмент с учётом доработки можно рекомендовать к использованию в рабочих группах региональных органов исполнительной власти, занятых разработкой стратегии развития региона. Опыт взаимодействия ОмГУ с органами исполнительной власти представлен отдельной публикацией на конференции, а данная работа призвана обобщить требования к развитию инструментария нашего проекта, который должен обеспечить возможности дальнейшего использования результатов в государственном и муниципальном управлении и, в частности, для разработки стратегии модернизации регионов РФ.

Источники

1. IX Всероссийская научно-практическая конференция по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» // Официальный web-сайт. URL: <http://conf.vscs.ac.ru>
2. Богомазов К.И., Галюкшев А.И. Портрет региона стал полноцветным для управления. URL: <http://SocRegion.OmEco.Ru/Publications/OmSU/2011/OmSU/BogKY-02.pdf>
3. Богомазов К.И. Развитие инструментария новой социологии: геотегинг и Web-поддержка в социологических исследованиях на базе типовой методики. URL: <http://SocRegion.OmEco.Ru/Publications/OmSU/2012/BogKY-v3.pdf>
4. Богомазов К.И. Web-форма для обучения интервьюеров и предварительной регистрации ответов – пример по вопросу 38. URL: <http://socregion.omeco.ru/AnketaBlank/Question38/Question38.html>
5. Инструкция для заполнения базы данных URL: <http://iph.ras.ru/uplfile/scult/Instr.pdf>
6. Информационная система «Модернизация». – URL: <http://mod.vscs.ac.ru/>
7. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). М.: ИФРАН, 2010. URL: <http://iph.ras.ru/uplfile/scult/titul.pdf>
8. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Пер. с англ. под общей редакцией Н.И. Лапина; Предисл.: Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. М.: Издательство «Весь Мир», 2011. 256 с.
9. Социокультурный портрет Омской области / Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; сост. и общ. ред. В.С. Половинко. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2011. – 396 с. URL: <http://SocRegion.OmEco.Ru/Publications/OmSU/2011/Monograph-2011.pdf>
10. Центр изучения социокультурных изменений // Официальная Web-страница. URL: http://iph.ras.ru/soc_cult_changes.htm

КРУГЛЫЙ СТОЛ №2

**Мотивация труда, молодежь
и развитие региона**

Е.В. Андрианова,
Тюмень

Сравнение трудовых мотивов выбора работы в прожективной ситуации жителей Тюменской области*

Реформирование социально-трудовых отношений, происходящее на всем этапе рыночной трансформации России, привело к кардинальным изменениям содержания и условий трудовой деятельности населения. Работники получили широкие права и свободы в выборе места, формы и степени приложения своего трудового потенциала. В условиях снижения государственного регулирования распределения трудовых ресурсов на рынке труда возросла конкуренция. Тем не менее отношения в трудовой сфере рыночными по своей сущности назвать нельзя. Процесс формирования рынка труда продолжается, это подтверждают исследования социологов и экономистов. Сравнение трудовых мотивов выбора работы в прожективной ситуации жителей регионов России позволяет увидеть скорость и направление происходящих на рынке труда изменений.

В работе использованы данные социологических исследований, проведённых в Тюменской области по типовой методике, разработанной ЦИСИ ИФ РАН, под руководством Н.И. Лапина в 2006, 2009, 2011, 2013 гг. [3]. В исследовании принимало участие население области старше 18 лет, опрос проводился методом интервью в домашних условиях. В 2006 г. было опрошено 4000 человек по массовой анкете; в 2009 г. — 4510 человек по массовой анкете; в 2011 г. — 5567 человек; в 2013 г. — 3054 человека в возрасте от 18 лет и старше по массовой анкете, в том числе: по Югу Тюменской области — 1271 респондент; ХМАО — 1301 респондент; ЯНАО — 482 респондента. Все выборки 2006–2013 гг. являются четырехступенчатыми (территория, половозрастная структура, образование) и репрезентируют население трех субрегионов: Юга Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО-Югра) и Ямало-Ненецкого округа (ЯНАО) по половозрастной и образовательной структуре сельского/городского населения, с учетом места проживания, с ошибкой не выше 3%.

* Работа выполнена при поддержке фонда РГНФ, проект №12-03-00304 а.

Для изучения изменений в структуре трудовых мотивов работников в исследовании был задан вопрос: «Какую работу Вы предпочли бы сегодня, имея возможность выбора?»

Среди трудовых мотивов жителей Тюменской области первое место занимает желание иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне – 41%. Доля тех, кто готов много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее, почти в два с половиной раза меньше. А доля жителей, готовых иметь собственное дело и вести его на свой страх и риск, в три раза меньше согласных на небольшой заработок при сохранении уверенности в завтрашнем дне (рис. 1).

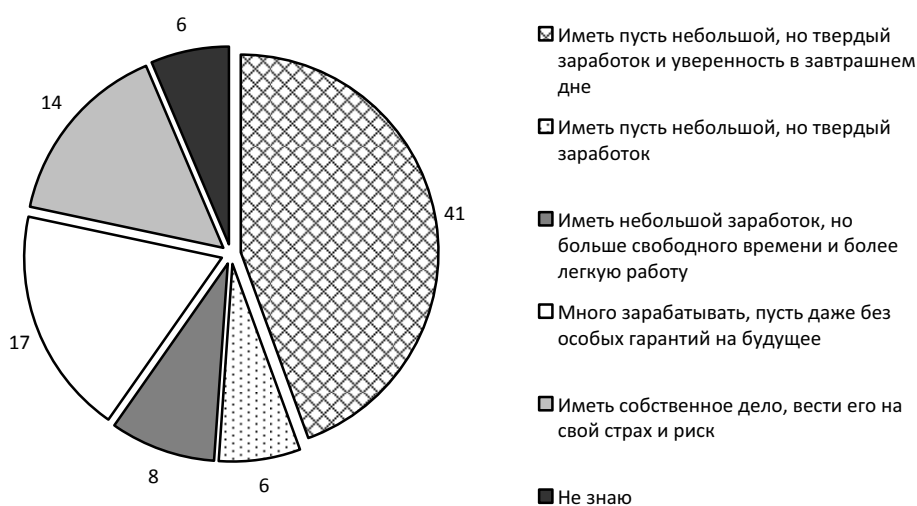


Рисунок 1. Работа, которую предпочли бы сегодня, имея возможность выбора, жители Тюменской области, 2013 г.*, %

* Здесь и далее итоговый не равен 100%, так как для построения диаграммы была исключена доля отказов от ответа.

Динамика трудовых мотивов населения в прожективной ситуации в Тюменской области представлена на рисунке 2. За период с 2006 по 2013 гг. колебания долей жителей, желающих иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне; иметь пусть небольшой, но твердый заработок; иметь небольшой заработок, но больше свободного времени и более легкую работу, не превышали 3%. Отсюда можно сделать вывод о том, что в Тюменской области есть устойчивая группа жителей, выбирающих стабильность.

На этом фоне обращает на себя внимание факт значимого снижения части населения, готового много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее (с 24% в 2006 г. до 17% в 2013 г.). Поредели также ряды желающих иметь собственное дело и вести его на свой страх и риск (с 17 до 14%), при этом наиболее значительный спад – на 8% – наблюдался в разгар экономического кризиса в 2009 г. Стоит задуматься, что это – потеря иллюзий относительно легкости ведения собственного бизнеса или с точки зрения населения появились более легкие способы получения богатства, например чиновничество.

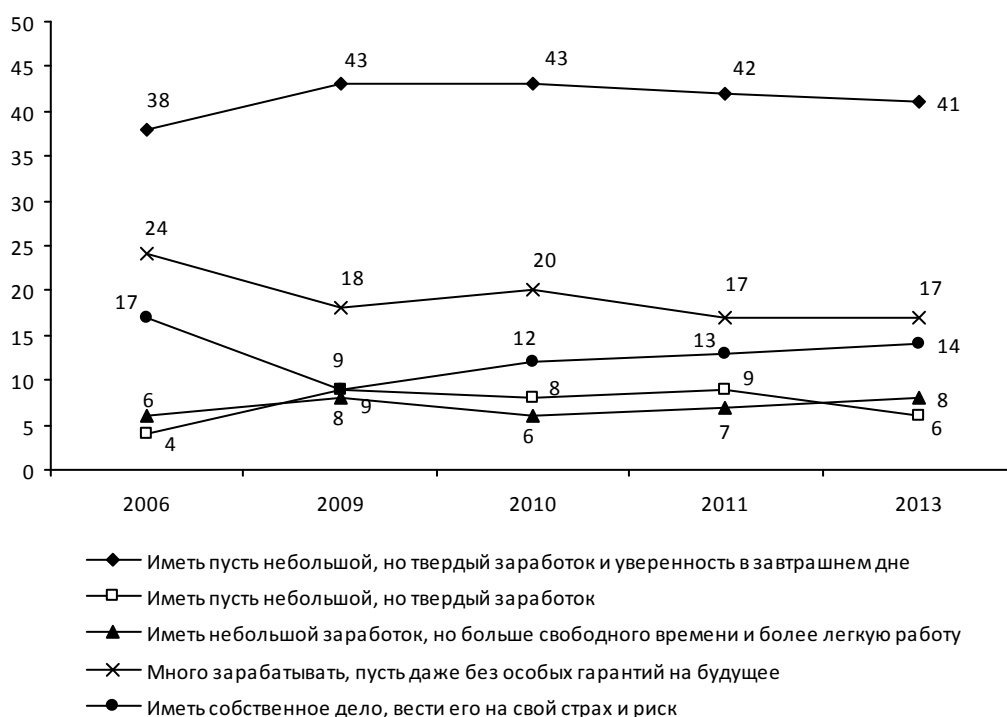


Рисунок 2. Динамика предпочтений при выборе желаемой работы, ТО, 2006–2013, %

Рассматривая зависимость предпочтений при выборе желаемой работы от гендера, можно наблюдать, что в 2013 г. женщины в своем выборе практически сравнялись с мужчинами. Единственная значимая разница наблюдается при выборе суждения «иметь собственное дело и вести его на свой страх и риск», здесь доля мужчин на 6% превышает долю женщин (17 и 11% соответственно).

Отметим зависимость типа трудовых мотивов от образования работника. Если в 2006 г. среди тех, кто предпочитает небольшой, но твердый

заработок, преобладали люди со средним специальным образованием, то к 2011 г. небольшой, но твердый заработок предпочитают иметь практически в одинаковой степени как люди с высшим, так и со средним специальным и средним общим образованием (по 43%). При этом доля жителей, делающих этот выбор, ниже среди имеющих незаконченное среднее и незаконченное высшее на 10 пунктов и составляет 32%. В большинстве своем в указанные категории попадает молодежь, еще только вступающая в трудовую жизнь и традиционно не стремящаяся к стабильности, что подтверждается рассмотрением корреляций с возрастом. Тем не менее, как и в исследованиях 2006–2013 гг., сохраняется такая тенденция: чем более образованны люди, тем чаще они готовы много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее. Заметим, что больше доля населения с высшим образованием, готового иметь свое дело и вести его на свой страх и риск, и она не превышает таковую среди людей со средним специальным образованием и ниже, хотя еще в 2011 г. превышала ее почти в 2 раза. Интересно, что самые малые доли жителей, предпочитающих иметь свое дело и вести его на свой страх и риск, наблюдаются среди людей без образования (9%) и имеющих послевузовское образование (9%), что, самое меньшее, на 4 пункта ниже, чем во всех остальных группах, а от максимума отстает в 2 раза. Если в 2006–2009 гг. работники с высшим образованием являлись исключением среди людей с прочими типами образования и чаще предпочитали рисковать, то кризис отбросил их назад. Люди с высшим и послевузовским образованием вместе со всеми людьми с остальными типами образования чаще всего предпочитают иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне и эта тенденция остается неизменной с 2010 г.

С точки зрения возрастных различий среди молодых групп населения (20–24 и 25–29 лет), больше доля тех, кто предпочитает много зарабатывать без гарантий на будущее и вести свое дело (рис. 3).

Более молодые в большей степени склонны к самостоятельности, в молодых возрастных группах меньше задумываются о стабильности и гарантиях завтрашнего дня, чем старшее поколение. Например, среди указанной возрастной группы до 25 лет 24% представителей (против 14% в 2009 г.) хотели бы много зарабатывать без гарантий на будущее и 23% — иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск (для сравнения: среди лиц в возрасте 55–59 лет такие мотивы имеют лишь 14 и 6% соответственно). Переход от рыночно-ориентированного к патерналист-

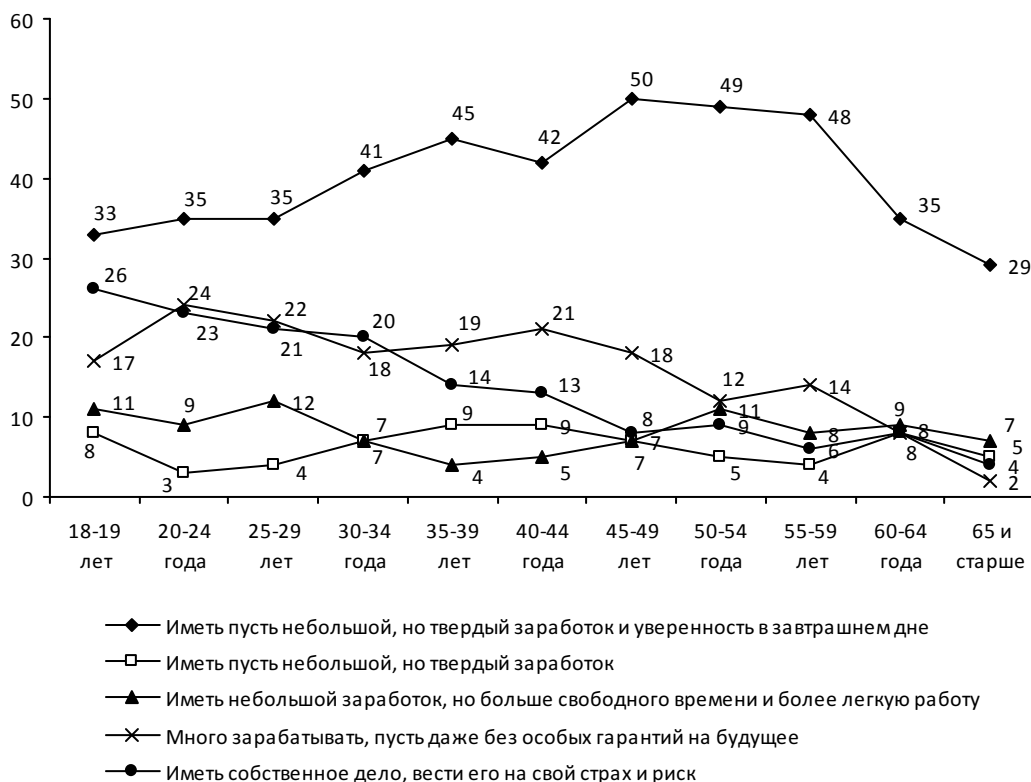


Рисунок 3. Иерархия трудовых мотивов в различных возрастных когортах, ТО, 2013 г., %

скому типу трудовой мотивации помолодел и теперь происходит в возрастной когорте 30–34 года, тогда как еще в 2011 г. и ранее происходил в возрастной когорте 35–44 года. Далее, при приближении пенсионного возраста, трудовая мотивация снижается уже по объективным причинам.

Отметим, что если до 2013 г. значимой разницы в предпочтениях жителей разных типов поселений не отмечалось, то в исследовании 2013 г. становятся выраженными некоторые тенденции. Так, максимальная доля населения предпочитающего иметь собственное дело, сосредоточена в крупных городах (20%), что превышает на 12 пунктов долю таких жителей в поселках городского типа. Соответственно, в поселках городского типа сосредоточена максимальная доля желающих иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне (47%).

Итак, две противоположные тенденции изменений мотивации к труду, уже отмечаемые нами ранее, продолжают свой тренд [3]. По сравнению с результатами исследования 2006 г. в возрастных когортах после 35 лет растут патерналистские настроения работников. Одновременно отмеча-

ется рост доли тех, кто готов работать в рыночных условиях, среди горожан моложе 35 лет, в первую очередь с незаконченным высшим и высшим образованием.

Как и прежде, в иерархии трудовых предпочтений населения Тюменской области преобладает ориентация работников на ощущение социальной защищенности. Эта ситуация типична для всей России, и различия между регионами наблюдаются только в степени выраженности данной тенденции.

Сравнивая трудовые мотивы выбора работы в прожективной ситуации с 2006 года, отметим, что за восемь лет произошли значимые изменения только в группах желающих много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее, и в группе желающих иметь свое дело и вести его на свой страх и риск в сторону снижения доли жителей, делающих этот выбор. В численности населения, делающего иной выбор, за восемь лет наблюдений сколько-нибудь значимых изменений не произошло. Возможно, это говорит о стабилизации предпочтений на рынке труда, а возможно, об отсутствии реальных шагов в сторону заданного вектора движения к рыночной экономике.

Источники

1. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). М.: ИФРАН, 2010.
2. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. Тюменский регион / Институт философии РАН. Центр изучения социокультурных изменений. Научно-координационный совет секции ФСПП ООН РАН «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» / Сост. и общая ред.: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: Academia, 2009.
3. Социокультурный портрет Тюменской области: коллективная монография / науч. ред.: Г.Ф. Ромашкина, В.А. Юдашкин. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2011.
4. Тюменская область в цифрах: Крат. стат. сб. в 4-х частях. Ч. 1. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, 2013. – С. 69.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2012. [Эл. ресурс]. Режим доступа: www.gks.ru.

Е.П. Галкина, М.И. Кадничанская,
Ульяновск

Мотивация трудовой деятельности молодежи как аспект модернизации региона

Модернизация – это требование времени. Сегодня проблемы модернизации российского общества перешли из разряда научной проблемы в плоскость жизненно необходимого преобразования экономики, социальной структуры, системы образования, других социальных институтов, а также идеологии. Необходимость проведения структурных изменений в различных сферах жизнедеятельности общества всеми осознается. Главным вопросом остается выбор возможных механизмов модернизации. При этом необходимо учитывать экономические и социокультурные особенности российских регионов как частей России, образующих в совокупности «большое общество» [1].

Регион можно рассматривать как мезоуровень и мезоячейку социокультурного пространства страны: это исторически сложившееся территориальное сообщество, которое выполняет определенные функции по отношению к человеку, населению, социальным группам, организациям, действующим на данной территории, и служит средой, мотивирующей этих акторов. Региону, как и обществу в целом, свойственны четыре социокультурные функции и структуры: жизнеобеспечивающая, интегрирующая, дифференцирующая и властно-регулирующая. Они паритетны по своей природе и взаимосвязаны; в оптимальном состоянии – сбалансированы между собой, за их сбалансированность ответственна властно-регулирующая система. Это требует разработки для региона стратегии модернизации, учитывающей интересы разных социальных групп, особенно молодежи – наиболее подвижной части общества, которая покидает регион, если не видит в нем для себя перспектив.

В любом обществе молодежь выступает социальной силой, обладающей значительным инновационным потенциалом для обеспечения важнейших общественных преобразований. Но именно эта категория населения в настоящее время в России является наиболее уязвимой.

Непрекращающееся в последние годы уменьшение численности молодого поколения и сокращение доли молодежи на российском рынке труда существенно подрывают возможности устойчивого общественного развития. На глазах молодежи происходит существенное нарастание социального неравенства в обществе и поляризация доходов населения. Если раньше положение в обществе определялось уровнем образования и было престижно относиться к слою интеллигенции, то теперь оно определяется материальным благосостоянием. Это еще раз подтверждает, что формируется новая структура ценностного сознания «потребительского общества», в большей степени выраженная у молодежи.

В последнее время в России прослеживаются новые тенденции в сфере трудовой мотивации. В отечественной социологической науке выделяют несколько этапов изменений в мотивации труда:

- Первый этап (с конца 1980-х годов до середины 1990-х годов) характеризуется проявлениями кризисной мотивации, когда проявлялась массовая потеря интереса к работе при одновременной надежде на действия рыночных факторов. Современные ученые и практики выделяют различные типы трудовой мотивации: например, «максимум дохода ценой максимума труда», «гарантированный доход ценой минимума труда» (Г.К. Булычкина), люмпенизация работников, их склонность к низкой интенсивности труда, к потере интереса к содержанию работы (В.И. Герчиков, Ю.Л. Неймер), об устойчивости мотивации, противодействующей повышению интенсивности труда, как только достигается приемлемый с точки зрения рабочих уровень заработной платы (В.Д. Козлов), достигательная мотивация (Л.Д. Гудков, В.С. Магун).

- Второй этап (середина 1990-х годов – начало 2000-х годов). Это этап адаптивной гибкости мотивации труда, связанный с качественным переходом от «мотивации выживания» (за счет как экстенсивного, так и интенсивного труда) к «мотивации труда как ценности» (за счет качественного изменения в отношении к труду: труд стал пониматься как самодостаточная ценность). К числу основных тенденций изменений в мотивации труда работников отводят как гипертрофированный рост мотива заработка, так и появление, а затем устойчивое закрепление на втором месте нового мотива – «гарантии занятости». Работник стал ориентироваться на занятость в основном на новых частных предприятиях и на вторичную занятость.

- Третий этап (2000–2008 гг.) – этап относительной стабильности. Переход от адаптационной модели мотивации труда к моделям интенсификации и достижительности в труде на основе повышения значимости высококвалифицированного труда. В это время произошел довольно существенный сдвиг в системе ценностей и мотивации работников: они не хотят больше заниматься промышленным трудом, не хотят работать на производстве, а ищут более «чистую» и выгодную работу.

- Четвертый этап (с 2008 года по настоящее время) – наблюдается стремление связать мотивацию труда как с инвестициями в человеческий капитал предприятия, так и с управлением трудом на основе рационального использования человеческого потенциала. Выявлены проблемы необходимости гармонизации современных социально-трудовых отношений [2].

Таким образом, социально-трудовые отношения в России до сих пор испытывают деформирующее влияние затяжного трансформационного кризиса. Это проявляется в негативном изменении сложившихся ранее позитивных стереотипов трудового поведения и мотивации труда, а также в ущемлении социальных, трудовых и личных прав работников не только на уровне предприятия, региона, но и на уровне всего общества.

Особенно явно это можно наблюдать среди молодежи. Молодому поколению необходимо самостоятельно принимать решения о своем дальнейшем будущем; от их выбора зависит профессиональная жизненная карьера и место в обществе. В современной ситуации юношам и девушкам приходится самим решать, что для них является приоритетным: быстрое обогащение любыми способами или приобретение образования, высокой квалификации; отрицание прежних ценностей и норм или гибкость, приспособление к новой действительности [3].

На базе кафедры социологии и политологии Ульяновского государственного университета в рамках проекта «Социокультурный портрет Ульяновской области», подготовленного по типовой программе и методике, в марте 2013 года было проведено социологическое исследование, частью которого было изучение мотивации трудовой деятельности молодежи города Ульяновска [4].

Результаты позволяют выстроить следующую иерархию мотивации трудовой деятельности молодежи города Ульяновска (табл. 1).

Большинство респондентов (44,3%) хотели бы много работать и хорошо зарабатывать. На втором месте (27,1% опрошенных) стоит мотив спокой-

ной стабильной работы с социальными гарантиями. 13,8% респондентов говорят, что не желают работать и учиться, но при этом хотят иметь все, что хочется. 11% респондентов на первое место ставят мотив интересной работы, 3,8% опрошенных предпочитают иметь много свободного времени.

Таблица 1. Иерархия трудовых мотивов молодежи г. Ульяновска
(в % от числа опрошенных)

Какую работу хотел бы респондент	%
Много работать и хорошо зарабатывать	44,3
Небольшой заработок, но много свободного времени	3,8
Интересная работа независимо от заработка	11,0
Спокойная стабильная работа со всеми социальными гарантиями	27,1
Не работать, не учиться, но иметь все, что хочется	13,8

Главной причиной, которая побуждает респондентов работать, – это стремление иметь материальную независимость – 77%. На втором месте – необходимость содержать семью – 40,7%, на третьем месте – потребность в самоуважении (25,2%), на четвертом месте – интересная работа (22,2%).

Можно предположить, что мы наблюдаем определенный тревожный симптом, который проявляется в ориентации молодежи в сфере трудовой мотивации на труд как источник получения средств к существованию. При этом ценность самореализации посредством труда остается достаточно низкой.

Интересен тот факт, что 62,1% респондентов хотели бы открыть свой бизнес, 37,9% – не готовы это сделать (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Хотели бы Вы открыть свой бизнес?», %

Варианты ответов	%
Да	62,1
Нет	37,9

Из тех респондентов, кто хочет открыть свой бизнес, – 53,6% мотивируют это желанием получить возможность заниматься интересным делом. У 38,7% респондентов главным мотивом выступает стремление содержать семью. 36,1% опрошенных хотят стать богатыми, а 29,9% – занять устойчивое положение в обществе. И только 5,7% респондентов следуют примеру родственников, знакомых, друзей (табл. 3).

Таблица 3. Причины открытия собственного бизнеса, %

Причины открытия	%
Стремление к устойчивому положению в обществе	29,9
Возможность заняться интересным делом	53,6
Необходимость содержать семью	38,7
Перспектива разбогатеть	36,1
Примеры родственников и знакомых	5,7

Молодые люди, которые уже имеют свой бизнес (5,3%), считают, что основная деятельность предпринимателя заключается в извлечении прибыли (52,1%). При ответе на вопрос: «Что, по Вашему мнению, необходимо для успешной предпринимательской деятельности, для достижения успеха в бизнесе?» – большинство респондентов выделяют наличие так называемой предпринимательской хватки (57% опрошенных) и наличие стартового капитала (10%). Связи и поддержка властей занимают 9,8 и 8,9% соответственно. Такие факторы, как удача (4,7%), идея (4,7%) и непосредственный труд (4,9%), стоят на самых низких позициях.

Профессиональные планы молодых людей очень часто зависят от объективных факторов, к которым в первую очередь относится социально-экономическое положение страны. За последние десятилетия перемены, произошедшие в стране, привели к изменению списка сфер работы, привлекательных для молодежи. Раньше население страны было занято в большей степени в сфере производства, в обществе ценились профессии, связанные с наукой, сельским хозяйством и строительством. В настоящее время эти отрасли все еще имеют большое значения для экономики страны, однако утратили свою престижность в глазах молодежи. Большинство молодых людей стараются связать свою работу с торговлей (16,7%), со сферой обслуживания (транспорт – 12,2%, связь – 9,6%) и 10,3% – с промышленностью (табл. 4).

Это свидетельствует о существующей диспропорции на рынке труда, в результате чего предложения по некоторым специальностям в несколько раз превышают спрос, что приводит к проблеме трудоустройства по специальности после окончания обучения. Такая ситуация в сфере занятости в лучшем случае заставляет юношей и девушек перепрофилироваться, получать второе и последующее образование либо соглашаться на работу не по специальности, полученной в профессиональном учебном заведении.

Таблица 4. Сферы занятости молодежи города Ульяновска, %

Сфера занятости респондента	%
Не работает	16,7
Промышленность	10,3
Сельское хозяйство	0,6
Строительство	5,1
Транспорт	12,2
Связь	9,6
Торговля, общепит	16,7
ЖКХ, непроизводственное бытовое обслуживание	3,2
Образование	7,7
Культура и искусство	2,6
Наука и научное обслуживание	0,6
Финансы, кредит, страхование	7,1
Управление	1,9
Другое	5,8

Результаты исследования показали, что по специальности работает 29,8% опрошенных. Не работают по специальности 39,8% респондентов, причем самая распространенная причина этого – низкий заработок (40,7%). В качестве причин респонденты также указывали: «не берут без опыта работы» (20,4%), «нет вакансий» (16,7%), «нет карьерного роста» (14,8%), «не престижно» (12%; табл. 5).

Таблица 5. Причины, по которым респондент не работает по специальности, %

Причины	%
Нет вакансий	16,7
Не престижно	12,0
Низкий заработок	40,7
Не берут без опыта работы	20,4
Нет перспектив продвижения по карьерной лестнице	14,8
Другое	1,9

Таким образом, выделим следующие основные моменты.

Во-первых, модернизация региона требует внедрения технологий, которые качественно меняют место человека в обществе и содержание производства. Для этого необходим другой тип работника – с высоким уровнем образования и профессионально-квалификационной подготовки. Выбирая новый вариант развития, необходимо решать проблемы не только технические и экономические, но и сознания и воспитания.

Во-вторых, молодежь, как наиболее активная часть общества, обладает высоким трудовым потенциалом и способна внести свой вклад в социально-экономическое развитие страны и региона через разработку инновационных идей и создание новых компаний, организацию дополнительных рабочих мест и реализацию принципов социальной ответственности.

В-третьих, молодёжь представляет собой социально-демографическую группу, которая должна постоянно находиться в фокусе исследований социологов, так как именно она является точным индикатором происходящих перемен и в целом определяет потенциал развития общества.

В-четвертых, для молодежи одним из основных ориентиров в обществе выступает материальное положение. Социально-экономическая активность молодёжи выражается в двух основных тенденциях: ориентации на создание собственного благосостояния посредством реализации собственных трудовых мотивов и ориентации на формирование среднего класса.

В-пятых, можно видеть проявление признаков кризиса трудовой мотивации в российском обществе, в том числе и среди молодежи. Среди этих признаков можно отметить ориентацию на удовлетворение простейших потребностей, связанных с физиологическим выживанием и обеспечением минимума безопасности, а также снятие моральной цензуры на выбор средств для достижения целей. Но вместе с тем можно наблюдать стремление определенной части молодежи к более интенсивному труду, желание найти не только хорошо оплачиваемую, но и интересную и перспективную работу.

Источники

1. Беляева Л.А. Социокультурные факторы модернизации регионов // Сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и её регионов», 22–25 октября 2012 г., ИСППИ РБ. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. С. 24-38.
2. Андрианова Е.В. Мотивация трудовой деятельности, как аспект модернизации социально-трудовых отношений // Сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и её регионов», 22–25 октября 2012 г., ИСППИ РБ. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. С. 258-265.
3. Кошарная Г.Б., Корж Н.В. Ценность образования в студенческой среде / Интеллигенция и гражданское общество: Сборник научных трудов. Ульяновск: УлГТУ, 2013. С. 132.
4. Лапин Н.И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет регионов России» (модификация – 2010) / Н.И. Лапин. М.: ИФ РАН, 2010.

И.А. Евграшина,
Вологда

Человеческий капитал молодежи как фактор инновационного развития

В настоящее время конкурентные преимущества экономик мира в большей степени достигаются не за счет природных ресурсов, а знаний, информации, инноваций, которые становятся доминантными в достижении экономического роста стран. Важным фактором построения экономики инновационного типа является развитие человеческого капитала. Формирование человеческого капитала непосредственным образом связано с наличием креативного населения, готового активно осваивать инновационные технологии. Ведущая роль здесь принадлежит молодежи, встраивающейся в производство интеллектуального продукта фактически одновременно с получением необходимого образования. Следовательно, наибольшую потребность при создании инновационной экономики общество будет испытывать не только в количестве молодежи в структуре занятого населения, но и в росте человеческого капитала этой категории населения.

Образование и подготовка на производстве увеличивают объем человеческого капитала, охрана здоровья продлевает срок его «службы», миграция и поиск информации на рынке труда способствуют повышению цен за его услуги, рождение и воспитание детей воспроизводят его в следующем поколении [4].

Однако современные демографические процессы в России и в ее регионах свидетельствуют о том, что половозрастная структура населения изменяется в сторону увеличения доли людей старших возрастов (в период с 2002 по 2012 г. доля людей трудоспособного возраста уменьшилась на 2%, а население моложе трудоспособного возраста – на 10%). Кроме того, снижаются качественные характеристики молодежи. По данным Федеральной службы государственной статистики, заболеваемость детей по основным классам болезней за период с 2000 по 2012 год возросла на 9,1%; из них количество заболеваний, связанных с врожденными аномалиями, возросло на 65%, что отрицательно сказывается на здоровье поколения,

а следовательно, на продолжительности жизни, что, в свою очередь, снижает эффективность накопленного человеческого капитала.

Молодые люди стремятся получить высшее образование, осознавая, что более высокообразованный специалист получает более высокие доходы. Количество выпускников вузов в России за 2000–2011 гг. выросло на 49%, в Вологодской области – на 47% (табл. 1).

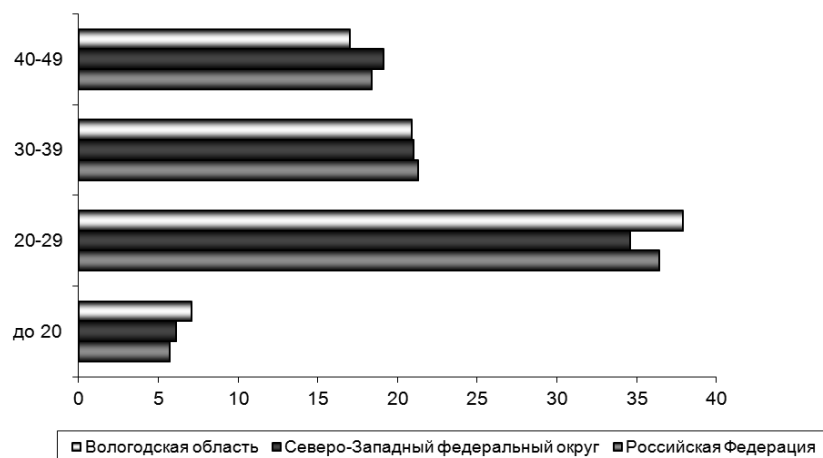
Таблица 1. Выпуск специалистов государственными и муниципальными образовательными учреждениями высшего профессионального образования, тысяч человек

	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Российская Федерация	578,9	978,4	1055,9	1108,9	1125,3	1166,9	1177,8	1157,3
Северо-Западный федеральный округ	65,2	103,5	111,7	117,0	117,5	123,8	124,7	122,4
Республика Карелия	2,2	3,8	4,1	4,3	3,8	3,9	3,9	3,7
Республика Коми	2,4	4,6	4,9	5,1	5,2	6,0	5,3	5,1
Архангельская область	3,7	6,7	7,4	7,6	7,9	7,8	7,8	7,6
Вологодская область	3,9	7,1	7,3	8,4	8,0	8,2	8,2	8,2
Калининградская область	2,5	4,2	4,5	5,2	5,5	5,9	5,5	5,8
Ленинградская область	0,1	1,6	1,7	1,8	2,0	1,9	2,0	2,1
Мурманская область	1,7	4,1	4,7	4,5	4,5	4,6	4,4	4,1
Новгородская область	2,5	4,1	4,0	4,0	3,9	3,8	3,4	3,8
Псковская область	1,5	2,8	3,1	2,8	2,9	3,6	3,1	3,3
г. Санкт-Петербург	44,7	64,5	69,9	73,4	73,8	78,3	81,1	78,8

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели – 2012 г. / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/Main.htm

При этом почти половина окончивших вузы не работает по специальности. Уровень безработицы среди молодежи намного выше, чем в старших возрастах. В возрастной группе до 20 лет уровень безработицы составил в среднем за 2011 г. 5,7%, среди молодежи в возрасте 20–29 лет – 36,4% (рисунок). В Вологодской области эти показатели несколько выше, чем по России в целом и по СЗФО.

Высокий уровень безработицы среди молодежи определяется главным образом низкой долей занятых экономической деятельностью, так как в этом возрасте значительная часть молодежи обучается в образовательных учреждениях. Одним из возможных объяснений высокого уровня безработицы среди молодых является то, что они не имеют практического опыта трудовой деятельности (либо он недостаточен), но предъявляют высокие требования к оплате труда, что делает проблематичным поиск подходящей работы.



Состав безработных по возрастным группам в 2011 г. (по данным выборочных обследований населения по проблемам занятости; в среднем за год; в % к итогу)

Источник: рассчитано на основании данных Федеральной службы государственной статистики: Регионы России. Социально-экономические показатели – 2012 г. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/Main.htm

Молодежь — наиболее мобильная часть общества, что обусловлено ее активным поиском своего места в жизни и отсутствием прочных экономических и социальных связей (отсутствует производственный опыт и квалификация, как правило, нет собственного жилья и имущества, а также в большинстве случаев нет ответственности за семью и т.п.) [3]. Мобильности молодых людей способствуют необходимость получения профессионального образования, ограниченность вакансий на рынке труда в ряде регионов.

Численность иностранной молодежи, осуществляющей свою трудовую деятельность в России, за период с 2000 по 2010 год возросла в 11 раз (табл. 2). Однако, согласно данным Федеральной службы государственной статистики, на конец 2011 года 62% из них заняты на строительных работах и неквалифицированным трудом.

Количество российских граждан, выехавших на работу за границу, за период с 2000 по 2010 г. увеличилось в 2 раза. Почти 20% эмигрантов покидают страну в связи с учебой или работой, т.е. это студенты, стажеры, молодые специалисты. Появилась новая форма скрытой эмиграции: высококвалифицированные специалисты или молодые ученые, студенты и аспиранты уезжают работать за рубеж — без перспективы возвращения. Таким образом, одной из актуальных проблем формирования человеческого капитала молодежи является утечка кадров. Несмотря на значительное повышение численности прибывающих в страну ино-

Таблица 2. Миграция молодежи 16–29 лет

Год	Численность российских граждан, выехавших на работу за границу, тыс. чел.			Численность иностранных граждан, осуществляющих свою деятельность в РФ, тыс. чел.		
	всего	в том числе		всего	мужчины	женщины
		мужчины	женщины			
2000	12,5	8,6	3,8	55,6	49	6,6
2005	20,9	12,8	8,2	190,7	159,3	31,3
2006	27,2	15,8	11,4	285,6	237,2	48,5
2007	25,1	16,0	9,0	596,7	510,8	85,9
2008	26,6	16,6	10,0	887,4	767,3	120,2
2009	22,1	13,9	81,5	852,8	749,0	103,8
2010	24,9	16,0	8,8	633,0	553,4	79,6

Источник: рассчитано на основании данных Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>

иностранцев, качество человеческого капитала молодежи не улучшается, т.к. большая часть приезжающих либо имеют низкую квалификацию, либо не имеют никакой.

Сложившаяся ситуация требует изучения и оценки человеческого капитала молодежи, а также разработки эффективных методов и механизмов управления им. Важнейшими путями повышения качества населения могло бы стать развитие сфер здравоохранения, образования и трудоустройства.

При условии, что образовательная среда будет носить здоровьесформирующий и здоровьесберегающий характер, выступая базовой национальной инновационной площадкой, она позволит улучшить качество жизни и здоровья населения, увеличить капитализацию человеческого капитала и существенным образом повлиять на процесс социально-экономического развития страны.

Источники

1. Акулинина, А.М. Молодежь носитель человеческого капитала и стратегический ресурс развития общества / А.М. Акулинина // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2009. – №2. – С. 99-104.
2. Гулин, К.А. Трудовой потенциал региона [Текст] / К.А. Гулин, А.А. Шабунова, Е.А. Чекарева; под рук. В.А. Ильина. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. – 84 с.
3. Ильинский, И.М. Молодежь в процессе развития / И.М. Ильинский. – Режим доступа: <http://ilinskiy.ru/publications/stat/molrazv.php>
4. Капелюшников, Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России?: препринт WP3/2012/06 [Текст] / Р.И. Капелюшников; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012. – 76 с.
5. Корицкий, А.В. Человеческий капитал как фактор экономического роста регионов России: монография / А.В. Корицкий; науч. ред. Т.В. Григорова; Сибирский университет потребительской кооперации. – Новосибирск, 2010. – 368 с.

Г.В. Леонидова, К.А. Устинова,
Вологда

Занятость молодежи как условие модернизации социально-трудовой сферы

Модернизация страны сопровождается изменением параметров не только экономического, но и социального развития. При этом базовым индикатором, от функционирования которого в значительной степени зависит уровень благосостояния и качество жизни населения, является рынок труда [3]. Глобальный финансово-экономический кризис, затронувший и Россию, продемонстрировал необходимость изменений на рынке труда, актуализировал переход от политики низкой безработицы к политике эффективной занятости, от «дешевых и неэффективных рабочих мест» к рабочим местам с высокой квалификацией и достойной заработной платой [6, с. 23].

Молодежь¹ является одной из особо уязвимых групп на рынке труда – как во всех странах мира, так и в России. На молодежный возраст приходятся главные события в жизненном цикле человека: завершение общего образования, выбор профессии и получение профессиональной подготовки, начало трудовой деятельности, вступление в брак, рождение детей [1, с. 261-270]. Период молодости завершается с приобретением самостоятельного экономического статуса. Молодые люди – будущее страны: её развитие зависит от стартовых условий их деятельности.

Следовательно, возникает необходимость в исследовании занятости молодежи в контексте модернизационных преобразований.

В РФ молодежным официально считается возраст от 14 до 30 лет² (в Европе – от 15 до 29 лет), но при этом исследователи дифференцированно подходят к определению возрастных границ молодого населения.

¹ Молодежь – особая социально-демографическая группа в возрасте от 14 до 30 лет, обладающая таким уровнем мобильности, интеллектуальной активности и здоровья, который выгодно отличает ее от других социальных групп и позволяет быстрее приспосабливаться к новым условиям жизни ввиду своих социально-психологических, творческих и физических особенностей, играющая значительную роль в развитии инновационного потенциала территории (авторское определение).

² Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 года №1760-р.

Так, при изучении потребления психотропных веществ в молодежной среде возрастные рамки определяются от 11 до 24 лет; профессиональной ориентации – от 15 до 26 лет, а при изучении экономических, политических вопросов – от 18 до 30 лет (здесь учитываются избирательные права населения).

Проблема занятости молодежи характерна не только для отдельных территорий, а носит глобальный характер, что подтверждается результатами анализа нормативно-правовых актов и эмпирических данных Международной организации труда (МОТ).

Еще в XX веке МОТ разработала ряд программных документов, регламентирующих вопросы, связанные с трудоустройством молодых работников, их защитой и благополучием (Конвенция 1919 г. о ночном труде подростков в промышленности, Конвенция 1946 г. о медицинском освидетельствовании подростков, работающих на промышленных предприятиях и т.д.). За период 1978 – 1998 гг. было принято пять резолюций по вопросам, касающимся занятости молодежи. Глобальный пакт о рабочих местах, принятый в 2009 году в связи с финансовым кризисом, определил молодежь как одну из групп, которые сталкиваются с большими рисками и потребности которых должны быть учтены в рамках политики реагирования на кризис [2, с. 4].

Среди наиболее значимых проблем молодежной занятости выделяется рост масштабов регистрируемой и скрытой безработицы (рис. 1), увеличение ее продолжительности. Опасения вызывает рост безработицы среди молодых людей с высшим образованием, следствием чего является деквалификация молодых специалистов, а также низкая отдача от средств, вложенных в образование и в повышение квалификации.

Одна из негативных тенденций – рост занятости молодежи в неформальном секторе экономики³. В число причин подобной ситуации входят неблагоприятное социально-экономическое положение территории (кризисные явления в экономике), снижение темпов создания рабочих мест и др. [2, с. 3].

³ В соответствии с методологическими рекомендациями Росстата, предприятиями неформального сектора считаются предприятия домашних хозяйств или некорпоративные предприятия, принадлежащие домашним хозяйствам, которые осуществляют производство товаров и услуг для реализации на рынке и не имеют статуса юридического лица. К занятым в неформальном секторе экономики относят индивидуальных предпринимателей (без образования юридического лица), занятых по найму у физических лиц, работающих индивидуально (самозанятые) и занятых производством продукции в домашних условиях для реализации.

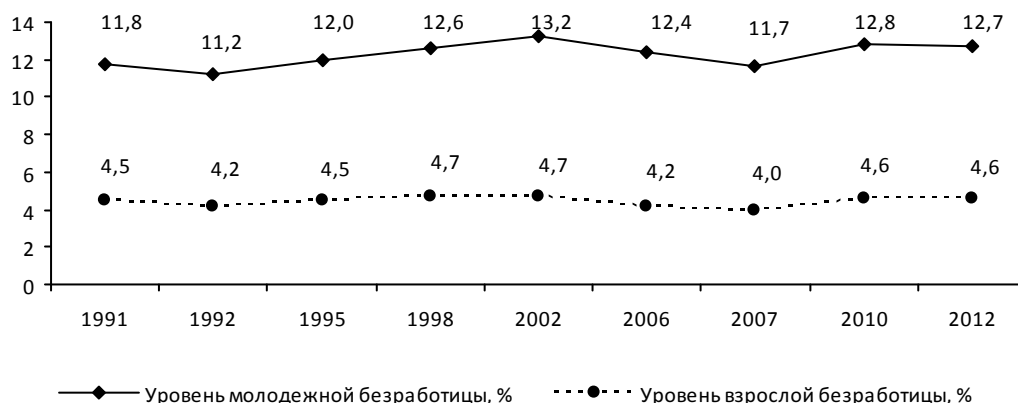


Рисунок 1. Глобальные уровни молодежной и взрослой безработицы в период 1991–2012 гг., %

Источник: Кризис в сфере занятости молодежи: время действовать: доклад V. – Женева: МОТ, 2012. – С. 13.

Анализ статистических данных показал, что в 2009 г. в некоторых странах неформальная занятость среди молодых людей превышала её уровень среди взрослого населения более чем на 30% (рис. 2). В европейских государствах доля молодежи в неформальном секторе экономики составляла около 17% против 7% среди работников других возрастных групп (от 25 до 54 лет) [2, с. 18-19].

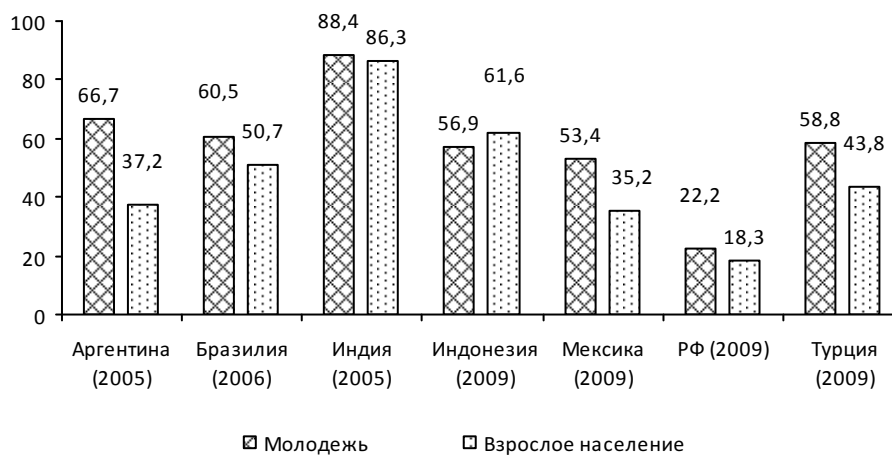


Рисунок 2. Доля молодых и взрослых работников, занятых в неформальной экономике в отдельных странах, %

Источник: Кризис в сфере занятости молодежи: время действовать: доклад V. – Женева: МОТ, 2012. – С. 19.

Одной из современных проблем в сфере труда является феномен «работающих бедных». Данные о заработной плате в отдельных странах ЕС и в США свидетельствуют, что вероятность получения низкооплачиваемой работы молодыми женщинами и мужчинами от 2,5 до 5,8 раза выше, чем показатель по другим возрастным группам. Слишком высокий уровень численности молодых работников на низкооплачиваемых рабочих местах подтверждается данными о работниках, которые получают лишь минимальную заработную плату. Например, в США молодые работники составляют почти половину всех тех, кто получает заработную плату не выше минимальной [2, с. 18-19].

Обобщая некоторые тенденции на международном уровне, отметим, что за последние двадцать лет стал более очевидным рост как скрытой, так и официально зарегистрированной безработицы в молодежной среде, увеличилось количество молодых людей, занятых в неформальном секторе экономики, при одновременном сокращении темпов создания новых рабочих мест, получил распространение феномен «работающих бедных». Эти и некоторые другие явления демонстрируют неготовность существующих институтов рынка труда гибко реагировать на изменение ситуации, проявляющееся в ослаблении гарантий занятости, в некотором ухудшении материального положения молодых людей. Подобные негативные изменения могут стать для молодежи демотиватором к трудоустройству, к проявлению активной жизненной позиции, к творческой и инновационной активности, что в конечном счёте может отразиться и на качестве модернизационных процессов в будущем.

Эти и многие другие негативные тенденции в направлении занятости молодежи получили распространение в России и в Вологодской области. Согласно статистическим данным, в 2010 г. молодые люди в России и в Вологодской области составляли четверть населения, при этом доля молодых людей в общей численности занятого населения в регионе достигала 48% [11].

Среди ключевых проблем на молодежном рынке труда отечественными исследователями выделяются следующие:

- высокий уровень безработицы в молодежной среде по сравнению с остальными группами населения (по данным МОТ, уровень безработицы среди российской молодежи превосходит среднее значение по развитым странам) [9, с. 36-37];

– длительность безработицы (средняя продолжительность поиска работы составляет 4,3 месяца, а доля тех, кто пребывает в состоянии поиска работы более года, по некоторым оценкам, – более 33%);

– необходимость дополнительной переподготовки и повышения квалификации при трудоустройстве (по результатам опросов Левада-центра, более трети молодых людей при трудоустройстве нуждаются в переподготовке и повышении квалификации).

При этом следует подчеркнуть, что острота проблем в сфере занятости молодежи в значительной степени определяется такими параметрами, как возраст, пол, уровень образования, принадлежность к той или иной доходной группе, территориальный признак (проживание в городской или в сельской местности).

Так, если характеризовать некоторые параметры рынка труда в зависимости от возраста, то можно отметить, что в юношестве (15–19 лет) выявлен более высокий уровень безработицы, низкий уровень экономической активности и материальной обеспеченности по сравнению с другими возрастными группами молодежи. Это и понятно, ведь на этот период приходятся главные события в жизненном цикле человека: завершение общего образования, выбор профессии и получение профессиональной подготовки, для некоторых – начало трудовой деятельности [1, с. 261-270].

Таблица 1. Уровень экономической активности молодежи, %

Возрастная группа	Год											2010 г. / 2000 г., п.п.
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	
<i>Вологодская область</i>												
15-19	25,7	28,0	22,6	20,5	19,1	17,0	20,0	15,5	19,3	20,9	14,8	– 10,9
20-24	80,4	78,6	76,7	74,7	68,4	80,4	74,3	75,8	76,7	70,9	70,1	– 10,3
25-29	87,8	89,6	90,4	89,3	91,3	91,7	92,2	89,6	90,9	90,9	92,2	+ 4,4
<i>Российская Федерация</i>												
15-19	18,4	15,8	16,5	15,1	15,1	15,5	14,5	14,4	15,3	13,8	11,9	– 6,5
20-24	68,7	68,0	67,3	64,9	62,3	62,5	61,3	61,2	64,9	64,9	63,0	– 5,3
25-29	86,3	86,2	87,5	87,8	87,6	88,4	87,3	88,7	86,5	86,7	87,0	– 0,7

Источник: Труд и занятость населения Вологодской области в 2010 г.: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2011. – С. 18.

Наибольший уровень экономической активности молодежи в Вологодской области приходится на возраст 25–29 лет (92% в 2010 г.), наименьший – на 15–19-летних (15%; табл. 1). В период с 2000 по 2010 г. наблюдается негативная тенденция: уровень экономической активности

среди 15–19-летней молодежи снизился почти вдвое (с 26 до 15%), а среди 25–29-летних вырос с 88 до 92%.

Одним из параметров, которые могут влиять на состояние дел на молодежном рынке труда, является социально-экономическая обстановка в стране и в регионе. Преддверие экономического кризиса в 2008 г. было ознаменовано снижением уровня занятости среди молодежи, в особенности среди 15–19-летних (табл. 2).

Таблица 2. Уровень занятости молодежи, %

Возрастная группа	Год											2010 г. / 2000 г., п.п.
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	
Вологодская область												
15-19	19,0	20,9	19,1	19,1	15,2	12,0	17,1	13,7	10,8	13,7	10,8	– 8,2
20-24	69,1	70,1	70,0	69,5	63,5	75,6	69,9	62,5	60,3	62,5	60,3	– 8,8
25-29	80,8	81,5	85,5	84,1	86,6	89,4	88,2	82,6	86,2	82,6	86,2	+ 5,4
Российская Федерация												
15-19	13,3	11,2	12,0	10,6	10,2	11,0	10,4	10,9	10,6	9,5	8,1	– 5,2
20-24	57,6	57,7	57,6	55,6	53,7	54,8	52,6	54,4	58,5	54,1	53,5	– 4,1
25-29	77,2	78,6	79,6	80,9	81,0	82,1	81,0	84,3	80,9	78,8	79,9	+ 2,7

Источник: Труд и занятость населения Вологодской области в 2010 г.: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2011. – С. 18.

В то же время в 2008–2010 гг. по сравнению с предкризисным периодом вырос уровень безработицы (практически до отметки 2000 г.; табл. 3). Однако в целом по стране изменения были более значительными, чем в Вологодской области. Кроме того, следует учитывать факт получения населением в возрасте от 19 до 24 лет того или иного образования.

Таблица 3. Уровень безработицы молодежи, %

Возрастная группа	Год											2010 г. / 2000 г., п.п.
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	
Вологодская область												
15-19	26,0	25,5	15,3	6,9	20,4	29,3	14,7	17,8	26,5	34,5	26,6	+ 0,6
20-24	14,0	10,7	8,7	7,0	7,3	6,0	5,8	1,5	7,0	11,9	13,9	– 0,1
25-29	8,0	9,1	5,5	5,8	5,2	2,5	4,4	2,5	4,0	9,1	6,5	– 1,5
Российская Федерация												
15-19	27,6	28,8	27,3	30,0	32,1	29,2	27,8	24,0	30,9	31,1	31,9	+ 4,3
20-24	16,2	15,2	14,4	14,4	13,8	12,3	14,2	11,2	12,9	16,6	15,1	– 1,1
25-29	10,6	8,8	9,0	7,8	7,6	7,1	7,2	5,0	6,5	9,1	8,2	– 2,4

Источник: Труд и занятость населения Вологодской области в 2010 г.: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2011. – С. 18.

Уровень зарегистрированной безработицы также увеличился: численность населения региона в возрасте 18–24 лет, зарегистрированного в

учреждениях службы занятости, в 2010 г. по сравнению с 2000 г. выросла на 27%, в возрасте 25-29 лет – на 74%. Доля трудоустроенных учащихся, желающих работать в свободное от учебы время, составляла свыше 90%.

Статистические данные дополняются результатами социологических опросов о положении молодежи⁴, позволившими определить основные проблемы в молодежной среде, связанные с трудоустройством данной группы населения в разрезе муниципальных территорий.

По результатам анализа социологических данных выявлена одна из наиболее острых проблем, заключающаяся в том, что значительная часть молодежи (более 50%) не работает. Причём наиболее тяжелая ситуация сложилась в Междуреченском, Тарногском и Чагодощенском районах области (в данных территориальных образованиях не работают от 60 до 80% молодежи).

Представляет проблему и распространенность неформальных каналов трудоустройства, что затрудняет государственное регулирование занятости молодежи и в ряде случаев приводит к тому, что молодежь попросту не обеспечивается необходимыми социальными гарантиями.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос: «Укажите способ поиска Вашей работы» (% от числа опрошенных)

Вариант ответа	Вологда	Череповец	Районы	Область
Через друзей, знакомых	25,2	20,3	19,1	20,0
Пришли непосредственно в отдел кадров на предприятие	17,7	10,9	12,4	12,8
Через родственников	8,1	8,1	8,5	8,4
По приглашению руководства или сотрудников предприятия	4,1	5,2	5,7	5,5
Через службу занятости населения	4,1	5,7	5,0	5,0
По распределению	2,0	1,3	1,5	1,5
Не работаю	38,0	48,2	47,2	46,3
Источник: здесь и далее данные мониторинга положения молодежи Вологодской области, ИСЭРТ РАН, 2012 г.				

Однако, даже несмотря на эти недостатки, такой способ трудоустройства является востребованным среди данной группы населения, особенно во время кризиса. Так, к помощи друзей и знакомых прибегают 20% опрошенных молодых людей из Вологодской области. На втором месте – личный контакт с работниками отдела кадров предприятий и организаций (13%; табл. 4).

⁴ Социологический опрос социально-экономического положения молодежи Вологодской области проводился в 2012 г. во всех муниципальных образованиях. Объем выборочной совокупности составил 2923 респондента, репрезентирующей молодежь области в возрасте 14–29 лет, в разбивке по следующим трем возрастным когортам: 15–19, 20–24, 25–29 лет.

При выборе места работы молодые люди прежде всего ориентируются на высокий уровень заработной платы (58%), интересную работу (41%), удобный график работы (36%) и отношения в коллективе (22%). Снижение значимости нематериальных стимулов для работника в пользу материальных, в особенности денежных, форм вознаграждения может приводить к тому, что в случае несоответствия желаемого и фактического уровней оплаты труда снижается мотивация работника к осуществлению трудовой деятельности, а также к инновационной активности, что может негативно отразиться в дальнейшем и на модернизационных процессах.

Одной из наиболее распространенных в молодежной среде проблем является несоответствие направлений образовательной подготовки и дальнейшего трудоустройства. Следует подчеркнуть, что большинство молодых людей не работают по специальности (более 47%; рис. 3). Подобное может приводить к тому, что накопленные знания, умения, навыки не реализуются в должной мере в трудовой деятельности, т.е. сформированный потенциал не используется на практике. Это может сопровождаться деквалификацией специалистов и в целом обесценивает значимость образовательной подготовки населения.

В разрезе районов области самая высокая доля молодых людей, не работающих по специальности, в Устюженском (68%), Никольском, Вытегорском, Верховажском, Великоустюгском (более 60% в каждом) районах. Наиболее благополучен данный показатель в Междуреченском, Тарногском, Вожегодском муниципальных районах (работают не по специальности менее 20% молодых людей в каждом из них).

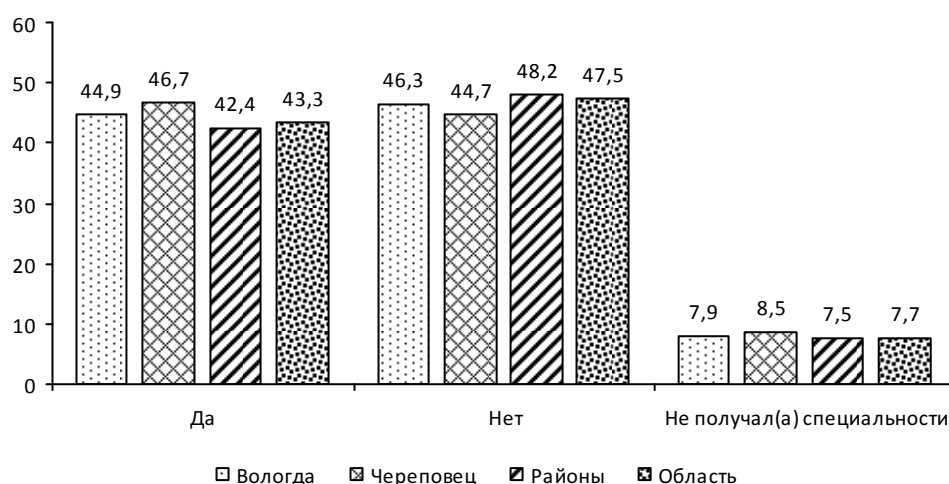


Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос: «Работаете ли Вы по специальности, полученной в профессиональном учебном заведении (вузе, техникуме, училище)?» (% от числа опрошенных)

Среди основных причин трудоустройства не по специальности, полученной в образовательном учебном заведении, молодые люди называют изменение профессиональных планов (20%) и отсутствие спроса на рынке труда (20%; в территориальном разрезе такая ситуация наиболее характерна для Кирилловского района).

Степень соответствия квалификации требованиям рабочих мест в основном определяется уровнем образования работающих. Среди молодежи с высшим, незаконченным высшим образованием в 2 раза больше тех, кто считает свою квалификацию выше требований рабочих мест. Так же оценивают свою квалификацию и молодые люди, относящиеся к высокодоходной группе населения. Наличие высшего образования и высокий уровень профессиональной подготовки создают предпосылки для эффективного высокопроизводительного труда, позволяют работнику использовать накопленный потенциал для реализации целей инновационного развития.

Однако полученные результаты оценки инновационной активности молодежи региона не подтвердили первоначальное предположение. Так, анализ данных опроса показал, что большая часть молодых людей (более 50%) Вологодской области не занимается творческой, рационализаторской и изобретательской деятельностью. По заданию «сверху» активизируется в творческом плане 18% молодого населения области. В территориальном разрезе большую активность проявляют жители Вологды и Череповца, меньшую – районов области.

Одним из параметров, оказывающих мотивирующее влияние на творческий потенциал молодежи и склонность к созданию инноваций, является доступность проектов в различных сферах деятельности и возможность самореализации в них. Молодые люди, как показывают результаты исследования, в основном не удовлетворены доступностью проектов в научной сфере (60%). Около половины опрошенной молодежи считает недоступными проекты в культурной и спортивной сферах. Это может явиться препятствием к накоплению творческого потенциала молодого поколения.

Таким образом, можно резюмировать, что потенциал молодого поколения должным образом не используется в модернизационных преобразованиях. Причинами этого служат высокий уровень безработицы, снижение уровня экономической активности данной группы населения, пространенность неформальных каналов трудоустройства и занятости,

что затрудняет контроль со стороны государственных органов власти за ситуацией на молодежном рынке труда и обеспечение молодежи необходимыми социальными гарантиями. Одним из существенных препятствий для участия молодежи в модернизации является низкий уровень инновационной активности, преобладание в структуре стимулов материальных мотиваторов над нематериальными (поиск интересной работы, карьерный и профессиональный рост, самореализация и др.).

Следует подчеркнуть, что низкая субъективная вовлеченность молодежи в общественные процессы не формирует адаптационный механизм социализации, что значительно тормозит инновационные преобразования. Несмотря на то, что на страновом и региональном уровнях принимаются меры для изменения ситуации, однако их недостаточно для решения проблем в молодежной среде и зачастую они не носят системного характера. Для преодоления негативных тенденций необходима слаженная целенаправленная работа государства, общественных организаций, опирающаяся на положения национальной молодежной политики, направленная на повышение сплоченности и социальной активности молодых людей, усиление их профессиональной и трудовой ориентации и ответственности при осуществлении выбора направления образовательной подготовки и последующего трудоустройства.

Источники

1. Голиусова, Ю.В. Молодежь России: отношение к труду и занятости в условиях трансформации социально-экономической структуры российского общества [Текст] / Ю.В. Голиусова // Модернизация социальной структуры российского общества / отв. ред. З.Т. Голенкова. — М.: Институт социологии РАН, 2008.
2. Кризис в сфере занятости молодежи: время действовать [Текст]: доклад V. — Женева: МОТ, 2012.
3. Кудряева, Л.А. Модернизация социальной сферы региональной экономики [Электронный ресурс] / Л.А. Кудряева. — Режим доступа: <http://sisupr.mrsu.ru/2010-4-APK/PDF/Chudaeva.pdf>
4. Леонидова, Г.В. Генерация знаний талантливой молодёжи в интересах интеллектуализации человеческого капитала: методы и формы осуществления [Текст] / Г.В. Леонидова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. — №13. — С. 90-100.
5. Леонидова, Г.В. Социальный портрет творческих людей [Текст] / Г.В. Леонидова, А.В. Попов // Проблемы развития территорий. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. — №2 (58). — С. 45-54.
6. Малеева, Т.М. Социальная модернизация: что модернизировать и кто модернизаторы? [Текст] / Т.М. Малеева, Л.Н. Овчарова // SPERO. — 2010. — №13.

7. Мальцева, И.О. Трудовая мобильность и стабильность: насколько высока отдача от специфического человеческого капитала в России? [Текст]: препринт WP15/2007/01/ И.О. Мальцева. – М.: ГУ ВШЭ, 2007.
8. Модернизация России: условия, предпосылки, шансы [Текст]: сборник статей и материалов. – Вып. 2 / под ред. В.Л. Иноземцева. – Москва: Центр исследований постиндустриального общества, 2009.
9. Молодежь России. Какое будущее у нашей страны [Текст]: аналитический доклад / И. Большаков, А. Гнездилов, Д. Илюшин. – М., 2011.
10. Устинова, К.А. Инновационная активность организаций и населения [Текст] / К.А. Устинова // Проблемы развития территорий. – 2013. – №2(64). – С. 33-42.
11. Черевко, Ю.В. Проблема самозанятости молодежи в условиях региона [Электронный ресурс] / Ю.В. Черевко. – Режим доступа: <http://www.teoria-practica.ru/-5-2011/sociology/cherev>

Е.И. Медведева, С.В. Крошилин,
Коломна

Молодежь и экономика знаний*

Формирование человеческого капитала молодежи — один из важнейших факторов развития страны в информационном обществе. Развитие новой экономики, основанной на знаниях, ноу-хау, инновациях и новых технологиях, изменяет подходы к формированию человеческого капитала. Экономика знаний подразумевает значительные вложения со стороны государства в образование и уровень трудового потенциала населения. В таких условиях информация и знания становятся платформой развития. Конкурентоспособность нашей страны в условиях глобализации экономики в значительной мере определяется уровнем и степенью распространения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). От умения каждого индивида общества эффективно собирать, обрабатывать и использовать цифровую информацию зависит возможность построения информационного общества и развития экономики знаний.

Очевидно, что экономика знаний основана на «эксплуатации» знаний индивида. Для того чтобы быть конкурентоспособным на рынке труда и в обществе в целом, человек должен обладать достаточным уровнем образования, уметь находить необходимую информацию и «добывать» из нее необходимые знания. Для этого современный человек должен уметь грамотно и быстро ориентироваться в информационном пространстве. Учитывая лавинообразное нарастание количества информации и быструю смену технологических укладов, техники и технологий, можно сказать, что это становится необходимым условием существования человека в современном социуме. Все это предопределяет необходимость правильного и эффективного освоения различных источников информации в современных условиях.

* Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ №12-32-01340 «Формирование человеческого потенциала молодежи в современном информационном обществе (на примере региона России)».

Информационные технологии дают возможность анализировать различные источники информации. Они открывают доступ к электронным ресурсам различных библиотек, книгофондам, хранилищам данным. Значительные объемы необходимой информации в профессиональной, научной и просто в повседневной жизни человека становятся доступными. Образовательные порталы позволяют использовать технологии E-Learning: не только проводить удаленное обучение в ведущих университетах, но и получать документальное подтверждение полученной квалификации – сертификаты и дипломы.

Все это сейчас активно используется в российском обществе и одним из целевых сегментов потребления электронных ресурсов различного назначения становится молодежь. Однако есть и «обратная сторона медали». Современная молодежь стала меньше читать и обращать внимание на релевантность полученной информации. Очень часто многие даже не могут назвать источник полученной информации, не говоря уж о степени его надежности. Происходят процессы «гуглизации» общества, и прежде всего молодежи, что в значительной мере осложняет возможности аналитической работы в дальнейшем. Все эти процессы требуют осознания, переосмысления и изучения данных вопросов.

Авторами было проведено исследование (в рамках проекта РГНФ №12-32-01340 «Формирование человеческого потенциала молодежи в современном информационном обществе – на примере региона России»), в котором анализировалось мнение различных когорт учащейся молодежи (школа, НПО, СПО, ВПО) о положительном и отрицательном влиянии информационных технологий на формирование человеческого потенциала молодежи юго-востока Московской области, а также было выявлено отношение к развитию экономики знаний (информационного общества) в стране и регионе.

Численность выборки составила 600 человек. Практически половина опрошенных – 31,7% – учащиеся школ; 26,7% – студенты вузов; 31,7% – учащиеся других учебных заведений (колледжи, лицеи и т.п.). Возраст респондентов составил от 15 до 33 лет: 41,3% – мужского пола и 58,7% – женского.

Анкетирование проводилось в период с октября 2012 по май 2013 года. В качестве регионов исследования были выбраны 6 городов юго-востока Московской области: Коломна, Луховицы, Воскресенск, Егорьевск, Зарайск, Озеры (рис. 1).

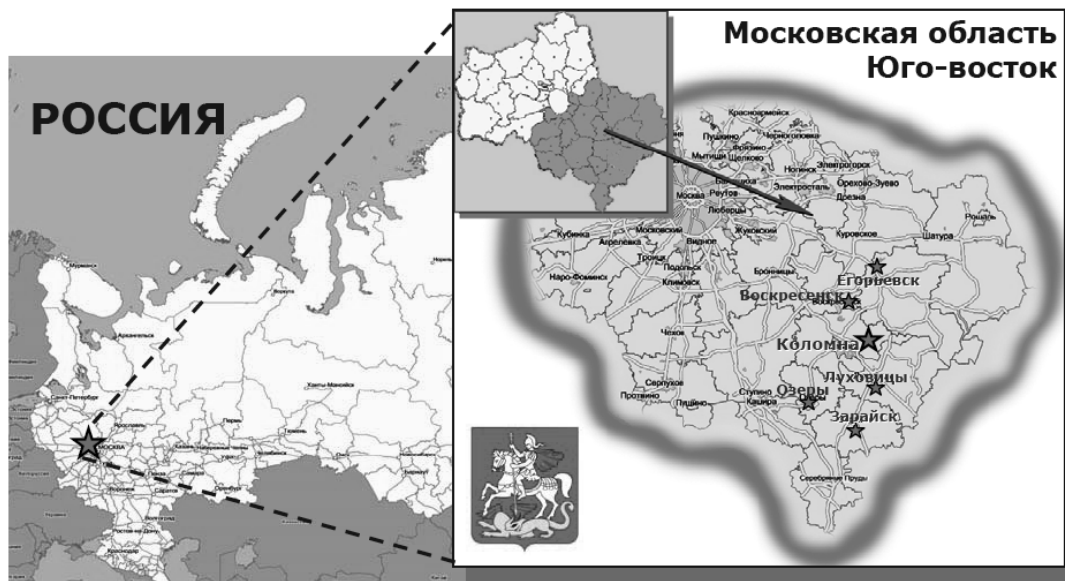


Рисунок 1. География проведения исследований (юго-восток Московской области)

На одном из этапов исследования изучалось отношение молодежи к чтению. Почти треть (28,7%) читает учебную литературу, около четверти – приключенческую (25,7%) и классическую (24,7%). Больше всего читают журналы, ориентированные на молодежь (38%), и статьи в Интернете (59,7%). Вообще не читают 6,3% опрошенных (рис. 2).



Рисунок 2. Что читает молодежь, %

Четверть опрошенных (25,3%) прочитывают одну или две книги за год. Около трети (29,7%) – три-четыре; 13,3% респондентов – пять-десять книг. Времени на чтение литературы нет у 21,3% опрошенных (рис. 3).

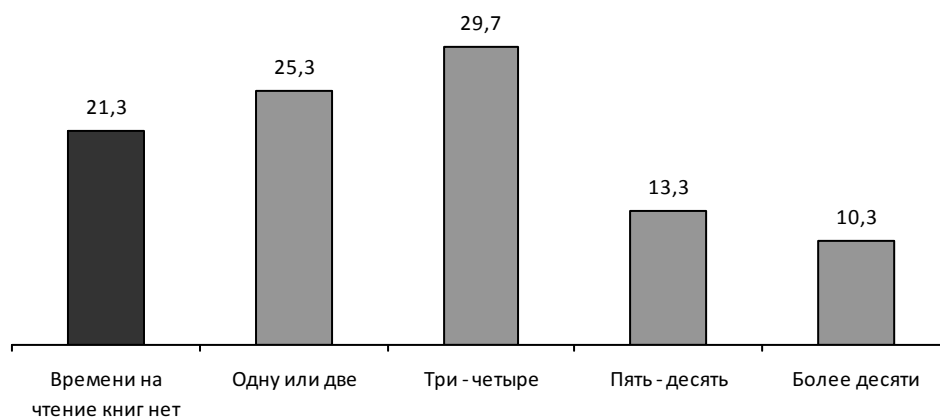


Рисунок 3. Сколько книг в год читает молодежь (не считая учебной литературы), %

Как показало исследование, за чтением книг проводит всего несколько минут в день почти 27% опрошенных. Приблизительно 40% – тратит на это от 0,5 до 1 часа, 26% – 1–3 часа, 4% – от 3 часов и более, 3% – все свободное время (рис. 4).

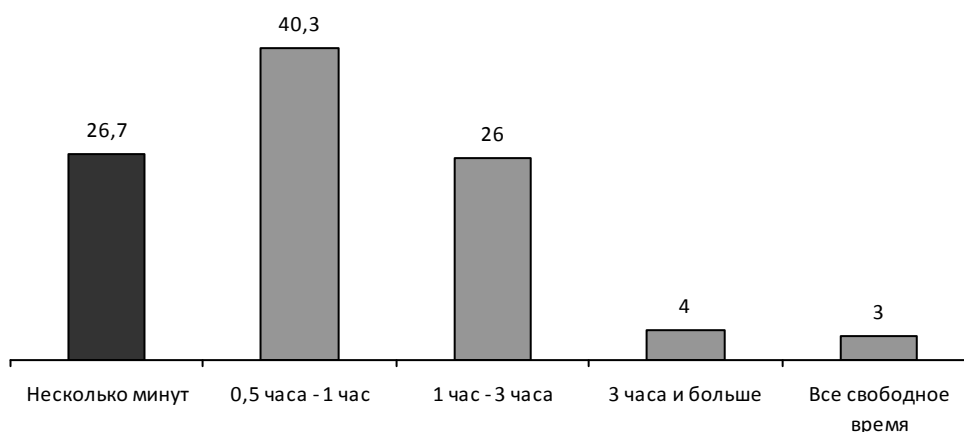


Рисунок 4. Сколько времени в день тратят на чтение книг, %

Половина опрошенных (55,3%) предпочитает читать книги с листа – «классическим способом»; 15% – с экрана (монитор, планшет, букридер, телефон и т.п.). Почти треть (29,7%) опрошенных не видит разницы между носителями информации (рис. 5).

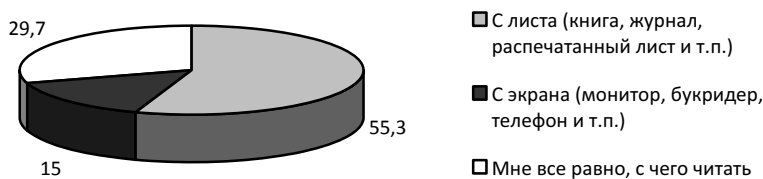


Рисунок 5. С какого источника предпочитают читать книги, %

Относительно чтения периодических изданий были получены следующие результаты. Электронную периодику читает 23,1% опрошенных; безразлично, какую периодику читать (печатную или электронную), – 27,2%. Только печатную предпочитают 25,5% респондентов. Практически не читают периодические издания 14,8% опрошенных, а 9,3% – не читают их вообще (рис. 6).

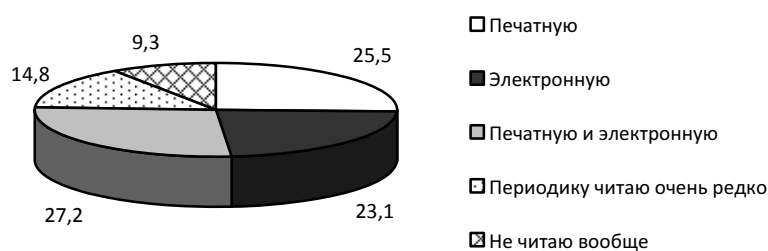


Рисунок 6. Какой вид периодики (журналы, газеты) читает молодежь, %

Активнее используются электронные книги. Отдельное электронное устройство – E-book – есть практически у каждого третьего опрошенного (32,4%; рис. 7).

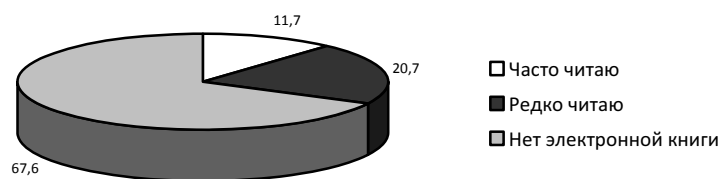


Рисунок 7. Как часто молодежь пользуется устройством электронная книга (E-book), %

Достаточно часто электронными книгами пользуется 11,7% опрошенных, редко – 20,7%. При этом следует учитывать, что большинство просто не имеет электронной книги как отдельного устройства, так как

планшетный компьютер или современный сотовый телефон (смартфон) также могут реализовывать данную задачу (просматривать файлы электронных книг).

В настоящее время в мире и в российском обществе происходит «гуглизация» сознания. Лозунг «Яндекс – найдется все!» для большинства «стал панацей» от любого задания и даже любой проблемной жизненной ситуации. Молодежь видит в Интернете «продолжение» своего знания. «Вбивание» в поисковую строку нового понятия становится для многих единственной возможностью получить необходимые (новые) знания. Это подтвердили и наши исследования (рис. 8).

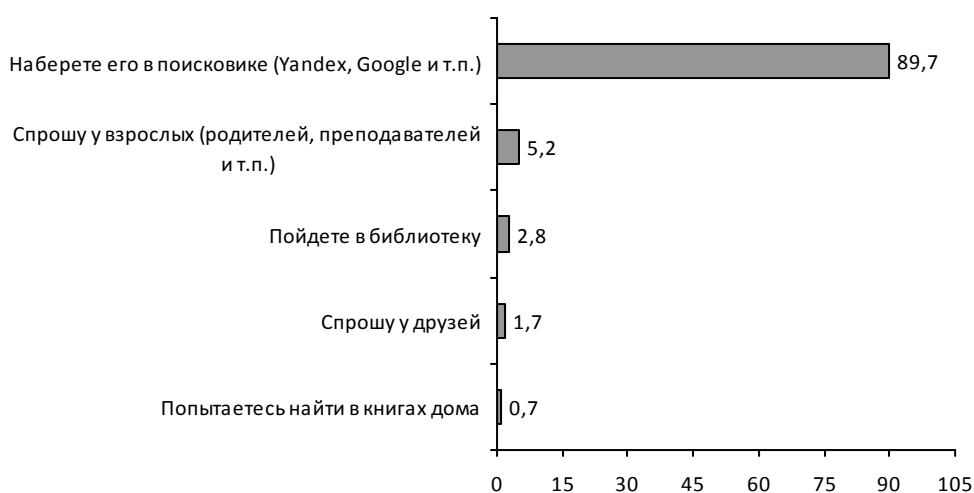


Рисунок 8. Действия молодежи при встрече нового понятия или неизвестного термина, %

Около 90% опрошенных при необходимости определения нового понятия или неизвестного термина набирают его в поисковой строке (Yandex, Google и т.п.). Спрашивают у наставников или преподавателей (школьники – у взрослых, родителей или учителей) 5,2% опрошенных. Спрашивают у друзей лишь 1,7% и пойдут в библиотеку 2,8% опрошенных.

Библиотеку, переставшую быть единственным местом нахождения необходимой информации, посещают 56,2% опрошенных, причем 1 раз в полгода – 22,1%, 1 раз в год – 14,5% и столько же – 1 раз в месяц. Лишь 5,2% респондентов посещают библиотеку раз в неделю. Вообще туда не ходит 43,8% опрошенных (рис. 9).

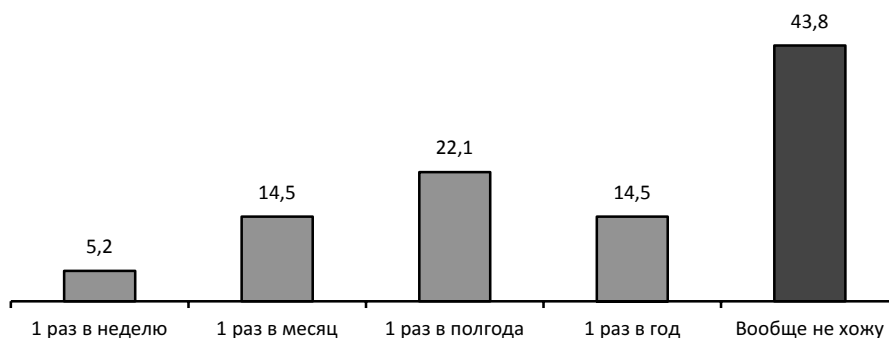


Рисунок 9. Как часто посещает молодежь библиотеки, %

Очевидно, что многие компенсируют «поход в библиотеку» электронными ресурсами. Однако лишь чуть больше половины опрошенных пользуется образовательными порталами (54,3%). Треть (28%) — знают, что образовательные порталы есть, но не знают, как на них попасть (не знают адресов). 17,7% опрошенных эти порталы вообще не нужны (рис. 10).

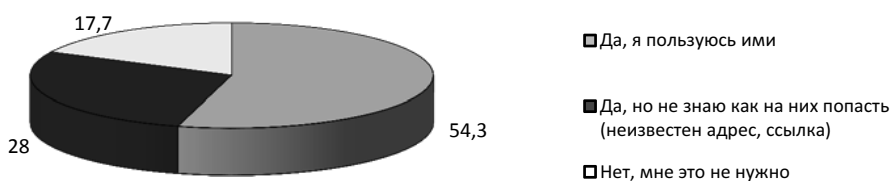


Рисунок 10. Знаете ли Вы, что в Интернете существуют образовательные порталы?, %

Отсутствие знаний адресов необходимых для учебы порталов, сайтов и полезных источников отчасти говорит о плохой информированности о существовании таких ресурсов.

Таким образом, безграничные возможности электронных источников информации и Интернет-ресурсов сегодня активно используются молодежью. Однако большинство не пользуется образовательными порталами. Объемы прочитываемых книг весьма скромные, а релевантность используемых из Интернета ресурсов оставляет желать лучшего. Происходят также процессы «гуглизации» сознания: практически все опрошенные предпочитают новые (незнакомые) понятия находить в поисковике в Интернете. Это приводит к тому, что сам процесс получения новых знаний для подавляющего большинства молодежи выглядит достаточно просто: «вбивание» запроса в поисковик. К сожалению, такой подход не может способствовать построению информационного общества и выстраиванию экономики знаний.

А.В. Немцев,
Курск

Коммуникация органов власти и регионального сообщества в сети Интернет

Многие ученые и публицисты называют XXI век веком информационных технологий, веком Интернета. Компания «We Are Social» поделилась интересными данными на эту тему: более 2 млрд. людей, что составляет 30% населения всей планеты, пользуются Интернетом. Каждый месяц пользователи со всего мира проводят он-лайн 35 млрд. часов, что составляет примерно по 16 часов на человека [1].

По данным фонда «Общественное мнение», доля активной аудитории Интернета в России, а это выходящие в сеть хотя бы раз за сутки, в марте 2013 года составила 43% (50,1 млн. человек) [2]. Насколько востребован Интернет в нашем регионе – Курском крае?

Социологической лабораторией Курского государственного университета была поставлена задача изучить востребованность Интернета среди населения Курской области. В рамках решения этой задачи было проведено социологическое исследование на тему *«Взаимодействие органов власти и гражданского общества Курской области в коммуникационном пространстве»*. Опрос населения в рамках исследования проводился в мае–июне 2012 г. в 53 населенных пунктах Курской области. Выборочная совокупность исследования формировалась как стратифицированная, многоступенчатая, случайная на этапе отбора респондентов выборка. Общее количество респондентов составило 1000 человек, проживающих в различных населенных пунктах и районах области (база ремонта выборки составила 40 интервью). Ошибка выборки по одному контролируемому признаку не превышала 3%. На этапе сбора социологической информации использовался метод формализованного (стандартизированного) интервью.

Результаты исследования показали, что Интернетом как основным источником получения информации пользуются 32,3% опрошенных. При этом возможности Интернета, ставшего основным источником получения информации для граждан, активно «наступают на пятки» телевидению (49,1%) и значительно опережают по востребованности печатные СМИ (14,4%) и радио (3,6%).

Учитывая высокие показатели востребованности Интернета среди населения Курской области, региональная власть стала осваивать данное пространство с целью выстраивания эффективной коммуникации с региональным сообществом. Отметим, что региональное сообщество – это сложный организм, основой жизненного потенциала которого является определенная культура (отношения между людьми, между предприятиями; какие устойчивые нормы и принципы они разделяют; как выстраиваются отношения в системе «власть – общество – государство» и т.д.). Региональное сообщество в целом активно присутствует в сети Интернет – через различные сайты (сайты компаний, различных учреждений и т.д.), посредством социальных сетей и в иных формах. Особую роль в коммуникации с органами власти традиционно выполняет граждански-активная часть регионального сообщества.

Третьим Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым был задан тренд на улучшение механизмов коммуникации органов государственной власти с граждански-активной частью общества. Особая задача в данной работе изначально была возложена на личный блог Д.А. Медведева.

На региональном уровне данный тренд также нашел своё отражение. По данным проведенного социологической лабораторией Курского государственного университета исследования, 33,3% респондентов поддерживают практику ведения блогов представителями органов власти, значительное число респондентов относятся к ней нейтрально (41,7%), незначительное число опрошенных считают эту практику бесполезной (15,7%).

Представители власти в Курской области активно используют данный инструмент в своей деятельности. Так, заместитель председателя Курской областной Думы Виктор Карамышев имеет свой сайт, интегрированный с основными социальными сетями. Губернатор Курской области А.Н. Михайлов не присутствует в социальных сетях, однако имеет свой личный блог на официальном сервере администрации Курской области. Глава Курска О.М. Германова в своей работе активно использует свой официальный сайт и расположенную на нём блог-площадку.

Однако анализ материалов, размещенных на данных сетевых ресурсах, показывает их *невысокую популярность* среди регионального сообщества. Так, запись под заголовком «А вот пьянство в России, к сожалению, едва ли не национальный недуг», размещенная на странице заместителя председателя Курской областной Думы Виктора Карамышева в социальной сети Vkontakte.ru, нашла всего лишь три одобрительных отклика. Анало-

гичная ситуация и с блогом губернатора Курской области: две его последние записи (заголовки: «Коренная пустынь – символ великой души России» и «Спорт должен стать правилом жизни») не имеют ни одного комментария пользователей сети Интернет.

Учитывая вышесказанное, можно отметить следующее: интерес регионального сообщества к коммуникации с представителями органов власти через Интернет является невысоким. Вместе с тем данные социологического исследования показывают, что само присутствие представителей власти в сети Интернет вызывает больше позитивных откликов, нежели критических.

В ближайшее время на уровне региона, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» от 28 апреля 2008 г. №607 [3], будет применена новая практика выстраивания обратной связи органов власти с региональным сообществом. В соответствии с правилами, регулирующими выполнение данного Указа Президента, населению муниципальных образований региона в режиме Интернет-опроса будет предложено оценивать эффективность работы муниципальных руководителей. На официальном сайте субъекта Российской Федерации и официальных сайтах муниципальных образований, расположенных в границах субъекта Российской Федерации, в информационно-телекоммуникационной сети Интернет должны размещаться интернет-опросы по следующей тематике:

1. Удовлетворенность населения организацией транспортного обслуживания в муниципальном образовании (процент от числа опрошенных).
2. Удовлетворенность населения качеством автомобильных дорог в муниципальном образовании (процент от числа опрошенных).
3. Удовлетворенность населения жилищно-коммунальными услугами: уровнем организации теплоснабжения (снабжения населения топливом), водоснабжения (водоотведения), электроснабжения, газоснабжения (процент от числа опрошенных).

Переход от полевых количественных опросов населения к интернет-опросам на первый взгляд имеет ряд существенных преимуществ, среди них: экономия ресурсов; организационная гибкость (респондент сам выбирает для себя удобное время и место); высокий уровень доверия респондентов (во время on-line опросов ответы на вопросы анкеты даются в отсутствие интервьюера, за счет чего достигается более высокий уровень доверия к опросу).

Вместе с тем нельзя не отметить, что данная форма исследования удовлетворенности населения имеет и целый ряд таких значительных недостатков, как:

1. Отсутствие репрезентативности. Выборка, составленная из пользователей всемирной компьютерной сети, нерепрезентативна по отношению к генеральной совокупности – жителям исследуемого муниципалитета в целом. При проведении опроса без авторизации нет гарантии выдерживания географической привязки респондентов, их гендерного и возрастного различия.

2. Коммуникационные проблемы. Возможны неверная интерпретация респондентами отдельных вопросов анкеты, ошибки в переходах и заполнении таблиц, искажение информации, неадекватное реагирование, пропуски отдельных вопросов.

3. Высокая степень манипуляторных рисков, связанная с возможностью намеренного усиления негативной или неоправданно позитивной оценки того или иного руководителя муниципального образования в ходе опроса.

Анализируя возможный запрос на эту новую для регионального сообщества практику выражения населением своей позиции, стоит отметить её невысокий стартовый потенциал. На уровне Курской области это связано с небольшим количеством граждански-активных пользователей сети Интернет в муниципальных образованиях.

Так, можно предположить, что наиболее посещаемыми ресурсами в муниципальных образованиях являются сайты районных СМИ. Чтобы проверить истинность данного предположения, нами был произведен анализ посещаемости данных ресурсов (через открытые данные счетчиков Яндекс. Метрика) с января по май 2013 года. Удалось выяснить следующие данные о посещаемости этих ресурсов (таблица).

Данные о посещаемости сайтов районных СМИ Курской области

Ресурс	Среднесуточная посещаемость ресурса, количество пользователей в сутки
Сайт газеты Фатежского района «Фатежские будни» – http://фатежские-будни.рф/	26 Счетчик Яндекс. Метрика
Сайт газеты Курчатовского района «Слово» – http://слово-курчатов.рф/	15 Счетчик Яндекс. Метрика
Сайт газеты Обоянского района «Обоянская газета» – http://обоянская-газета.рф/	29 Счетчик Яндекс. Метрика

Как видно, число потенциальных пользователей сети Интернет, которые могут быть заинтересованы в оценке муниципальных руководителей, крайне невелико.

Наряду с этим стоит отметить, что оценка деятельности того или иного руководителя муниципалитета через интернет-опрос может подвергаться сознательному искажению со стороны оппозиционных ему сил. Например, в год предстоящих выборов оппозиционные силы могут активизировать свои людские ресурсы (без привязки к месту жительства) и целенаправленно «накрутить» негативную оценку, для того чтобы впоследствии использовать её против действующего главы. Возможна и противоположная ситуация, в случае которой руководитель муниципального образования может дать неформальные команды своим сотрудникам по сознательному «накручиванию» результатов данного опроса.

Вышеописанные примеры показывают, что процесс выстраивания эффективных моделей коммуникации власти с региональным сообществом в Курской области находится в режиме постоянного поиска разного рода новых механизмов. В данном контексте интересной является позиция О.Н. Корженевой, по мнению которой самоорганизация акторов в сетевом пространстве обычно происходит не на основе общих идей и смыслов, а на основе *общей эмоции*, которая чаще всего является негативной [4]. Материалы, размещенные в блогах и на личных страницах курских политиков, зачастую лишены эмоционального оттенка — они сухи, лаконичны и, как правило, носят сугубо информативный характер.

Для улучшения качества обратной связи, увеличения количества откликов, органам власти необходимо регулярно публиковать информацию о своей деятельности, предполагая получение обратной связи от регионального интернет-сообщества. Данная информация должна обладать соответствующей эмоциональной составляющей. В качестве примера могут выступать не постановочные видеоролики, а сюжеты, предполагающие живое общение, комментарии от первого лица к различным событиям и иные содержащие эмоциональный фон материалы.

Источники

1. We Are Social's Monday Mashup #167. URL: <http://wearesocial.net/blog/2013/06/socials-monday-mashup-167-2/>
2. Интернет в России: динамика проникновения. Зима 2012–2013. URL: <http://runet.fom.ru/Proniknovenie-interneta/10853>
3. Документы, подписанные Президентом России. URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1629847>
4. Корженева О.Н. Сетевая мифология и особенности новой идентичности // Журналист, социальные коммуникации. 2011. №4.

М.И. Суворова,
Москва

Культурно-нравственный потенциал молодежи и его влияние на развитие регионов России

Россия на протяжении XX века и на рубеже второго тысячелетия (например, 1920-е, 1990-е и 2000-е годы) переживала процесс регионализации социокультурного, экономического и административно-политического пространства. основополагающими условиями модернизационного проекта, направленного на сохранение единства государства и общества, повышение культурного уровня при сохранении национальной независимости, укрепление человеческого капитала и потенциала, являются не только упрочнение идейно-политической платформы общества, но и его национальная, культурно-нравственная консолидация.

Социокультурные факторы способствуют выбору стратегии осуществления интересов, будучи воплощенными в институтах, влияют на принятие решений, выбор целей и средств деятельности [1]. Культурно-нравственный аспект является одним из важных моментов при анализе складывающихся социально-экономических и политических институтов.

Культурно-нравственный аспект, выражающийся в потенциале, включает в себя физические, психологические особенности жителей регионов, общий уровень их культуры и образования (так называемый духовный потенциал), образующие в совокупности способность производить жизненные блага, от которых зависит общественный прогресс.

По мнению многих отечественных авторов, важнейшими условиями успеха социальных преобразований в нашей стране являются опора на культурные традиции и ценности страны, ее народов; социальность развития, его человеческое и социальное измерение; глубокое понимание и уважение характера жизни народа, его норм и традиций, ценностей и морали, которыми руководствуется в своей жизни большинство; ответственность государства за судьбы Отечества; гармоничная интеграция частных и общественных интересов [1].

Ценности неразрывно связаны с возможностями и потенциалом отдельного человека, они являются ориентиром, существенной мотива-

цией на пути к цели, постановка и достижение которой зависит от нравственных ценностей самого индивида. Взаимосвязь культуры и ценностей очень важна. Необходимо понять отношение между различными ценностями на уровне культуры, психологическую динамику, то, что испытывают индивиды, когда следуют ценностям в повседневной жизни. Отчуждение населения, в первую очередь молодежи, от культуры, семьи, науки, искусства имеет отрицательную тенденцию. Все это непосредственно влияет на качество населения, его потенциальные возможности.

Социокультурная отчужденность молодежи способна повлиять на эволюцию регионов России, на их социокультурную модернизацию.

Очевидно, что на сегодняшний день главной потребностью общества становятся интеллектуальный и творческий потенциалы. При прочих равных условиях и возможностях решающую роль в экономическом, социальном и политическом развитии страны будет играть не столько количественный показатель (хотя он неоспоримо важен и является весомым компонентом), сколько качественные характеристики общества.

Одним из вариантов сведения понятия качества населения к основным характеристикам является следующая классификация: здоровье физическое, психическое и социальное; профессионально-образовательные способности людей, образующие их интеллектуальный потенциал; культурно-нравственные ценности и духовность граждан, их социокультурная активность [2].

Культурно-нравственный потенциал является одной из качественных характеристик населения. Он отражает потенциальные возможности развиваться, придерживаясь моральных принципов, в т.ч. способность отличать «добро» и «зло», «хорошо» и «плохо». Культурно-нравственный потенциал как качественная характеристика – это «потребности развития как нынешнего, так и будущих поколений». По сути, понятие отражает духовность, мораль и нравственность в человеке, обществе.

Культурно-нравственный потенциал можно представить в виде следующей структуры.

Во-первых, это национальный признак и язык. Человек, как представитель конкретного сообщества людей определенной исторической эпохи, имеет свои особые личностные параметры и характеристики, и именно через них он воспринимает остальных членов общества как своих современников и партнеров по совместной жизнедеятельности. Люди, живущие в едином социокультурном и политикокультурном

пространстве, нуждаются в некоем комплексе общих для всех них ценностей, норм, установок и т.д., которые в совокупности обеспечивают образ жизни, способ существования всех членов общества [3]. Определить отношение индивидов к социуму можно, например, через правонарушения.

Вторым компонентом, который необходимо учитывать при определении культурно-нравственного потенциала, является возраст. Данный элемент необходим для того, чтобы идентифицировать культурно-нравственный потенциал для разных половозрастных групп. В нашем случае для молодежи в возрасте 15–29 лет.

Третьим и не менее важным компонентом выступает семья. Предполагается рассматривать и репродуктивное поведение молодежи, и отношение к семье как институту, желание и способность иметь детей, воспитание.

Фертильность в качестве одной из категорий выбрана для возможного включения в будущий коэффициент, измеритель культурно-нравственного потенциала. С помощью полученного коэффициента предполагается математически отразить ожидаемое количество населения.

Еще один компонент культурно-нравственного потенциала – здоровье. В его структуру входит физическое и психологическое здоровье жителей регионов, а также их отношение к своему здоровью и здоровью окружающих. С помощью данного показателя предполагается рассматривать отношение человека к самому себе, к своему здоровью; к здоровью своих сограждан. Необходимо изучение и анализ физического, психологического, социального и потенциального уровней здоровья.

Культура неразрывно связана с образовательной структурой. С одной стороны, образованный человек в силу развитых у него умственных способностей, накопленного потенциала, в том числе научного, готов не только к саморазвитию, но и развитию всего общества. Он четко осознает свои действия и последствия, которые эти действия повлекут. С другой стороны, между наукой и моралью проходит прерывистая линия, а также ослабевают потребности в семье, детях. Сегодня молодежь отдает предпочтение проведению свободного времени за телевизором и интернетом, а также в общении с «единомышленниками». Нечитающей и малочитающей молодежи большинство – около 55%. Общественной и религиозной деятельностью занимается 0% по всем возрастным категориям и полам [5].

Стоит выделить открытость человека к инновациям. Данный элемент является спорным, наряду с образовательной структурой. Ведь, с одной стороны, категория отражает способность общества к саморазвитию, с другой стороны, все зависит от типа и вида инноваций. Например, вопрос клонирования: насколько прозрачна грань между «хорошо» и «плохо»? С одной стороны, это возможность спасти жизни людей (клонирование отдельных органов), но готово ли человечество принять возможные последствия? Это и перенаселение, и непредсказуемая реакция человеческого организма, например мутация человеческого рода. Есть ли у человека право вершить судьбы мира? Это вопрос морали и духовного воспитания.

Население, его человеческий капитал являются основным богатством страны. Будущее государства в значительной мере зависит от молодого поколения, как движущей силы знаний, здоровья, культуры и прочих ценностей. Молодежь можно определить как «поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции» [4].

Для анализа была выбрана категория молодежи в возрасте от 15 до 29 лет. Численность молодежи в 2010 г. по сравнению с 2000 г. сократилась на 4% и почти на 8% по сравнению с 2005 г. (рис. 1).

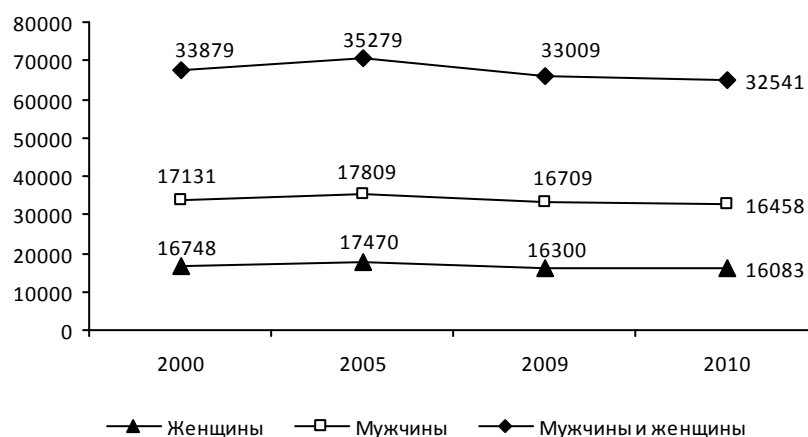


Рисунок 1. Численность молодежи (на конец года; тыс. человек)

Что касается показателя ожидаемости и желанности детей, то чем старше респондент из молодежной группы, тем меньше он хочет и ожидает детей: если до 25 лет среднее желаемое число детей и у мужчин и у женщин составляет 2,4, а ожидаемое – 2,06; то в возрасте 25–29 лет – 2,3 и 1,9 соответственно [5].

Стоит отметить положительную тенденцию современной молодежи, связанную с такими культурно-нравственными характеристиками, как отношение к социуму, забота о своем психологическом/физическом здоровье и здоровье окружающих: показатели преступности несовершеннолетних в возрасте 14–17 лет по отдельным видам преступлений значительно сократились. Число зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними, сократилось на 52% в 2009 г. по сравнению с 2000 г. (94,7 тыс. ед. против 195,4 тыс. ед.). Численность лиц в возрасте 18–29 лет, совершивших преступления, по сравнению с 2000 г. в 2009 г. сократилась на 29% (754,7 тыс. чел. против 539,8 тыс. чел.) [5].

Рассмотрим культурно-нравственный потенциал молодежи и его роль в протекающих миграционных процессах. Для начала проследим общую тенденцию миграции в России.

Статистика показывает, что миграция с каждым годом возрастает. С 2007 по 2011 г. миграция в пределах России возросла более чем на 53%, по сравнению с уровнем 2010 г. – более чем на 60%, а международный миграционный прирост – на 102% (рис. 2).

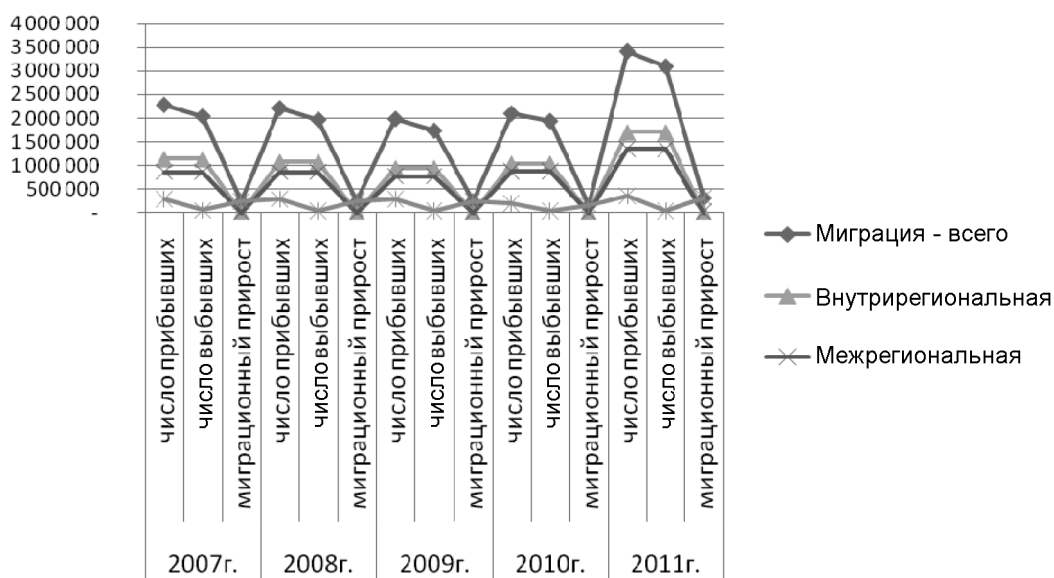


Рисунок 2. Численность и миграция населения РФ в 2008–2011 гг. (по данным Росстата)

В условиях увеличения населения, в том числе за счет мигрантов и сокращения культурно-нравственного потенциала, возникают трудности в построении общих приоритетов, направленных на эволюцию регионов России и их социокультурную модернизацию.

Молодежь проявляет неприязнь к согражданам, но в большей степени — к мигрантам, как своего рода чужакам и новым конкурентам. Контроль за уровнем собственного благосостояния порождает недоверчивость, эгоистичность, стремление к власти. Подобное самополагание молодежи затрудняет адаптацию мигрантов на «новой» территории, что в целом приводит к снижению качества населения.

Был проведен пилотный социологический опрос среди студентов одного из московских вузов в возрасте 18–20 лет. Опрос был направлен на выявление отношения молодых людей, так называемой «принимающей стороны», к мигрантам — 41% опрошенных и отношения самих мигрантов — 59% — к окружающей их новой обстановке, обществу. Присутствовали представители разных национальностей, религий, стран и городов.

Наиболее частые проблемы, с которыми сталкиваются сами мигранты в возрасте 18–20 лет, общаясь со своими сверстниками, «принимающей стороной»: разный уклад жизни (ритм жизни, отсутствие поддержки и помощи и т.д.) — 29,4%; различия менталитетов — 23,5%; различные взгляды и ценности — 23,5%; отличные интересы, культура общения — 11,8%.

Немигрантов в большей степени волнуют различия менталитетов, культур, чем самих мигрантов: различия менталитетов, культур — 35,3%; языковой барьер, «слэнг», различия в акценте, «говор» и т.п. — 29,4%; национальный признак — 5,9%, в большей степени связан с агрессивным настроением; различия интересов — 5,9%; отсутствие желания менять привычный круг общения — 5,9%.

В конце пилотного социального опроса было предложено как мигрантам, так и немигрантам объяснить правила поведения тем, кто приезжает в другой город.

Принимающая сторона определила правила поведения на своей территории: необходимо быть благодарными за гостеприимство, вливаться в новую жизнь и менять свои принципы, быть более дружелюбными, не диктовать свои правила, разговаривать на русском языке, быть менее агрессивными и не выделяться. В свою очередь, «гости» готовы подстроиться под культуру и ритм жизни, уважать культуру и менталитет местных жителей, быть толерантными, вести себя спокойно.

Обе стороны отмечают, что менять культуру, местные обычаи не стоит, а это означает единение в действиях, в достижении стратегических целей и задач социокультурной модернизации на территории того или иного региона.

Снижение культурно-нравственного потенциала разрушительно. Молодежь всё больше тяготеет к власти и богатству, что делает её в большей степени эгоцентричной и равнодушной к окружающим, служение общественной пользе не является целью. В большей степени каждый стремится преодолевать трудности, полагаясь только на себя и получая награду за свои труды. Молодежь, сама того не осознавая, всё больше живет по принципам протестантской этики, а не по христианским законам морали.

Современная Россия подвержена риску возникновения проблем формирования не просто трудовых ресурсов, а ресурсов, способных воспроизводить и развивать материальный и интеллектуальный потенциал страны. Если верить portalу статистических данных, важным для молодежи является реализация себя в карьере. Но направленность потенциала удручает: стремление открывать свое собственное дело. Однако предпринимательская деятельность в основном связана с торговлей и сферой услуг: например, магазины по продаже одежды или обуви, центры продаж CD-дисков, на которых записана современная mp3 музыка, салоны красоты и многое другое. Целью для молодежи является извлечение прибыли на актуальных товарах и услугах, которые, в свою очередь, изменчивы и не являются инновационными.

Развитие культурно-нравственного потенциала молодежи в современной России является важнейшим фактором обеспечения безопасности и устойчивого роста как регионов, так и страны в целом.

Л.Д. Тюличева,
Санкт-Петербург

Влияние процессов модернизации профессионального образования на социально-культурное развитие регионов России

Осуществляемая ныне модернизация профессионального образования является важной составной частью социально-культурной модернизации регионов России.

Социально-культурное развитие каждого региона во многом зависит от меры обеспечения населения региона услугами профессионального образования. Причем среднерегionalные показатели эту меру показывают искаженно, поскольку она очень дифференцируется для поселений разного типа. Кроме того, сложившиеся на сегодняшний день возможности получения качественного профессионального образования зависят не только от типа поселения, но и от уровня профессионального образования.

Сегмент довузовского (то есть начального и среднего) профессионального образования весь постсоветский период переживал не лучшие времена. Его влияние как фактора социально-культурного развития регионов, соответственно, резко уменьшилось. Способна ли изменить ситуацию осуществляющаяся ныне в регионах модернизация профессионального образования?

Анализ содержания региональных программ модернизации профессионального образования вынуждает констатировать, что в них доминирует ведомственная составляющая – реструктуризация звеньев системы профессионального образования (с особым вниманием к горизонтальной и вертикальной интеграции образовательных учреждений). В качестве эффектов выступают экономические выгоды самой системы образования – возможности провести оптимизацию используемых площадей и учебно-материальной базы, освобождение малоиспользуемых площадей.

Идеи повышения доступности качественного образования для населения и социально-культурного развития регионов присутствуют в виде задачи оптимизации территориального размещения образовательных

учреждений НПО и СПО. Однако эта задача остается скорее декларацией, настолько мало внимания уделено взаимосвязи развития системы профессионального образования и социально-культурного благополучия жителей поселений разного типа.

Решения по структурной перестройке системы профессионального образования необходимо дифференцировать для разных типов населенных пунктов с учетом не только количества потенциальных обучающихся, но и других факторов. Так, доступность качественного профессионального образования для населения во многом сводится к территориальной доступности самого образовательного учреждения. Поскольку при реструктуризации сети образовательных учреждений довузовского образования игнорируется развитость транспортной инфраструктуры региона, модернизация начального и среднего профессионального образования сопровождается значительным сокращением числа образовательных учреждений. В первую очередь эти сокращения затрагивают малые города, сельские поселения. И хотя это рационально с точки зрения сокращения расходов системы профобразования, но наносит ощутимый вред социально-культурному развитию территорий (откуда исчезают не только образовательные учреждения, но и учреждения здравоохранения, культуры и др.). То есть в этом смысле модернизация поддерживает неблагоприятную тенденцию всего постсоветского периода истории довузовского профессионального образования.

В сегменте высшего профессионального образования как будто наблюдалась противоположная тенденция, связанная с благоприятной для вузов конъюнктурой на рынке образовательных услуг. Поскольку резко возрос спрос на услуги высшего профессионального образования со стороны населения, развитие системы ВПО долгое время протекало в форме увеличения количества вузов и их филиалов.

Форсированное «растекание» вузов, с одной стороны, в новые регионы, с другой стороны, в малые и средние города (в некоторых регионах даже в поселки и села), конечно, ослабило проблему территориальной недоступности высшего образования. На получение высшего образования решились те, кто ранее не был готов отправляться за дипломом за тридевять земель.

Но это перетекание вузов в «глубинку» не повысило доступность качественного образования. Ограничением для качества образовательных процессов послужили, во-первых, кадровый дефицит (заставлявший комплектовать штат преподавателей филиалов вузов за счет совместителей — преподавателей местных школ, техникумов и ПТУ), во-вторых,

несовершенство материально-технической базы, отсутствие необходимого для практических занятий оборудования. Будучи не в силах проводить обучение по полным программам многие из филиалов осуществляли прием только на заочную форму обучения.

Не случайно, согласно результатам мониторинга деятельности вузов, список филиалов с признаками неэффективности оказался довольно обширным. Так же не случайно советы ректоров во многих регионах легче всего соглашались признать не соответствующими требованиям, предъявляемым к образовательным учреждениям высшего образования, именно филиалы вузов других регионов, в то же время ходатайствуя о сохранении «родных» высших учебных заведений, попавших в список неэффективных. В отношении к чужакам отчасти примешивался корыстный интерес: недаром высказывались просьбы, в случае ликвидации филиалов государственных вузов, ходатайствовать перед их учредителями о передаче имеющейся материально-технической базы вузам, действующим на соответствующей территории. Но, учитывая то обстоятельство, что очень часто у советов ректоров не находилось возражений против ликвидации филиалов «своих» вузов, следует признать, что во многих случаях уровень филиалов действительно делает их «слабым звеном» региональной системы высшего образования. Совет ректоров Кировской области в связи с этим предложил решить проблему кардинально – рассмотреть вопрос о ликвидации всех филиалов государственных вузов на территории Российской Федерации.

Интересно проанализировать обратные случаи – когда советы ректоров региона высказываются за сохранение филиалов своих и чужих вузов, расположенных в том числе в средних и малых городах. Здесь сталкиваются опять-таки ведомственный подход, стремящийся добиться соответствия любого вуза (филиала) общей норме или его упразднения, и подход региональный, когда яснее сознается, какими социально-культурными потерями обернется исчезновение некоторых образовательных учреждений, и потому и региональные власти, и ректорское сообщество готовы сделать многое для их сохранения. Мотивы противостояния потере высших учебных заведений и их филиалов весьма разнообразны.

Мнение о благотворном влиянии филиала «чужого» вуза на образовательное пространство региона высказывается в том случае, если этот филиал занимает весьма нужную для экономики региона специализированную нишу (скажем, подготовка кадров для агропромышленного комплекса), освоение которой региональными вузами невозможно или затруднительно.

Для решения такой острой социальной проблемы, как отток молодежи из региона, предлагается сохранить в моно-городах филиалы с обучением по техническим специальностям на основе целевой подготовки, с целью закрепления молодежи на градообразующих предприятиях.

Иногда ходатайство о сохранении филиалов в регионе Совет ректоров высказывает, учитывая мнение администрации данного региона. Администрацию же чаще всего волнует сохранение в регионе филиалов государственных федеральных вузов, уход которых способен снизить культурный статус принимающего региона.

Филиалы пытаются сохранить в разной форме. Предлагается филиалы государственных иногородних вузов переподчинить местным университетам соответствующего профиля. Рассматривается возможность объединения существующих в одном городе филиалов в один крупный филиал и подчинения его одному из базовых государственных университетов.

При ликвидации образовательного учреждения лишь в немногих случаях стараются минимизировать вред, наносимый этим социально-культурному пространству: скажем, при ликвидации филиалов вузов сформировать предложения по сохранению на его территории социально-ориентированной площадки.

Таким образом, следует признать, что процессы целенаправленной трансформации профессионального образования далеко не во всех случаях оборачиваются повышением доступности качественного профессионального образования для жителей поселений разного типа. Это значит, что процессы модернизации профессионального образования оказывают весьма противоречивой составной частью социально-культурной модернизации регионов России.

Источники

1. Скворцов И.П. О социокультурных аспектах модернизации современной России // Теория и практика общественного развития. 2011. №4. С. 20-24.
2. Римашевская Н.М. Качественный потенциал населения России: взгляд в XXI век // Проблемы прогнозирования. 2001. №3. С. 34-35.
3. Гаджиев К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. № 10.
4. Лисовский В.Т. Методология и методика изучения идеалов и жизненных планов молодежи: Автореф. канд. дис. Л., 1968.
5. Молодежь в России. 2010: Стат. сб. / ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2010. 166 с.

КРУГЛЫЙ СТОЛ №3

**Модернизация и инновационное
развитие регионов России**

И.А. Германов, Е.Б. Плотникова,
Пермь

Социокультурные условия инновационных процессов в малых городах Пермского края*

Тема модернизации, условий перехода нашей страны на инновационный путь развития в последние годы активно обсуждается государственными деятелями, учеными и практиками. Важными направлениями данной дискуссии являются пространственные аспекты модернизационных процессов, специфика региональных условий инновационного развития.

Актуальность проблемы обусловлена тем, что инновационная деятельность осуществляется в конкретных условиях определенной социокультурной территориальной общности, при этом российские регионы характеризуются значительными различиями в социально-экономическом и географическом положении, обеспеченности инфраструктурой, природными, материальными и человеческими ресурсами, что приводит к сильной дифференциации различных территорий страны по возможностям для создания, внедрения и распространения полезных новшеств (новых знаний, идей, продуктов и технологий, социально-культурных образцов и т.п.).

По данным авторов доклада «Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации», в стране существует значительный (почти шестикратный) разрыв между регионами в базовых социально-экономических условиях инновационного развития; подавляющая часть административных образований (более 80%) имеют показатели ниже, чем в среднем по стране [6]. Это означает, что существует ограниченный круг регионов, являющихся лидерами по условиям для инновационного роста, остальные же, при сохранении существующих тенденций, обречены на отставание. Подобная неравномерность пространственного развития страны относится экспертами к одному из существенных барьеров модернизации [1, с. 11].

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант 12-03-00200а.

Применительно к России принято выделять три уровня регионов страны: макрорегионы, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования. Инновационная роль субъектов РФ, представляющих базовый уровень горизонтальной дифференциации страны, многообразна. Н.И. Лапин видит ее в повышении устойчивости институциональной среды функционирования и развития деловых организаций, содействии развитию региональных рынков капиталов, товаров и услуг, повышению конкурентных преимуществ региона, содействии межрегиональной координации, кооперации и взаимодействию, обеспечении трехстороннего инновационного партнерства и др. [2].

Условия протекания инновационных процессов, складывающиеся на уровне муниципальных образований, пока не получили должной оценки. В то же время муниципалитеты вполне могут выступать потенциальными точками инновационного роста. В первую очередь это касается региональных столиц, однако определенные шансы есть и у социально-территориальных образований меньшего масштаба, поскольку некоторые из них обладают базовыми условиями для развития инновационных процессов: наличие городского населения, промышленных предприятий, учреждений ВПО и научно-исследовательских организаций. Речь идет о малых и средних городах, составляющих более трети в общем количестве городов России, где проживают около 9% населения страны. Учитывая эти обстоятельства, влияние условий, складывающихся в малых городах, на инновационную деятельность индивидов и деловых организаций мы представляем значимым направлением научных исследований.

Интересен также вопрос сравнения условий для инновационной деятельности в малых городах с разным уровнем экономического потенциала (развитый – депрессивный) на фоне условий, существующих в крупном городе – региональном центре. Мы предполагаем, что сравнительно высокие экономические показатели положительно влияют на инновационные процессы за счет повышения спроса на новые продукты, технологии, услуги и т.п. Если это действительно так, то условия для активизации инновационных процессов в более развитом в экономическом отношении муниципальном образовании будут выше, чем в менее развитом. В качестве представителя развитого в экономическом отношении муниципального образования был взят г. Лысьва, примером депрессивной территории – Кудымкар.

Для определения уровня возможностей инновационного развития, сравнительного анализа условий, складывающихся в различных регионах, часто пользуются понятием «инновационный потенциал». В литературе существуют различные трактовки указанного понятия. Так, О.С. Москвина выделяет как минимум четыре подхода к его определению [5]. В соответствии с одним из них, инновационный потенциал рассматривается через совокупность научно-технических, технологических, инфраструктурных, финансовых, правовых, социокультурных и иных возможностей, обеспечивающих восприятие и реализацию новшеств [4].

Социокультурные условия инновационных процессов включают в себя доминирующие в обществе идеи, ценности, нормы и образцы поведения, касающиеся отношения к новшествам, потребности в изменениях, а также социальные отношения, возникающие по поводу инициирования, поддержки или противодействия инновациям. Эти условия выступают в качестве одного из ключевых факторов инновационного развития, поскольку основными акторами нововведений являются люди, движимые стремлением к поиску новых и лучших способов удовлетворения потребностей, созданию и широкому распространению новшеств. Переход к инновационному пути развития общества связывается экспертами с появлением в массовом масштабе личностей инновационного типа, инноваторов, люди должны быть ориентированы на инновационное развитие во всех сферах общества [8, с. 37]. Данный тезис также подтверждает исключительную значимость социокультурных условий для поддержки инновационных процессов.

Один из подходов, используемых при анализе инновационного потенциала [5], предполагает рассмотрение двух его компонент. Первая характеризует возможности различных ресурсов для осуществления инновационной деятельности. Вторая отражает результаты использования ресурсных возможностей. В исследовании социокультурных условий инновационной деятельности в качестве показателей, отражающих ресурсную компоненту, мы использовали социально-психологические характеристики, отражающие готовность личности к инновационной деятельности, а для оценки результативной компоненты – показатели включенности в процессы инициирования и распространения инноваций. Методика формирования социокультурных портретов регионов [2] дает возможность для измерения каждой из соответствующих характеристик.

Готовность к инновациям в операциональном плане может раскрываться через комплекс социально-психологических черт личности, к которым относятся: ценностные ориентации, локус контроля, готовность осуществлять деятельность в условиях риска и неопределенности, принять негативные последствия, связанные с неуспехом. В качестве показателей включенности в процессы инициирования и распространения инноваций использовались самоотчеты респондентов об их участии в создании новшеств (организация новой фирмы, разработка нового продукта, технологии, создание новой услуги).

Таблица 1. Ресурсная компонента инновационного потенциала населения городов Пермского края

Показатели инновационного потенциала	Кудымкар	Лысьва	Пермь	Тест хи-квадрат		
				значение	значимость	
Инновативность*	1,9	1,6	1,8	0,451	0,502	
Традиционность*	3,2	2,4	1,4	28,706	0,000	
Локус контроля*	3,2	2,9	2,5	4,798	0,028	
Деятельностная ориентация	Гарантии, %	50,4	57,9	44,3	38,302	0,000
	Неопределенность, %	8,5	15,9	19,1		
	Индекс	-0,37	-0,40	-0,22		
* Среднее значение по шкале от -5 до 5.						

Как видим, выраженность инновационных ценностей у участников исследования соответствует уровню чуть выше среднего (табл. 1). Значения признака не имеют существенных колебаний во всех трех обследованных муниципальных образованиях. Наблюдаемые различия (от 1,6 до 1,9) являются статистически незначимыми. Совсем иначе дела обстоят с распространенностью традиционалистских ценностей. В малых городах уровень их поддержки находится существенно выше среднего (2,4–3,2) и значительно превышает показатели краевого центра (1,4). Важно отметить, что ориентация на традиции и обычаи в Лысьве и в особенности в Кудымкаре выражена гораздо сильнее, чем на инициативу и предприимчивость. В Перми таких перекосов не наблюдается. Здесь обе ценностные ориентации выражены примерно одинаково и соответствуют уровню чуть выше среднего.

Средние значения локуса контроля в обследованных городах практически одинаковы – 2,9 в Лысьве и 3,2 в Кудымкаре и указывают на большую выраженность установок интернального типа. Отметим, что это немного, но значимо больше, чем в Перми (2,5).

Таким образом, распределение ответов респондентов относительно их собственной роли в жизненном успехе указывает на то, что в малых городах преобладают люди, которые более независимы, уверены в себе, последовательны в достижении своих целей. Однако оказалось, что в своей трудовой деятельности более половины опрошенных (50–58%) ориентированы на небольшие, но стабильные заработки. Выбор рабочего места для них важен с точки зрения возможности с уверенностью смотреть в будущее. Людей, готовых к риску и неопределенности, среди респондентов, проживающих в малых городах, оказалось довольно немного: 16% в Лысьве и только 9% в Кудымкаре. Для сравнения: в Перми готовы мириться с низким заработком в обмен на уверенность в будущем 44% опрошенных, а на создание своего дела ориентирован каждый пятый участник опроса. В результате индекс деятельностной ориентации в малых городах составляет около 0,4, а в краевой столице заметно выше – 0,22.

Таблица 2. **Результативная компонента инновационного потенциала населения городов Пермского края (доля от числа опрошенных в группе, %)**

Участие в инновациях		Лысьва	Кудымкар
В любом виде новшеств		6,8	6,3
Участие в создании / внедрении	новой фирмы	2,3	3,3
	нового продукта	3,0	1,4
	новой технологии	4,3	1,2
	новой услуги	2,3	3,1

Показатели результативной компоненты инновационного потенциала населения обследованных муниципальных образований практически не отличаются друг от друга. В обоих случаях видно, что активное участие в создании и внедрении новшеств принимает крайне малая часть жителей города – от 1 до 4%. Доля респондентов, принимавших деятельное участие хотя бы в одном виде инновационной деятельности, и в Лысьве, и в Кудымкаре составляет около 6% (табл. 2).

Исследование барьеров исследуемых направлений инновационной деятельности показало, что в каждом случае уровень поддержки участников создания и внедрения новшеств был выше, чем степень противодействия. Однако оказалось, что поддержка исходит главным образом от ближайшего социального окружения, в то время как институционализованные каналы, призванные создавать благоприятные условия для

инновационной деятельности (банковские структуры, финансирующие инновационные проекты, административные органы, осуществляющие разрешительную деятельность), практически не задействованы. Об их положительной роли упоминали единичные респонденты. Однако и в негативном контексте (отказ в выдаче кредита, противодействие администрации) они также практически не назывались.

Следующим этапом исследования стало выделение в исследуемых городах однородных социальных групп, характеризующихся различным инновационным потенциалом. Для этого использовалась процедура иерархического кластерного анализа.

Оказалось, что в Кудымкаре можно выделить четыре такие группы (табл. 3). Первая – самая многочисленная (76%) – объединяет в себе «педантов». Эту группу отличает довольно низкий уровень склонности к риску и опасения за свое будущее (две трети предпочли бы низкий заработок в сочетании с уверенностью в завтрашнем дне), а также отстраненность от деятельного участия в процессах внедрения новшеств. Характер ценностных ориентаций и социальных установок практически не отличается от выборки в целом.

Таблица 3. Типологические группы населения городов Пермского края по инновационному потенциалу

Показатели инновационного потенциала	Типологические группы по инновационному потенциалу*							
	Кудымкар				Лысьва			
	A	B	C	D	A	B	C	
Инновативность	1,9	1,8	1,9	0,4	1,8	1,6	2,0	
Традиционность	3,4	3,5	3,8	-3,5	2,3	2,6	2,8	
Локус контроля	3,3	3,1	3,3	2,9	3,1	3,2	2,9	
Деятельностная ориентация	Гарантии, %	66%	0%	30%	84%	49%	0%	37%
	Неопределенность, %	0%	100%	37%	0%	0%	100%	0%
	Индекс	-0,7	1	0,03	-0,8	-0,5	1	-0,4
Включенность в инновации, %	0%	0%	100%	0	0%	0%	100%	
Доля в выборке, %	76%	13%	6%	3%	87%	7%	6%	

* Для обозначения типологических групп использованы следующие коды: А – «педанты», В – «предприниматели», С – «инноваторы», D – «подчиненные».

Вторая группа – «предприниматели» – объединяет 13% опрошенных в Кудымкаре. Ее отличительной особенностью является сильно выраженная ориентация на самостоятельность и склонность к риску (практически каждый предпочел бы иметь собственное дело). Их текущая деятельность не связана с участием в инновационных процессах.

По структуре ценностей представители этой группы не имеют особых отличий от других жителей города. В то же время «предприниматели» несколько в большей степени связывают свою судьбу с влиянием внешних обстоятельств.

Третья группу представляют «инноваторы». Их доля среди опрошенных кудымкарцев составляет чуть больше 6%. Главной отличительной чертой этой группы является активное участие в инновационных процессах. Треть из них отметили, что были инициаторами, а оставшиеся две трети – участниками внедрения тех или иных новшеств. Ориентация на гарантированность/неопределенность результатов деятельности среди «инноваторов» противоречива. Примерно по одинаковой части респондентов ориентированы на организацию собственного дела и на небольшие, но гарантированные заработки. В результате индекс склонности к риску равен 0,07. По характеристикам локуса контроля эта группа практически не отличается от остальных групп, так же как и по уровню поддержки ценностей новаторства. В то же время в этой группе заметно более выражены ориентации на традиции и обычаи (3,8).

Наконец, самая малочисленная группа (менее 3%) – «подчиненные». Ее представители отличаются от других жителей города по большинству выделенных нами показателей инновационного потенциала. Индекс склонности к риску (-0,8) демонстрирует явное доминирование тех, кто ориентирован на низкий, но гарантированный доход и кого характеризует практически полное отсутствие стремления к созданию собственного дела. Кроме того, здесь зафиксирован самый низкий уровень поддержки ценностей инициативы и предприимчивости (0,4). При этом большинство представителей группы отрицают также ценность обычаев и традиций (-3,4). Среди «подчиненных» больше представителей экстернального типа личности. Средние значения локуса контроля в этой группе заметно меньше (2,9), чем у других участников опроса (3,2).

В Лысьве процедура кластерного анализа позволила выделить три группы респондентов, отличающихся по показателям инновационного потенциала. Характеристики этих групп и их наполняемость имеют много общего с результатами, полученными на выборке опрошенных в Кудымкаре.

«Педанты» в Лысьве заметно преобладают и составляют 87% всех опрошенных, «предприниматели» – 7%, инноваторы – 6%. Все три группы не имеют статистически значимых отличий друг от друга по

структуре разделяемых ими ценностей, численному соотношению в их составе экстравертированных и интравертированных типов личностей. Отличительной чертой «инноваторов» в Лысьве являются гораздо более выраженные опасения перед будущим и связанная с этим ориентация на низкие, но гарантированные доходы, чем это наблюдалось в Кудымкаре.

Существуют ли какие-либо закономерности принадлежности к различным типологическим группам инновационного потенциала, связанные с социально-демографическим статусом респондентов? Для ответа на этот вопрос была проведена процедура кросс-табуляции с целью определения наличия связей между полом, возрастом, уровнем образования жителей города, а также их принадлежностью к тому или иному типу инновационного потенциала.

Анализ показал, что в обоих обследованных муниципальных образованиях гендерная принадлежность никак не связана с уровнем инновационного потенциала. Соотношение мужчин и женщин в каждом из выделенных типов примерно одинаковое (табл. 4).

Таблица 4. Гендерные характеристики типов инновационного потенциала населения городов Пермского края

Город	Пол	Типы по инновационному потенциалу				Итого
		Педанты	Предприниматели	Инноваторы	Подчиненные	
Лысьва*	Мужчина	83,8%	8,1%	8,1%		100,0%
	Женщина	89,4%	6,1%	4,6%		100,0%
	Итого	87,1%	6,9%	6,0%		100,0%
Кудымкар**	Мужчина	73,9%	16,1%	7,5%	2,5%	100,0%
	Женщина	80,6%	11,1%	5,4%	2,9%	100,0%
	Итого	77,8%	13,2%	6,3%	2,7%	100,0%
* $\chi^2=3,295$ $df=2$ $\alpha>0,05$						
** $\chi^2=3,780$ $df=3$ $\alpha>0,05$						

Совсем другие выводы следуют из анализа возрастных особенностей различных инновационных типов населения. При этом в обоих городах наблюдаются схожие тенденции: наибольшее число «педантов» сосредоточено среди респондентов пенсионного возраста (97% в Лысьве и 91% в Кудымкаре); представителей «предпринимателей» заметно больше среди молодежи (13 и 25% соответственно); «инноваторов» – среди респондентов среднего возраста (12 и 11% соответственно). Возрастных отличий в группе «подчиненных» не выявлено (табл. 5).

Таблица 5. Возрастные характеристики типов инновационного потенциала населения городов Пермского края

Город	Возраст	Типы по инновационному потенциалу				Итого
		педанты	предприниматели	инноваторы	подчиненные	
Лысьва*	18-30	79,2%	13,2%	7,5%		100,0%
	31-45	82,0%	5,7%	12,3%		100,0%
	46-60	90,5%	6,9%	2,6%		100,0%
	61+	97,1%	1,9%	1,0%		100,0%
	Итого	87,1%	6,9%	6,0%		100,0%
Кудымкар**	18-30	66,9%	24,6%	6,9%	1,5%	100,0%
	31-45	73,4%	13,3%	10,5%	2,8%	100,0%
	46-60	85,0%	7,1%	3,5%	4,4%	100,0%
	61+	91,3%	4,3%	2,2%	2,2%	100,0%
	Итого	77,8%	13,2%	6,3%	2,7%	100,0%

* $\chi^2=27,596$ $df=6$ $\alpha<0,001$
** $\chi^2=36,688$ $df=9$ $\alpha<0,001$

При анализе образовательных характеристик типов инновационного потенциала в обследованных городах были получены различные результаты. В Лысьве респонденты, имеющие общее среднее образование, заметно чаще относятся к категории «педантов» (92%), а с высшим образованием – к «предпринимателям» (16%) и «инноваторам» (23%). В Кудымкаре подобных закономерностей выявлено не было: соотношение различных типов инновационного потенциала во всех образовательных группах примерно одинаково (табл. 6).

Таблица 6. Образовательные характеристики типов инновационного потенциала населения городов Пермского края

Город	Образование	Типы по инновационному потенциалу				Итого
		педанты	предприниматели	инноваторы	подчиненные	
Лысьва*	среднее	91,9%	6,1%	2,0%		100,0%
	специальное	87,9%	5,8%	6,3%		100,0%
	высшее	60,5%	16,3%	23,3%		100,0%
	Итого	87,1%	6,9%	6,0%		100,0%
Кудымкар**	среднее	79,1%	15,0%	4,3%	1,6%	100,0%
	специальное	77,4%	12,4%	7,3%	3,0%	100,0%
	высшее	75,4%	10,5%	8,8%	5,3%	100,0%
	Итого	77,8%	13,2%	6,3%	2,7%	100,0%

* $\chi^2=36,555$ $df=4$ $\alpha<0,001$
** $\chi^2=5,356$ $df=6$ $\alpha>0,05$

Таким образом, мы увидели, что обследованные города имеют ряд отличий в общем уровне инновационного потенциала, социально-демографическом составе групп, различающихся по характеру установок и поведения в отношении инновационной деятельности. В то же время собранные данные дают нам лишь частичное подтверждение выдвинутой гипотезы о влиянии социально-экономического развития города на характер условий инновационной деятельности. В Лысьве возможности для инновационного развития выше только по двум из пяти показателей ресурсной компоненты инновационного потенциала. По остальным показателям, в том числе и тем, которые отражают результативную компоненту, существенных отличий между городами не наблюдается.

Источники

1. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. / Под ред. А.А. Аузана и С.Н. Бобылева. М.: ПРООН в РФ, 2011.
2. Лапин Н.И. Природа инноваций и их региональные условия // Социокультурные портреты регионов России: Опыт комплексной реализации. Сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции, 18-22 сентября 2008 г., Чебоксары. – Чебоксары: ЧГИГН, 2008.
3. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). М.: ИФРАН, 2010.
4. Лисин Б., Фридлянов В. Инновационный потенциал как фактор развития // Инновации. 2002. №7.
5. Москвина О.С. Инновационный потенциал как фактор устойчивого развития региона // Проблемы развития территории. 2005. №30. С. 16-25.
6. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации: аналитический доклад / Под ред. Л.М. Гохберга. – М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2012. С. 24, 27.
7. Шевченко В.Н. Инновационная личность как социальный тип // Научные ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология. Право. 2010. №2(73). Вып. 11.

Е.А. Когай, Д.С. Яцкова,
Курск

Инновационная активность в Курской области*

Экономический рост, как и конкурентоспособность российских регионов, качество жизни населения в значительной мере определяется его инновационным потенциалом. Под последним подразумевается способность населения к восприятию новой информации, к приращению профессиональных знаний и, что более важно, к выдвижению новых конкурентоспособных идей и нахождению решений нестандартных задач. Наличие и адекватная реализация инновационного потенциала способствуют росту возможностей социально-экономической системы, достижению более высокого уровня ее развития. Сама инновация, рассматриваемая на уровне отдельной организации или предприятия, предстает как феномен микроэкономического уровня, связанный с возможностью создания и реализации конкретного продукта, опыта, не имеющего подобных аналогов.

Как справедливо замечает Г.Л. Тульчинский, общество не может в целом развиваться инновационно, оно лишь может создавать условия для реализации инноваций или для препятствия им [1, с. 395]. Тем самым общество, а в нашем случае это региональное сообщество, создает некоторую социокультурную среду, благоприятную или неблагоприятную для инноваций. Социокультурная среда, в свою очередь, являет собой пространство пересечения ценностной и институциональной осей, в котором находит реализацию конкретный специфический баланс сил, обеспечивающий существование и развитие данного сообщества.

Отметим, что инновационная активность представляет собой комплексную характеристику инновационной деятельности, в которую входят степень интенсивности осуществляемых действий и их своевременность, способность мобилизовать потенциал для осуществления инновационной деятельности, потенциал нужного количества и качества.

В стратегическом контексте инновационная активность определяется такими показателями, как: качество инновационной стратегии конкуренции; уровень мобилизации инновационного потенциала;

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ в рамках проекта №12-03-00426а.

уровень привлеченных капиталовложений – инвестиций; уровень методов и культуры, используемых при проведении инновационных изменений; обоснованность реализуемого уровня инновационной активности. В тактическом контексте инновационная активность выражается такими показателями, как скорость действий и темп проведения стратегических инновационных изменений. Тем самым инновационная активность является характеристикой готовности организаций и самого населения к обновлению ключевых элементов инновационной системы – знаний, технологического оснащения, информационно-коммуникационных технологий и условий их эффективного использования, а также восприимчивости ко всему новому.

Зададимся вопросами: насколько благоприятна среда в отдельно взятом регионе России – Курской области – для развития инноваций? Сколь велика инновационная активность предприятий и жителей региона?

Прежде всего, обратимся к вопросу о состоянии научно-технического потенциала Курской области. Рассмотрим положение данного региона на фоне других областей Центрального Черноземья. Таблица 1 наглядно демонстрирует тот факт, что внутренние затраты на исследования и разработки в расчете на одну организацию в Курском регионе в 1,4 раза превышают аналогичные в Белгородской области, в 3,2 раза – в Тамбовской области, в 4,3 – в Орловской области, в 9 раз – в Липецкой области.

Таблица 1. Научно-технический потенциал Курской области и других регионов Центрального Черноземья, 2009/2011 гг.

	Курская область	Белгородская область	Воронежская область	Липецкая область	Орловская область	Тамбовская область
Количество организаций, выполняющих исследования и разработки	16/18	19/16	58/59	10/12	14/16	24/34
Персонал, выполняющий исследования и разработки, чел.	2955/3128	1185/1198	14677/14106	369/326	844/844	1964/1801
Внутренние затраты на исследования и разработки, млн. руб.	1930,5/1533,7	615,4/943,5	4961,4/5044,8	69,9/111,5	252,2/315,6	636,5/918,5
Внутренние затраты на исследования и разработки в расчете на одну организацию, млн. руб.	120,7/85,2	32,4/59,0	85,5/85,5	7,0/9,3	18,0/19,7	26,5/27
Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012. М., 2012. С. 778-788.						

Число инновационно активных организаций в регионе невелико, хотя их удельный вес в общем числе организаций проявляет тенденцию к увеличению. Численность персонала, занятого исследованиями, к 2011 г. выросла существенно. Объем производства инновационной продукции также возрастает (табл. 2).

Таблица 2. Инновационно активные организации Курской области

	2000	2005	2006	2008	2009	2010	2011
Число организаций, выполнявших исследования и разработки	24	23	19	18	16	15	18
Персонал, занятый исследованиями и разработками, чел.	2016	1571	3469	3185	2955	2944	3128
Поступления патентных заявок	247	228	306	282	393	318	296
Выдача охранных документов	149	184	217	282	316	333	261
Удельный вес инновационно активных организаций в общем числе организаций, в %	4,3	6,7	9,2	8,5	8,6	7,1	13,7
Объем инновационных товаров (работ, услуг), тыс. руб	739800	1428800	2285100	1390800	467700	1007700	4738500
Доля инновационной продукции (% от отгруженных товаров, услуг)	3,2	2,0	2,5	1,0	0,4	0,6	2,5
Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012. С. 778-816; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011. С. 806.							

Общую структуру инновационных процессов в регионе определяют три отрасли: *машиностроение, химическая и пищевая промышленность*. Данные отрасли охватывают 70% всех инновационно активных организаций и, как правило, отличаются наиболее высоким уровнем инновационной активности. Большинство промышленных предприятий в качестве основного результата инновационной деятельности имеют расширение ассортимента продукции, сохранение традиционных рынков, а также улучшение качества продукции.

Наиболее инновационно активными промышленными предприятиями Курской области остаются ЗАО «Курскрезинотехника», ОАО «Геомаш», ООО «БИАКСПЛЕНК», ОАО «Фармстандарт-Лексредства», ОАО «Михайловский ГОК», ОАО «Рудоавтоматика», ЗАО «ГОТЭК–ЛИТАР», ОАО ВО «Электроаппарат», ЗАО «КОНТИ–РУС». Данные предприятия в течение последних пяти лет имели завершенные инновации – внедренные на рынке новые или значительно усовершенствованные продукты, услуги или методы их производства; внедренные в практику

производственные процессы [2]. Помимо того, инновационная продукция производится на таких предприятиях, как ЗАО «Конверсия XXI», ЗАО «РЭС», НПП «ЭМСИ», ООО «СаТал-Прибор», НПЦ «БИОК», ООО «Хеликс-Юг», ООО «Эскулап», ООО «Совтест АТЕ», ЗАО «ИЗОПЛИТ» и ряде других. В целом высокий потенциал курских предприятий, наличие высококвалифицированных кадров, научный потенциал заводских лабораторий, курских вузов открывает довольно весомые перспективы по взаимной кооперации, дальнейшему развитию инвестиций. Отметим также, что в последние годы инновационные процессы все активнее захватывают сферу сельского хозяйства. В этом плане следует отметить такие действующие на территории региона предприятия, как ООО «Агропромкомплектация–Курск», Агропромышленный холдинг «Мираторг» (Московская область), ЗАО «Курскпромтеплица», ОАО «Курскхлеб», АОАО «Гарант», ООО «Русский ячмень», ГК «Русский дом». При этом следует признать, что в регионе связь между наукой, способной предлагать инновационные разработки, и производством разорвана. Хозяйствующие субъекты практически не отчисляют средства на НИОКР, а вести последние в условиях крайне ограниченных средств весьма затруднительно.

Тем не менее следует отметить, что заложенная в регионе в 2012 году традиция проведения Среднерусского экономического форума активизирует коммуникативные ресурсы курских предприятий, способствует привлечению в регион инвестиций для реализации инновационных проектов.

Проводимые социологические опросы показывают, что сама активность населения в процессе создания инноваций является невысокой. Более того, полевыми исследованиями, осуществляемыми на основании типовой методики «Социокультурный портрет региона» [3], фиксируется некоторое снижение инновационной активности жителей области на протяжении последних пяти лет (табл. 3).

Таблица 3. Степень участия жителей Курской области в создании и/или внедрении чего-либо нового (новая фирма, общественная организация, новое оборудование, новый продукт и т.п.), %

	2006	2007	2009	2012
Участвовал как организатор	4,1	5,6	3,0	3,8
Участвовал наравне с другими	11,0	9,7	7,2	6,5
Не участвовал	73,4	78,5	85,3	81,5
Затрудняюсь ответить	4,3	4,1	3,1	3,7
Отказ от ответа	7,2	2,2	1,4	4,5

Если обратиться к ответам на вопрос: «Если Вы участвовали в создании и/или внедрении нового, то встретили ли Вы поддержку или противодействие при внедрении новшеств?», то мы обнаружим следующее. Значительная часть инноваторов ощущала на себе поддержку кредитом, администрации, друзей. На противодействие конкурентов и чиновников указывает незначительное число инноваторов. При этом довольно значимая часть отметила безразличие окружающих к инновационным инициативам.

В ходе проведения полевого социологического исследования в 2012 году к типовой методике нами были добавлены вопросы, касающиеся непосредственно инновационной активности в регионе. Соответственно респондентам были заданы вопросы о том, что мешает росту инновационной активности в области, и том, какие меры со стороны региональной власти могли бы повысить данную активность. Обратимся к распределению ответов на данные вопросы. Отметим, что респонденты выбирали по 5-балльной системе позиции от 1 (незначимо) до 5 (крайне значимо). Далее суммированы ответы, оцененные в 4 и 5 баллов.

«Что, на Ваш взгляд, мешает росту инновационной активности в регионе?». Ответы распределились следующим образом (по убывающей):

- недоступность финансирования для создания новых фирм и инновационных проектов – 65,2%;
- избыточная бюрократизированность – 59,9%;
- нехватка в регионе «мозгов» (идей и специалистов, способных их разрабатывать) – 56,6%;
- недостаточная поддержка инноваторов со стороны региональной власти;
- условия жизни и работы, малопривлекательные для предпринимателей и творческих людей – 55,8%.

При этом значимость такого фактора, как *существенное присутствие государства в экономике*, была оценена 37,3% респондентов.

Отсюда мы выводим первую формулу, следующую из анализа ответов опрошенных: *экономические стимулы + снятие бюрократических препон + увеличение числа идей и креативных людей = необходимые условия повышения инновационной активности в регионе.*

«Какие меры со стороны органов региональной власти, на Ваш взгляд, могли бы способствовать росту инновационной активности в нашем регионе?» Обратимся к распределению ответов:

- повышение качества высшего образования – 74,4%;
- увеличение государственного финансирования научных исследований в регионе – 66,3%;
- совершенствование законодательства – 62,7%;
- налоговые стимулы – 56,3%;
- защита российского, в том числе регионального, рынка от иностранных конкурентов – 54,1%.

Отметим, что минимальное число опрошенных подчеркнули значимость такой позиции, как *инвестиции в венчурные фонды (28,6)*. Данный факт, на наш взгляд, может быть объяснен невысокой экономической культурой населения региона.

Тем не менее можно вывести вторую формулу, вытекающую из анализа ответов респондентов: *качественное высшее образование + финансирование научных исследований + адекватное законодательство = локомотивы усиления инновационной активности в регионе*.

Вместе с тем обращение к реалиям демонстрирует тот факт, что качество образования в регионе за последнее десятилетие существенно снизилось. На протяжении ряда лет Курская область занимает 5-е место по количеству студентов на 10 000 человек, при этом каждый третий обучается на коммерческой основе. Увеличение количества студентов оборачивается потерей качества. Финансирование научных исследований со стороны региональной власти встречает серьезные затруднения. А в отношении принятия законов, способствующих развитию инноваций, можно однозначно сказать, что адекватного законодательного поля для развития инновационной деятельности в регионе, как и в стране в целом, так и не создано.

На основании вышеизложенного следует сделать вывод о том, что базовой основой инновационной политики в регионе должно стать создание комфортных и благоприятных условий для нововведений. Ответственным звеном здесь, несомненно, является эффективность региональной производственной структуры, а ключевым инструментом – передача инноваций и технологий. Соответственно представляется целесообразным предложить региональным и местным органам государственной власти разработать нормативы расходов на поддержку инновационных разработок из бюджетов развития. Ускорителем развития инфраструктуры могло бы стать более эффективное использование государственной собственности. Предоставление льгот и налоговых стимулов инвесторам,

кредиторам является значимым фактором активизации инвестиционной деятельности в регионе, так как стимулирует привлечение инвестиционных ресурсов и расширение портфеля проектов. При этом, несомненно, следует учитывать социальную ситуацию в регионе и риск ее ухудшения.

Мы полагаем, что на региональном уровне инновационная политика может быть реализована только через сочетание государственного регулирования инновационной деятельности с эффективным функционированием конкурентного рыночного инновационного механизма, реализуемого через защиту интеллектуальной собственности, через содействие развитию инновационной деятельности, международное инвестиционное сотрудничество, а также через защиту интересов регионального инновационного предпринимательства.

Вместе с тем в Курской области, как, впрочем, и в большинстве российских регионов, фиксируются отсутствие реального запроса на инновации, их не востребованность, а также неразработанность социальной и правовой базы инновационной деятельности. В регионе на первый план выходит запрос на стабильность, а не на повсеместное расширение поля инновационной деятельности. Хотя при этом нельзя не отметить, что инновационный потенциал в регионе существенный, он подкрепляется вовлеченностью значимой части населения региона в образовательный процесс, связанной с получением высшего образования, широким развитием индивидуального предпринимательства. Тем не менее явно недостает развития вектора личностной инициативы, выступающего неотъемлемым условием инновационной активности, а также правовых гарантий, которые обеспечили бы результативность проявления обозначенной активности.

Источники

1. Тульчинский Г.Л. Политическая культура как ресурс и барьер развития российского общества // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып.7. Часть II. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 395-401.
2. Стратегия социально-экономического развития Курской области [Интернет-ресурс]. Режим доступа к изд.: <http://www.minregion.ru/WorkItems/NewsItem>
3. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). М.: ИФРАН. 111 с.

С.В. Крошилин, Е.И. Медведева,
Коломна

Информационно-коммуникационные технологии и экономика знаний*

Стремительное распространение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и развитие глобального информационного общества выдвигает новые требования к уровню трудового потенциала рабочей силы, а также к уровню образования и умения использовать ИКТ индивидом в повседневной жизни. Изменение качества подготовленных специалистов актуально и при переходе к экономике знаний. Возможность реализации последней в значительной степени определяется потенциальной возможностью осваивать инновации, ноу-хау и информационные технологии. Сегодня поток нововведений становится все более плотным (80% инноваций устаревают в течение 10 лет). Это означает, что повышение эффективности российской экономики непосредственным образом зависит от молодежи, которая более быстро и эффективно осваивает нововведения на основе ИКТ. Такие технологии являются решающим фактором в повышении конкурентоспособности страны в целом и каждого отдельного индивида в частности.

Формирование экономики, основанной на знании, становится сегодня одним из конкурентных преимуществ при формировании стратегических приоритетов развития мировых держав. Экономика, основанная на качественной подготовке специалистов, опирается, прежде всего, на выстраивание информационного общества, что определяет возрастающее значение информации в социально-экономическом развитии. Значительная роль при этом отводится информационным и коммуникационным технологиям, которые поддерживают и стимулируют происходящие в обществе изменения.

Повсеместное использование ИКТ меняет не только требования к трудовому потенциалу индивида, но и многие социальные процессы, которые происходят в российском обществе. Доступность информационных технологий, Интернета и различных новых коммуникацион-

* Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ №12-32-01340 «Формирование человеческого потенциала молодежи в современном информационном обществе (на примере региона России)».

ных устройств принципиально влияет на стиль жизни, общение и работу. Существует множество особенностей, связанных с формированием информационного общества в России, а также специфика формирования спроса населения на услуги в сфере ИКТ.

В рамках проекта РГНФ №12-32-01340 «Формирование человеческого потенциала молодежи в современном информационном обществе (на примере региона России)» авторами было проведено исследование по анализу отношения различных когорт учащейся молодежи (школа, НПО, СПО, ВПО) к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ). Изучалось положительное и отрицательное влияние ИКТ на формирование человеческого потенциала молодежи, а также отношение к развитию экономики знаний (информационного общества) в стране и регионе. В качестве географии исследования был выбран юго-восток Московской области (Коломна, Луховицы, Воскресенск, Егорьевск, Зарайск, Озеры; рис. 1).

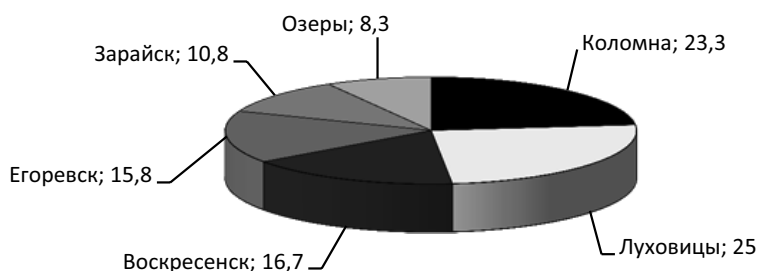


Рисунок 1. Доля опрошенных в городах юго-востока Московской области, %

Анкетирование проводилось в период с октября 2012 по май 2013 года. Выборка составила 600 человек. Возраст респондентов – от 15 лет до 33 лет: 41,3% – мужского пола и 58,7% – женского. Практически половина опрошенных – 31,7% – учащиеся школ; 26,7% – студенты вузов; 31,7% – учащиеся других учебных заведений (колледжи, лицеи и т.п.). Выборка была двухступенчатой, квотной: сначала определялась численность респондентов в каждом городе, а затем внутри региона задавались сами квоты отбора по 3 подгруппам. Исследование проводилось в рамках анализа трех групп: 1) учащиеся школ, 2) студенты ВПО, 3) учащиеся других профессиональных заведений (НПО и СПО).

На одном из этапов исследования изучалось **особенность потребления услуг, связанных с ИКТ, и процессы информатизации общества**. Первоначально всех респондентов попросили определить, что они понимают под процессом «информатизации общества» (рис. 2).

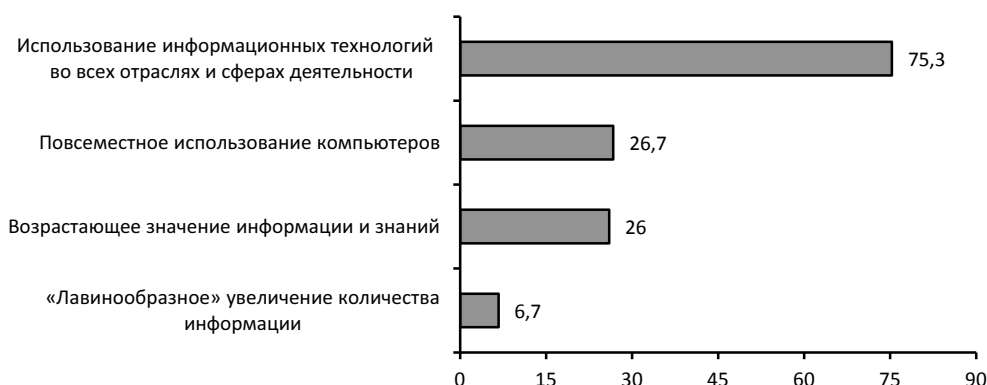


Рисунок 2. Что Вы понимаете под процессом «информатизация общества»? , %

Подавляющее большинство опрошенных (75,3%) понимают под данным процессом использование информационных технологий во всех отраслях и сферах деятельности; 26,7% – «повсеместное» использование компьютеров; 26% – возрастающее значение информации и знаний. «Лавинообразное» увеличение количества информации отмечено лишь 6,7%.

Повсеместное распространение компьютерной техники, улучшение ее доступности как в материальном (становится дешевле), так и в техническом (не требует дополнительной подготовки пользователя) отношении привели к ее распространению и использованию в повседневной жизни каждого (рис. 3).

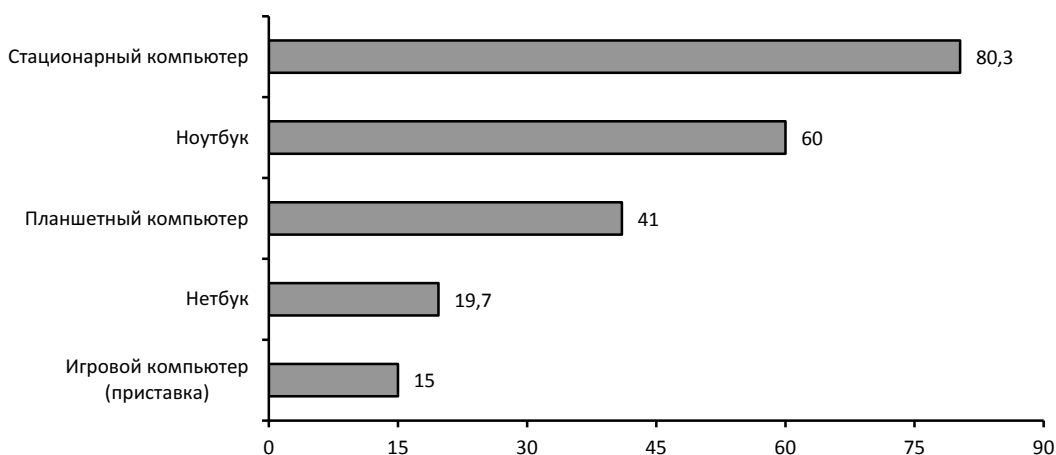


Рисунок 3. Какие виды компьютеров используются дома?, %

Качество и количество компьютерной техники в доме постоянно растет. У 80% опрошенных дома есть стационарный компьютер, у 60% – ноутбук, у 41% – планшет, у 20% – нетбук, у 15% опрошенных – игровая приставка.

Количество компьютеров в доме приближается к количеству телевизоров. Почти у трети опрошенных имеется по два устройства в квартире. Три компьютера – чуть больше чем у одной пятой опрошенных (22,4%), а три телевизора – у каждого третьего (33,8%). Один компьютер – у 26,2% опрошенных и только у 10% – один телевизор. Больше 5 компьютеров дома – у 4,1% (рис. 4).

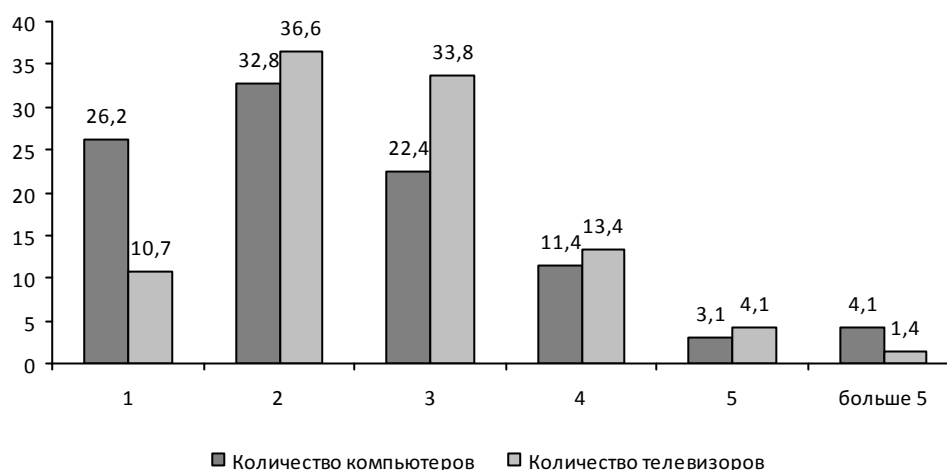


Рисунок 4. Количество компьютеров (общее число всех устройств) и телевизоров дома, %

У 90% опрошенных есть возможность пользоваться безлимитным Интернетом. Это позволяет проводить в нем гораздо больше времени и скачивать желаемое количество информации без ограничений (имеются лишь технические ограничения по скорости, но и они с развитием Интернет-услуг оказывают меньшее влияние). 7,2% – пользуются Интернетом с тарификацией трафика, а 2,8% – не имеют дома Интернета (рис. 5).

Современные средства коммуникации позволяют быть молодежи в сети (в Интернете) практически в любом месте – это качественно меняет не только процесс получения новых знаний, но и саму процедуру общения (рис. 6).

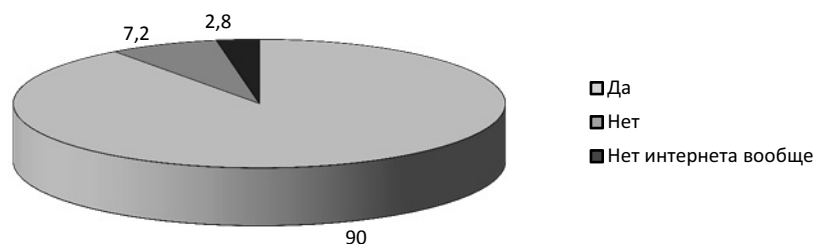


Рисунок 5. Безлимитный доступ в Интернет, %

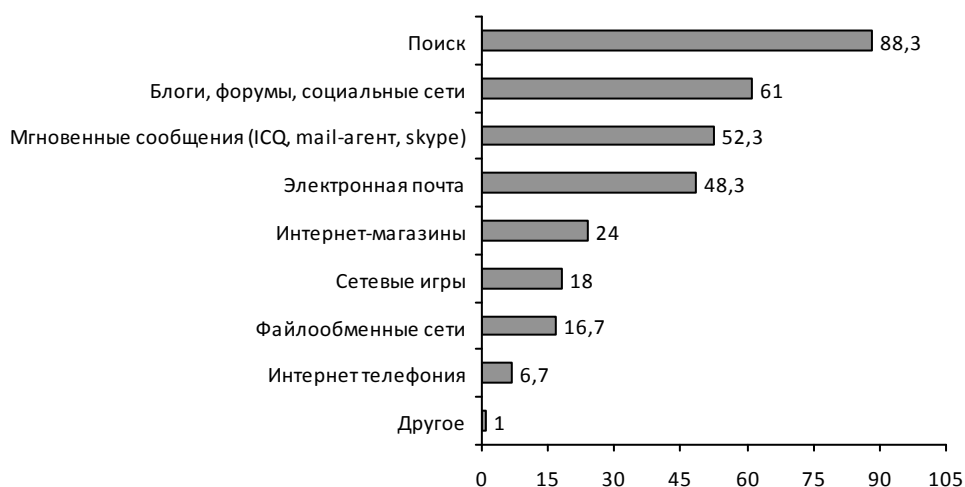


Рисунок 6. Какими службами Интернета обычно пользуется молодежь, %

Как правило, основная служба Интернета, которую активно использует молодежь, – это поиск (88,3%). Блоги, форумы и социальные сети – на втором месте (61%). На третьем месте (52,3%) – мгновенные сообщения (программы типа ICQ, mail-агент, skype и т.п.). Меньше половины (48,3%) указали электронную почту. Одна четвертая (24%) – посещают Интернет-магазины.

Больше всего времени проводят в поисковых системах (82%), а также общаясь в социальных сетях (78,3%). Смотрят и скачивают кино, видео и музыку 61% опрошенных. Треть – интересуется новостями (33,7%), практически столько же (30%) посещают образовательные порталы. Одна пятая опрошенных (21%) посещают Интернет-магазины, около 18% – хотят видеть спорт и играть в сетевые игры. Остальные сайты указывались респондентами чаще всего исходя из личных интересов, увлечений и хобби: здоровье, наука, открытия, новые технологии, семья, быт (рис. 7).

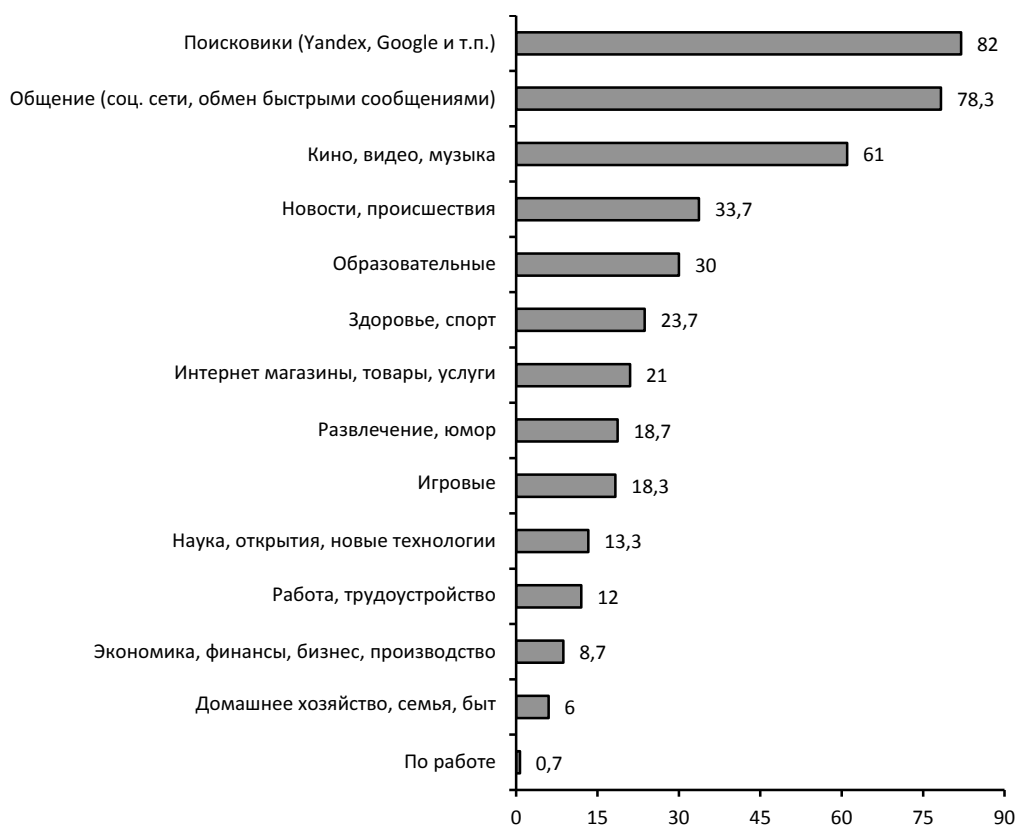


Рисунок 7. Тематические сайты (страницы), чаще всего посещаемые молодежью, %

Некоторые связывали посещение Интернет-порталов со своей трудовой деятельностью: экономика, финансы, бизнес, производство и возможное трудоустройство в будущем.

Практически все опрошенные уверены, что владение компьютером необходимо в современном обществе, и лишь 1,7% – так не считают. При этом 85,5% опрошенных отмечают, что использование информационных технологий дает возможность получать качественные знания, а 14,5% – в этом не уверены.

В настоящее время уровень владения компьютерной техникой влияет не только на перспективы трудоустройства молодежи, но и на возможность получать новые знания, информацию. Отсутствие навыков владения современной компьютерной техникой значительно снижает возможности повышения своего человеческого потенциала. С другой стороны, сам «процесс общения» упрощается, так как интерфейс с каждым новым поколением компьютерной техники становится все проще, что

в конечном счете позволят достаточно быстро осваивать новые устройства. Например, новые планшетные компьютеры практически не требуют никакого опыта работы, так как используют интуитивно понятный интерфейс.

В нашем исследовании задавался вопрос относительно уровня владения компьютерной техникой. Результаты самооценки уровня владения компьютером приведены на рисунке 8.



Рисунок 8. Оценка уровня владения компьютером молодежью, %

«Высоко» оценили уровень владения компьютером 13,1% опрошенных, то есть они знают некоторые языки программирования и специальные программы. 72,1% – как «средний», эти люди умеют работать во всех приложениях MS Office, знают некоторые «офисные» программы типа FineReader, Photoshop и др., как «низкий» оценили свой уровень (умею набирать и редактировать текст) 14,8% респондентов.

Таким образом, процессы выстраивания экономики знаний сложны и многогранны. Они связаны не только с глобальными изменениями в сфере ИКТ, которые происходят во всем мире, но и с особенностями восприятия и использования «новинок», а также потребления данных услуг населением, особенно молодежью, которая является основным потребителем всех ноу-хау. Без качественного изменения образовательных и трудовых ресурсов современной молодежи невозможны уход российской экономики от сырьевой зависимости и завоевание конкурентных преимуществ на международных рынках. Возможность использовать, осваивать и применять ИКТ в повседневной деятельности определяет потенциал роста всего общества, от этого зависит возможность построения экономики знаний и информационного пространства России.

Г.Э. Кудинова,
Тольятти

Социокультурная модернизация на основе инновационных подходов

Реформы, осуществляемые в Российской Федерации, направлены на формирование инновационной экономики. Разработка инновационных технологий и их эффективное применение для решения задач социокультурной модернизации и экономического развития в значительной мере определяют роль и место страны в мировом сообществе. Кроме того, в условиях высокого уровня конкуренции на рынке товаров и услуг инновации становятся одним из наиболее важных и действенных инструментов конкурентной борьбы.

Понятие «инновация», появившееся в научных исследованиях в XX в., первоначально означало проникновение некоторых элементов одной культуры в другую (обычаев, способов организации жизнедеятельности, в том числе производства). Инновации есть результат деятельности по обновлению, т.е. преобразованию предыдущей деятельности, приводящему к замене одних элементов другими либо дополнению уже имеющихся новыми. При этом подобная деятельность имеет общие закономерности: определяются цели изменения, разрабатывается новшество, испытывается, осваивается производством (организацией), распространяется и, наконец, «отмирает», исчерпываясь морально и физически. В процессе инновационной деятельности при преодолении инерции сложившегося порядка особая роль отводится инновациям в образовании, диктуется необходимость поиска новых форм и методов обучения.

Реагируя на требования современного общества и многоукладной экономики, высшая школа находится в процессе глубокого реформирования, постепенного перехода на инновационный путь развития. Сегодня изменяются подходы к методике обучения, интенсивно развивающиеся современные образовательные технологии требуют новых форм и методов в преподавании и организации учебного процесса.

Главными задачами инновационного вуза являются: многоуровневое образование, фундаментальные и прикладные научные исследования, трансферт знаний и технологий, а также участие в различных программах и проектах инновационно-технологического развития страны.

Современный университет представляет собой корпорацию, объединяющую крупные материально-технические, финансовые, интеллектуальные и информационные ресурсы, которые необходимо оптимально использовать для реализации инновационного развития вуза.

Накопленный потенциал высшей школы может и должен быть направлен на выработку инновационной стратегии ее развития и создание адекватной современным требованиям организации процессов в научно-инновационной сфере.

Для инновационного и коммерческого развития структуры университетов предлагается создавать структурные подразделения в виде экспертно-консалтинговых центров (далее – Центр), которые специализируются в области системы формирования, обучения и подготовки профессиональных кадров, а также в области повышения эффективности работы организаций (предприятий) и решения задач в других сферах городской и университетской деятельности.

Основная цель деятельности таких центров – реализация системы практикоориентированного обучения студентов для решения задач в профессиональной деятельности посредством оказания экспертно-консалтинговых услуг экономических, правовых, технико-технологических и других направлений.

Для реализации концепции практикоориентированного обучения Центр в своей деятельности может решать следующие задачи:

- выявление потребностей рынка труда и работодателей по формированию навыков специалистов;
- подготовка высококвалифицированных специалистов, отработка и совершенствование их навыков;
- реализация возможностей личности в профессиональном, интеллектуальном, культурном и нравственном развитии;
- организация обучения студентов и повышения их профессиональной компетенции;
- организация дополнительного профессионального образования;
- участие в методическом обеспечении образовательного процесса;

- участие в организации и проведении семинаров, научно-практических конференций;
- оказание услуг и выполнение работ, направленных на достижение основной цели, осуществление предпринимательской деятельности;
- разработка программ обучения и повышения квалификации, расширение и углубление знаний в различных областях;
- аккумуляирование и распространение передового опыта как результатов научных исследований по выполняемым договорам.

Указанные цели и задачи достигаются следующими основными видами деятельности:

- создание системы реализации и отработки механизмов внедрения практикоориентированного обучения студентов;
- организация и проведение прикладных исследований, выполнение договорных работ;
- разработка и реализация общеобразовательных курсов для студентов высших и средних специальных учебных заведений города;
- разработка и реализация информационных и образовательных программ, направленных на повышение эффективности использования финансовых, материальных и нематериальных средств и трудовых ресурсов организаций (предприятий);
- содействие в проведении учебных практик студентов на базе Центра;
- оказание консультационных услуг для организаций (предприятий) города по специальностям университета;
- целевая подготовка специалистов по заказам предприятий;
- оказание помощи выпускникам в трудоустройстве.

Несмотря на то, что экспертно-консалтинговый центр является структурным подразделением университета, он может быть самостоятелен в формировании своей организационной структуры. Структуру Центра можно формировать на основе секций по направлениям подготовки, которые возглавляют их руководители, назначенные ректором по представлению руководителя Центра из числа преподавателей, входящих в состав секций. Секции по направлениям подготовки реализуют функции кафедр.

Непосредственное руководство Центром для реализации инновационных разработок и обеспечения эффективности деятельности осуществляет директор, который организует его работу, несет полную ответственность за состояние и результаты деятельности.

В Центре могут работать как штатные сотрудники, так и привлекаемые со стороны высококвалифицированные специалисты. Основное условие, которое необходимо соблюдать при планировании образовательного процесса: преподавателем должен быть специалист-практик высокого уровня квалификации, заинтересованный не только в качественном предоставлении образовательных услуг, но и в продвижении учебных и научных разработок Центра, и в развитии инновационной деятельности вообще. Такое сочетание возможно в Центре, созданном на базе университета, так как изначально предполагает совмещение научной, практической и образовательной деятельности преподавателя.

Для четкой организации работы Центра по достижению цели и выполнению поставленных задач обязанности, ответственность и права Центра и его сотрудников должны быть четко регламентированы. Права и обязанности сотрудников Центра устанавливаются, регулируются и определяются трудовым законодательством РФ, Уставом университета, правилами внутреннего распорядка, должностными инструкциями персонала.

Одним из ключевых моментов существования любой организации является ее финансовая составляющая. Финансирование Центра осуществляется:

- за счет средств, поступающих по договорам с заказчиками;
- внебюджетных средств университета;
- иных источников, не запрещенных действующим законодательством.

Таким образом, создание экспертно-консалтинговых центров в университетах направлено на формирование инновационной инфраструктуры, которая позволит усилить активность процесса трансфера технологий и содействовать как организации цикла создания и продвижения инноваций, так и совершенствованию процесса подготовки квалифицированных специалистов в вузе, что повысит привлекательность университетского образования. Такой комплексный подход к системе стратегического планирования и развития университетов дает надежду на его успешную социокультурную модернизацию на основе инновационных подходов.

Автор благодарен Российскому гуманитарному научному фонду «Волжские земли в истории и культуре России» (грант 12-12-63005), Программе грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (грант НШ-3018.2012.4) за финансовую поддержку данной работы.

Источники

1. Опыт формирования инновационной инфраструктуры ДВО РАН в интересах развития инновационного потенциала Дальнего Востока России / В.В. Ельников, Ю.Н. Кульчин, В.И. Сергиенко, А.А. Супоня // Материалы I Международного форума «От науки к бизнесу – международный опыт развития инфраструктуры инновационной деятельности». – С-Петербург, 2007. – С. 44-46.

2. Кудинова Г.Э., Азовская О.Н., Шумилова И.В. Опыт формирования инновационной деятельности в высшей школе на основе создания экспертно-консалтинговых центров // XII Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы развития инновационной деятельности»: Сборник материалов. – Алушта, 2007. – С. 171-178.

3. Мазур З.Ф., Подоляко Т.Н. Управление инновациями: социально-образовательный аспект: Монография. – ОАО ПП «Современник», 2001. – 147 с.

4. Шепелев В.М., Кокурин Д.И. Инновации, собственность, рынок / Под ред. А.А. Нестерова. – Самара: Самар. гос. тех. ун-т, 2001. – 61 с.

Д.А. Лимарева,
Ростов-на-Дону

Особенности оценки уровня экономики знаний

Сегодня «способность общества создавать, отбирать, адаптировать, превращать в источник прибыли и использовать знания имеет решающее значение для устойчивого экономического роста и повышения жизненного уровня населения» [2], а также решения глобальных социальных проблем (повышение уровня бедности; рост дефицита пищи, воды и энергии; усугубляющееся промышленное, городское и сельскохозяйственное загрязнение окружающей среды; продолжающееся разрушение озонового слоя; сокращение биологического разнообразия; а также уменьшение атмосферного кислорода). Современное общество Г. Бехманн определяет как общество знаний, т.е. общество, источником развития которого являются собственное многообразие и собственные способности. Термин «общество знания» впервые был использован в 1969 г. П. Друкером. Такого рода общество должно обеспечивать социальную интеграцию каждого из своих членов и способствовать развитию новых форм солидарности – как по отношению к нынешним поколениям, так и к будущим [1]. Одними из ключевых принципов «общества, основанного на знаниях», по мнению ЮНЕСКО, являются: принцип свободы выражения мнений и всеобщий доступ к образованию и информации, в особенности к информации общего пользования [5].

Цель статьи – сравнить отечественную и зарубежную методики оценки уровня экономики знаний.

Отечественный метод оценки представлен подходом А. Варшавского, В. Макарова и включает индикаторы: уровень поддержки (инвестиции) сектора знаний в России относительно среднего уровня стран ЕЭС или ОЭСР; уровень использования знаний в экономике России относительно среднего уровня стран ЕЭС или ОЭСР; сбалансированность развития экономики знаний [3].

Зарубежный метод представлен «*The Knowledge Economy Index*» Всемирного банка (*World Bank*). Индекс экономики знаний – комплексный показатель, оценивающий эффективность использования страной

знаний в целях ее экономического и общественного развития. Данный индекс представляет собой среднее значение из четырех индексов: индекса экономического и институционального режима, индекса образования, индекса инноваций и индекса информационных технологий и коммуникаций. В 2012 г. в пятерку стран с наиболее высоким индексом экономики знаний [6] (*KEI and KI Indexes 2012*) вошли Швеция (9,43), Финляндия (9,33), Дания (9,16), Нидерланды (9,11), Норвегия (9,11). Последнее, 146-е место занимает Гаити.

Россия в рейтинге занимает 55-е место (5,78) — между Катаром (5,84) и Украиной (5,73). Для сравнения: в 2000 г. Россия занимала 64 место, а в 2005 г. — 41 место [4]. Параметры «экономики знаний» России в 2012 г.: экономические системы стимулов — 2,23 балла; инновации — 6,93 балла; образование — 6,79 балла; информационно-коммуникативные технологии (ИКТ) — 7,16 балла [7].

Рассматриваемые методы оценки имеют свои преимущества и недостатки. Отечественный метод отражает отдельный аспект развития экономики знаний, являясь более простым. Зарубежный метод на основе комплексной оценки позволяет учесть значительное количество факторов, но его построение сопряжено с определенными проблемами: выбором показателей, входящих в интегральный индекс, и их обоснованием, а также определением и обоснованием весов, с которыми частные показатели войдут в интегральный.

Источники

1. Всемирный доклад ЮНЕСКО «К обществам знания». — Издательство ЮНЕСКО, 2005. — URL: http://www.intelros.ru/pdf/doklad_yunesko_2005_k_obshzestvam_znaniya.pdf
2. Доклад Всемирного банка «Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы»: пер. с англ. — М.: Издательство «Весь Мир», 2003. — URL: <http://siteresources.worldbank.org/EDUCATION/Resources/278200-1099079877269/547664-1099079956815/se.pdf>
3. Измерение экономики знаний: теория и практика. — М.: ИПРАН РАН, 2008. — 191 с.
4. Исследование Всемирного банка «Индекс экономики знаний в 2005 г.» — URL: <http://gtmarket.ru/news/state/2006/08/30/197>
5. Шмидт М., Кудрэ С. Будущие задачи построения общества, основанного на знаниях. — URL: <http://www.osce.org/ru/fom/13853a>. — С. 226-230.
6. KEI и KI индексы (КАМ 2012). — URL: http://info.worldbank.org/etools/kam2/KAM_page5.asp
7. Knowledge Economy Index (KEI) 2012 Rankings — URL: <http://siteresources.worldbank.org/INTUNIKAM/Resources/2012.pdf>

А.Е. Николаев,
Москва

Кластерный подход к инновационному развитию российского оборонно-промышленного комплекса: региональный аспект

Оборонно-промышленный комплекс (ОПК) Российской Федерации – системный компонент военной организации государства, занимающий ведущее место в обеспечении национальной безопасности, решении оборонных и социально-экономических задач страны.

С учетом того, какую роль призван ОПК играть в современных условиях при проведении военной реформы, структурной перестройки и модернизации экономики страны, перед ним поставлена задача обеспечения высокого технологического уровня, качества и конкурентоспособности продукции военного, гражданского и двойного назначения на основе развития и использования его конкурентных преимуществ путем широкой интеграции с высокотехнологичным гражданским сектором промышленности.

Однако решение данной задачи сдерживается факторами, снижающими эффективность функционирования оборонных предприятий.

В качестве основных эксперты называют следующие причины [3]: рост цен на сырье, комплектующие и энергоносители; моральное и физическое старение основных производственных фондов; низкий уровень управления оборонными отраслями; несвоевременная и производимая не в полном объеме оплата выполненных заказов; низкая загруженность предприятий оборонными заказами, недостаток оборотных средств и, как следствие, значительная кредиторская задолженность предприятий и низкий спрос на продукцию военного назначения со стороны государства; высокая арендная плата за землю, устанавливаемая местными органами власти, которые отказываются брать на свой баланс объекты соцкультбыта, принадлежащие стратегическим предприятиям; неучитываемость налоговым и таможенным законодательством специфики деятельности стратегических предприятий; отсутствие критериев отнесения того или иного предприятия к «стратегическому»; отсутствие четкого понятия «стратегическое предприятие».

В результате негативного влияния рассмотренных факторов поставленная задача превратить ОПК в «локомотив инновационного развития» российской экономики пока решается с трудом. Это косвенно подтверждается динамикой доли гражданской продукции в общем объеме производства ОПК (в 2005 г. она составляла 45,1%, в 2006 г. – 40,9%, в 2007 г. снизилась до 39,1%. В 2009 г. она составила 34,5%, а в 2011 г. – 32,8% [2].

Пути решения проблем, сдерживающих инновационное развитие ОПК, достаточно широко освещены в военно-экономической литературе, однако соответствующие предложения чаще всего подразумевают повышение объемов централизованного финансирования из федерального бюджета работ, выполняемых по государственному оборонному заказу (ГОЗ) и в рамках федеральных целевых программ, направленных на развитие ОПК и его технологическое перевооружение. При этом региональным аспектам инновационного развития ОПК уделяется крайне мало внимания, несмотря на то что, при всей значительности роста объемов ГОЗ, загрузка предприятий оборонными заказами в среднем не превышает 30%.

В то же время анализ темпов роста объемов финансирования гособоронзаказа и объемов производства предприятий ОПК показывает, что повышение объемов финансирования ГОЗ за последние годы не привело к аналогичному увеличению объемов производства предприятий ОПК. Следовательно, объем централизованного финансирования не является основополагающим фактором развития отдельных оборонных предприятий.

Необходимо также учитывать, что средства ГОЗ, как и федеральных целевых программ, направляются на решение конкретных задач, а не на улучшение положения предприятий на тех рынках, прежде всего региональных, которые определяют финансово-экономические условия деятельности конкретных оборонных предприятий [5].

Более того, управленческие решения, считающиеся рациональными с точки зрения развития ОПК как объекта системы обеспечения военно-экономической безопасности государства (например, в части создания интегрированных структур), таковыми зачастую не являются с точки зрения социально-экономического развития регионов, что обуславливает соответствующие противоречия между федеральным центром и региональными органами власти. А это мешает инновационному развитию ОПК в целом.

Другими словами, имеются определенные противоречия в целях развития ОПК как объекта регулирования федерального уровня и отдельных оборонных предприятий, являющихся элементами экономики регионов. Проявляются эти противоречия по различным аспектам, в том числе в процессе создания интегрированных структур в ОПК. Ведь для региона каждый хозяйствующий субъект рассматривается не только как субъект ОПК, но и как источник решения основных социально-экономических проблем. А поскольку создание интегрированных структур приводит, как правило, к перераспределению финансовых потоков между предприятиями этой структуры, то каждый регион заинтересован в том, чтобы головное предприятие создавалось на базе исключительно его предприятий.

Таким образом, без поддержки и эффективного участия органов власти субъектов Российской Федерации в деятельности оборонных предприятий, размещенных на их территории, интенсифицировать развитие ОПК в целом, в том числе с точки зрения повышения его инновационной активности, невозможно.

Эффективными в этом случае могут оказаться методы и механизмы кластерного подхода, позволяющего решать задачи регионального и отраслевого развития, а также способствующего повышению эффективности взаимодействия государства, частного сектора, предприятий, исследовательских и образовательных учреждений в инновационном процессе.

Мировой опыт свидетельствует, что для успешной реализации кластерной политики необходимо: наличие стратегии кластерного развития (страны, ее территорий или отраслей); выделение перспективных направлений (отраслей, территорий), в которых объединение предприятий в кластеры будет способствовать получению синергетического эффекта; определение механизмов поддержки или прямого бюджетного финансирования реализации кластерной политики [2].

Одной из наиболее эффективных форм реализации кластерной политики является создание государственно-частных партнерств, в капитале которых могут участвовать местные власти, коммерческие партнеры и институциональные частные инвесторы, которые заключают договоры о стратегическом взаимодействии. Роль федеральных и региональных властей в этом случае определяется общей, не требующей существенных финансовых вложений поддержкой реализуемых проектов, обеспечением гарантий возврата инвестиций [4].

Важным элементом реализации кластерных механизмов государственно-частного партнерства в стратегии инновационного развития оборонной промышленности России является создание региональных научно-производственных инновационных кластеров в ОПК, осуществляющих полный жизненный цикл инновационной продукции от разработки до послепродажного обслуживания [1].

Основная идея формирования региональных научно-производственных инновационных кластеров состоит в том, чтобы на основе научно обоснованных и технологически реализуемых комплексных решений, а также коммерческих механизмов создать условия для перевооружения высокотехнологичных отраслей промышленности и подготовить комплексные инновационные предложения для выгодных инвестиционных вложений.

Региональный научно-производственный инновационный кластер создается как обособленная организация, основными задачами которой являются:

- коммерциализация технологий, полученных на предприятиях ОПК;
- участие в формировании и реализации социально значимых инфраструктурных и важнейших научно-технологических проектов ОПК государственного и регионального значения;
- планирование научно-технологического развития оборонных отраслей промышленности и конкретных предприятий;
- проведение конкурсов по работам, имеющим отношение к реализации важнейших инновационных проектов ОПК;
- системная интеграция усилий различных организаций ОПК в процессе разработки и реализации инновационных проектов;
- разработка технических заданий на проекты, реализация которых предполагает участие нескольких предприятий, с привлечением специалистов организаций-разработчиков в едином временном творческом коллективе;
- создание и ведение баз данных по перспективным разработкам, запросам потенциальных потребителей разработок;
- привлечение денежных средств от предприятий различных отраслей для финансирования важнейших инновационных проектов ОПК;
- создание системы информационной поддержки процесса инновационного развития и разработок предприятий оборонной промышленности;
- стратегическое управление реализацией конкретных проектов.

При этом к компетенции региональных органов власти следует отнести следующие задачи [5]:

- содействие интеграции научных центров, образовательных учреждений и предприятий высокотехнологичных отраслей промышленности;
- поддержка основного «ядра» регионального инновационного кластера, содействие его переориентации на приоритетное решение социальных проблем;
- активное содействие развитию малого инновационного бизнеса;
- предоставление льготного налогообложения и кредитования, других преференций для организаций и лиц, ведущих научно-техническую деятельность и инвестирующих капитал в развитие наукоемких производств, содействующих структурной перестройке экономики региона, решению социальных проблем;
- развитие инновационной инфраструктуры, создание региональных аналитических центров, центров коллективного пользования и др.;
- создание системы бюджетных и внебюджетных фондов научно-технологического развития региона;
- формирование системы регионального научно-технологического форсайта, моделирования и прогнозирования научно-технического прогресса и территориального социально-экономического развития;
- введение экономических санкций за невыполнение требований технического уровня и качества продукции, условий труда;
- привлечение широкой научно-технической общественности к разработке программ социально-экономического развития региона и их реализации.

На наш взгляд, деятельность региональных научно-производственных инновационных кластеров позволит обеспечить: развитие устойчивых научно-производственных кооперационных связей и сетей в рамках инновационной деятельности; взаимопроникновение знаний; поддержку совместных исследований; интеграцию инновационных предприятий и фирм в цепочки формирования стоимости; развитие кооперационной сети «наука и образование – инновационный бизнес – отрасли ОПК»; распространение знаний из сектора исследований и разработок и их капитализацию; стимулирование развития научно-исследовательских комплексов и наукоемкого аутсорсинга.

Таким образом, создаваемые кластерные структуры будут содействовать инновационному развитию ОПК, которое должно происходить в соответствии с развитием процесса реструктуризации оборонной промышленности, нацеленного на повышение эффективности функционирования.

Кроме того, взяв на вооружение кластерный подход, отечественный оборонно-промышленный комплекс сможет приобрести гибкие производственные возможности, необходимые оборонной промышленности механизмы выведения на рынок технологических нововведений, «диффузию инноваций», а также необходимую для этого региональную инфраструктуру. Применение инструментов и методов кластерного подхода позволит значительно сократить непроизводственные издержки предприятий ОПК, повысит прозрачность информационных, финансовых и материальных потоков, обеспечит наиболее полное использование трудовых и интеллектуальных ресурсов на основе частных инициатив.

Источники

1. Бирюков, А.В. Формирование инновационных кластеров в высокотехнологичных отраслях промышленности (на примере ОПК России): дисс. ... докт. экон. наук: 08.00.05 / А.В. Бирюков. – М., 2009. – С. 247-250.
2. Караваев, И.Е. Особенности формирования и реализации государственной промышленной политики в оборонно-промышленном комплексе на современном этапе [Электронный ресурс] / И.Е. Караваев // Федеральный справочник «Оборонно-промышленный комплекс России». – 2012. – Режим доступа: <http://federalbook.ru/files/OPK/Soderjanie/OPK-8/III/Karavaev.pdf>
3. Лавринов, Г.А. Инновационный потенциал российского оборонно-промышленного комплекса / Г.А. Лавринов, А.А. Косенко, Е.Ю. Хрусталева // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2013. – №22(211). – С. 2-14.
4. Ленчук, Е.Б. Кластерный подход в стратегии инновационного развития России / Е.Б. Ленчук, Г.А. Власкин // Проблемы прогнозирования. – 2010. – №6. – С. 45-57.
5. Якимович, Б.А. Региональные промышленные инновационные комплексы: концептуальные основы методологии и практика формирования в Удмуртской республике / Б.А. Якимович, В.С. Кулябин // Вестник Академии военных наук. – 2012. – №1(38). – С. 150-156.

Л.М. Ужахова,
Тюмень

Состояние и кадровое обеспечение научно-технической и инновационной деятельности в Тюменской области

В Основах политики Российской Федерации в области развития науки и технологий подчеркивается важность взаимосвязи двух базовых направлений государственной политики: формирования национальной инновационной системы и развития кадрового потенциала научно-технического комплекса. Инновационная инфраструктура, малые инновационные предприятия и все участники инновационной деятельности достигнут успеха только при соответствующей квалификации персонала [1]. Поэтому особую важность представляет изучение кадрового обеспечения научной и инновационной деятельности, в частности анализ информации о численности, составе и динамике занятых научными исследованиями и разработками в Тюменской области.

Необходимо отметить, что Тюменская область располагает значительным промышленным потенциалом, влияющим на социально-экономическое состояние региона. На территории Тюменской области сосредоточена большая часть запасов газа и нефти России. Область занимает третье место в стране по лесным ресурсам и первое место по объему производства промышленной продукции. Основной отраслью специализации является топливная промышленность: на ее долю приходится 86,4% объема производства. В регионе добывается большая часть нефти (64%) и газа (91%) страны. Развито также машиностроение: около 1/3 объемов производства аккумуляторов, автомобильных свинцовых батарей приходится на тюменские заводы. В регионе выпускают металлорежущие и деревообрабатывающие станки, геологоразведочное, буровое, медицинское оборудование и нефтеаппаратуру. Получили развитие химическая, нефтехимическая отрасли, электроэнергетика.

Экономический потенциал Тюменской области основывается на богатейших месторождениях нефти и газа и на мощном промышленном комплексе.

Текущее состояние экономики области обуславливает необходимость внедрения инноваций в деятельность предприятий и вывод новой продукции на рынки, а также повышения уровня знаний и квалификации сотрудников компаний в области инновационных компетенций.

Анализируя инновационный потенциал Тюменской области, можно сделать вывод, что область находится на среднем уровне развития научно-исследовательского и инновационного потенциала по сравнению с соседними областями УрФО. Область занимает второе место после Свердловской области по количеству организаций, занимающихся научными исследованиями и разработками, и опережает лишь Курганскую область по основным показателям научной и инновационной деятельности в 2012 г. (табл. 1) [2].

Таблица 1. Основные показатели научно-исследовательской и инновационной деятельности в регионах УрФО в 2012 г.

Показатели	Тюменская область	Свердловская область	Курганская область	Челябинская область
Число организаций, ведущих подготовку аспирантов	23	45	4	16
Число организаций, ведущих подготовку докторантов	5	18	-	10
Число организаций, выполняющих научные исследования и разработки	58	104	14	60
Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками	6914	20521	687	15757
Затраты на научные исследования и разработки, млн. руб.	10215,8	20869,5	531,0	13657,3
Объем научно-технических работ организаций, млн. руб.	20647,4	37700,2	269,3	18900,3
Число созданных организациями передовых производственных технологий	8	74	6	56
Число используемых организациями передовых производственных технологий	7246	10776	966	5808

Инновационная инфраструктура в Тюменской области представлена организациями, осуществляющими инновационную деятельность, включая предоставление услуг по созданию и реализации инновационной продукции. Основными элементами инновационной инфраструктуры являются инновационно-технологические центры, научно-технологические парки, бизнес-инкубаторы, фонды поддержки инновационной деятельности, инжиниринговые фирмы.

Количество инновационно-активных предприятий за последние пять лет увеличилось незначительно и эта тенденция прослеживается во всех регионах области (табл. 2) [2].

Таблица 2. Число организаций, выполняющих научные исследования и разработки, в регионах Тюменской области

Показатель	Субъект	2008	2009	2010	2011	2012	Отклонение
Количество организаций, выполняющих исследования и разработки	ТО	54	50	50	59	58	+4
	ХМАО	10	9	9	13	14	+4
	ЯНАО	3	1	2	5	4	+1
Персонал, выполняющий исследования и разработки, чел.	ТО	6883	6923	7160	6754	6914	+31
	ХМАО	2634	2641	1958	1876	1683	-952
	ЯНАО	85	4	16	46	88	+3

В общей численности организаций 55,2% – занимаются научными исследованиями и разработками в государственном секторе деятельности, 20,7% – в секторах предпринимательства и в высшего профессионального образования. На протяжении последних лет стабильно преобладают научно-исследовательские организации государственной федеральной формы собственности, эта тенденция прослеживается во всех регионах области.

Инновационно-активные предприятия различаются как по организации инновационной деятельности, так и по количеству занятых сотрудников. Крупные предприятия чаще осуществляют весь цикл инноваций. Действуют два основных подразделения: исследовательское и маркетинговое. Специальные исследовательские отделы осуществляют как научно-исследовательские, так и опытно-конструкторские работы. Отделы маркетинга организуют и стимулируют сбыт продукции предприятия.

В качестве примера можно привести ГБУ ТО «Западно-Сибирский инновационный центр» (Тюменский технопарк), основная цель создания которого – активизация развития малого и среднего инновационного предпринимательства в Тюменской области, а также повышение устойчивости региональной экономики и реализация трудового и творческого потенциала населения региона. Отбор проектов осуществляет Экспертный совет, состоящий из представителей органов государственной власти, научного сообщества, вузов и предприятий области. В настоящее время в технопарке получают поддержку 33 малые компании, реализу-

ющие инновационные проекты. Всем резидентам предоставляются консультационные и информационные услуги для эффективного ведения бизнеса. Деятельность Тюменского технопарка нацелена на комплексную поддержку всех стадий инновационного процесса: от формализации идеи до внедрения новой технологии в серийное производство. В частности, технопарк оказывает поддержку резидентам на этапах глубокой научной проработки идеи, разработки прототипа, получения патентов и лицензий, продвижения продукта (технологии) на российских и международных рынках [5].

Для предприятий, ориентирующихся преимущественно на массовый спрос, источниками инноваций становятся результаты исследований рынка в ущерб технологическому совершенствованию продукции.

Численность персонала, занятого исследованиями и разработками в организациях Тюменской области, выросла за последние пять лет всего лишь на 0,45% и составила 6914 чел. в 2012 г. В ЯНАО этот показатель также вырос незначительно – на 3,5%. В ХМАО наблюдается тенденция спада численности персонала: сокращение в период с 2008 по 2012 г. – на 63,8%.

Необходимо внести следующие методологические пояснения. Персонал, занятый научными исследованиями и разработками, – совокупность лиц, чья творческая деятельность, осуществляемая на систематической основе, направлена на увеличение суммы научных знаний и поиск новых областей применения этих знаний, а также занятых оказанием прямых услуг, связанных с выполнением научных исследований и разработок. Учитывается как списочный состав работников организаций (соответствующих подразделений высших учебных заведений, промышленных предприятий и др.), выполняющих научные исследования и разработки.

В составе персонала, занятого научными исследованиями и разработками в соответствии с характером фактически выполняемой работы и уровнем квалификации, выделяются четыре категории работников:

1. Исследователи – работники, профессионально занимающиеся научными исследованиями и разработками и непосредственно осуществляющие создание новых знаний, продуктов, методов и систем, а также управление указанными видами деятельности. Исследователи обычно имеют высшее образование. В эту категорию включается также административно-управленческий персонал, осуществляющий непосредствен-

ное руководство исследовательским процессом (руководители научных организаций и подразделений, выполняющих научные исследования и разработки).

2. Техники – работники, участвующие в научных исследованиях и разработках и выполняющие технические функции, как правило, под руководством исследователей (эксплуатация и обслуживание научных приборов, лабораторного оборудования, вычислительной техники, подготовка материалов, чертежей, проведение экспериментов, опытов и анализов и т.п.). В основном техники имеют среднее специальное (профессиональное) образование и(или) необходимый профессиональный опыт и знания.

3. Вспомогательный персонал – работники, выполняющие вспомогательные функции, связанные с проведением научных исследований и разработок (сотрудники планово-экономических, финансовых подразделений, патентных служб, подразделений научно-технической информации, научно-технических библиотек; рабочие, осуществляющие монтаж, наладку, обслуживание и ремонт научного оборудования и приборов; рабочие опытных (экспериментальных) производств; лаборанты, не имеющие высшего и среднего специального образования).

4. Прочий персонал – работники, осуществляющие хозяйственное обслуживание и иные функции общего характера, связанные с деятельностью организации в целом (работники бухгалтерии, кадровой службы, канцелярии, подразделений материально-технического обеспечения, машинистки и т.п.) [2].

Проанализируем структуры численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками в Тюменской области, в разрезе основных категорий. Исследователи, то есть работники, профессионально занимающиеся исследованиями и разработками, имеющие высшее профессиональное образование, составляют 70% в общей численности, что, несомненно, является положительным фактором для инновационного развития области (табл. 3). Данная тенденция наблюдается по всем регионам области. Следует отметить, что значение этого показателя превышает аналогичные показатели в соседних областях УРФО: в Челябинской области он составляет 44%, в Свердловской – 47%, в Курганской области – 60%.

Таблица 3. Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, по основным категориям в организациях Тюменской области

Показатели	2008		2009		2010		2011		2012	
	чел.	в % к итогу	чел.	в % к итогу	чел.	в % к итогу	чел.	в % к итогу	чел.	в % к итогу
Общая численность персонала, занятого исследованиями и разработками, чел.	6883	100	6923	100	7160	100	6750	100	6914	100
В том числе: доктор наук	152	2,2	125	2,9	172	3,8	197	2,9	184	2,6
кандидаты наук	550	7,9	484	6,9	577	8,0	722	10,6	733	10,6
В том числе: исследователи	4472	65,0	4258	61,5	4494	62,8	4717	69,9	4864	70,4
техники	692	10,0	907	13,1	741	10,3	694	10,3	711	10,3
вспомогательный персонал	886	12,9	850	12,3	836	10,0	678	10,0	594	8,6
прочий персонал	833	12,1	908	13,1	1089	9,8	661	9,8	745	10,8

В общей численности персонала, занимающегося научными исследованиями и разработками, число докторов наук и кандидатов наук возрастает – за последние годы на 21 и 33% соответственно. Удельный вес докторов наук в общей численности персонала стабильно находится в интервале от 2 до 4%, кандидатов наук – от 7 до 10%.

Если сравнивать этот показатель аналогичными показателями соседних регионов, то мы увидим, что удельный вес исследователей с ученой степенью в Тюменской области (13,2%) превышает показатель Свердловской (12,5%) и Челябинской (5,35%) областей, но значительно отстает от показателя Курганской (22,8%).

На начало 2013 г. на территории Тюменской области функционирует 94 748 предприятий, инновационную деятельность осуществляют 58 организаций, то есть всего лишь 0,06% от их числа. Даже крупные и средние предприятия зачастую не ведут инновационную деятельность. Однако и на инновационно-активных предприятиях уровень инновационной деятельности незначителен и она не оказывает существенного влияния на результаты их работы. Это позволяет утверждать, что управление инновационной деятельностью в регионе не соответствует его потребностям.

При исследовании кадрового обеспечения научной и инновационной деятельности в Тюменской области следует обратить внимание на то, что доля убыточных предприятий в общей численности инновационных

предприятий стабильно растет (за период с 2008 по 2011 г. – на 72%) и только в 2012 году этот показатель снизился до 20%.

Эти данные подтверждаются данными по области об удельном весе отгруженных инновационных товаров, работ и услуг в общем объеме отгруженных товаров, составившем в 2011 г. всего 1,8%.

Средний уровень инновационной активности организаций Тюменской области несколько отстает от уровня всего УрФО и составляет 9,8%. Для сравнения: уровень инновационной активности предприятий в Свердловской области в 2011 г. составил 13,6%, в Курганской области – 13,1%.

В результате выполненных ведущими специалистами исследований инновационной деятельности в регионах были сформулированы проблемы в деятельности инновационно-активных предприятий, среди основных названы следующие [1].

Эксперты отмечают, что инновационно-активные предприятия не могут заниматься долгосрочными исследовательскими проектами из-за нехватки собственных свободных средств для финансирования таких исследований. Банки и другие инвестиционные структуры не готовы давать кредиты на длительный срок. Возможно, это обстоятельство является одной из причин отсутствия у крупного бизнеса спроса на инновации, наряду с ориентацией некоторых предприятий на активный сбыт без стремления к технологическому совершенствованию продукции.

Но основной проблемой, препятствующей деятельности инновационно-активных предприятий, является недостаточно высокая квалификация персонала. Инновационные предприятия испытывают потребность в квалифицированных инженерах и разработчиках, а также недостаточной является квалификация их управленческих кадров. Вместе с тем существует потребность в специалистах по управлению качеством, по сертификации и стандартизации продукции. Эксперты прогнозируют рост спроса на специалистов по управлению инновационной деятельностью, связанный с осознанием руководителями необходимости инноваций для повышения конкурентоспособности своих предприятий.

Источники

1. Зинов В.Г. Менеджмент инноваций: Кадровое обеспечение. – М.: Дело, 2005. – 496 с.
2. Наука в Тюменской области (2008–2012): Стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. – Т., 2013. – 177с.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: Стат. сб. / Росстат. – М., 2012. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/IssWWW.exe/Stg/d03/24-06-2.htm
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: Стат. сб. / Росстат. М., 2012. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/IssWWW.exe/Stg/d03/24-01.htm
5. Официальный портал органов государственной власти Тюменской области. – URL:http://www.admtumen.ru/ogv_ru/finance/innovation/nov_infrastructure2.htm
6. Информационный портал БизнесСайт. / – URL: <http://sitebs.ru/blogs/724.html>

Д.М. Шабунин,
Тольятти

Процессы инновации и модернизации Самарской области: этапы и стадии

Самарская область, обладающая научно-производственным потенциалом, позволяющим разрабатывать новые технологии и конкурентоспособные продукты, является одним из регионов, лидирующих по инновационному развитию среди субъектов Российской Федерации и Приволжского федерального округа.

Интегральная характеристика инновационной деятельности России, регионов и Самарской области определяется индексом инновативности, по которому Самарская область в 2006 г. занимала достаточно высокое место в Российской Федерации и первое место среди субъектов Приволжского федерального округа.

По составляющим показателям индекса инновативности область существенно опережала соседние регионы по доле персонала, занятого в науке и научном обеспечении, числу студентов государственных вузов (кроме Республики Татарстан), количеству зарегистрированных патентов на 1000 занятых в экономике и затратам на технические инновации в экономике, однако значительно отставала по степени интернетизации.

Позиции Самарской области в сфере инноваций в предкризисные годы (2008 г.) были сильнее позиций сопредельных регионов и лучше, чем по Российской Федерации в целом. Это объясняется как высоким инновационным потенциалом региона в начале эпохи рыночных преобразований, так и политикой региональной власти в 1990-е гг. Научно-технический потенциал Самарской области остается и в настоящее время одним из высоких в России и в Приволжском федеральном округе.

В регионе продолжают оставаться одними из самых высоких показатели научно-технического потенциала: количество персонала, выполняющего исследования и разработки; внутренние затраты на исследования и разработки; внутренние затраты на исследования и разработки в расчете на одного исследователя; внутренние затраты на исследования и разработки в расчете на одну организацию.

Несмотря на достаточно высокие индексы инновативности и научно-технический потенциал, в Самарской области существуют серьезные проблемы с созданием передовых технологий, число которых составляет ничтожную долю от числа применяемых передовых технологий. Более того, количество передовых технологий, создаваемых в регионе уменьшается, даже несмотря на то что в регионе сильны позиции иностранного капитала, который приводит новые технологии и продукты.

Если в 2000 г. в Самарской области было создано 67 передовых производственных технологий, то в 2010 г. – только 19. В то же время растет количество передовых технологий, используемых предприятиями области, особенно в таких видах технологий, как производство, обработка, сборка, связь и управление, что свидетельствует об экономической открытости региона и его увеличивающейся зависимости от мировых технологий вторичного качества и использования.

Основные показатели инновационной активности в Самарской области продолжают снижаться. Уменьшилась численность организаций, которые выполняют научные исследования и разработки, соответственно снизилась и численность персонала, выполняющего исследования. Продолжают уменьшаться доля инновационно-активных организаций и доля инновационной продукции.

Удельный вес инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции Самарской области с 2005 по 2010 г. снизился в 1,8 раза – с 26,5 до 14,7% (в Российской Федерации остался на неизменном, хотя и гораздо более низком уровне, – порядка 5%).

Удельный вес предприятий, занимающихся инновационной деятельностью, с 2007 по 2010 г. уменьшился в области в 1,47 раза – с 17,8 до 12,1%. Численность персонала, занятого исследованиями и разработками на 10 тысяч человек населения, занятого в экономике Самарской области, за 2005–2010 гг. уменьшилась на 17,4%. Количество созданных передовых производственных технологий в расчете на 1000 человек исследователей за тот же период – на 35,3% [1].

Количество патентных заявок и охранных документов в 2010 г. по сравнению с 2000 г. несколько увеличилось и остается на уровне 1719. Статистические данные показывают, что по числу поданных патентных заявок и полученных патентов на изобретения Самарская область удерживает 2–3-е место в ПФО, уступая республикам Татарстан и Башкортостан. По числу поданных патентных заявок и полученных патентов на полезные модели Самарская область удерживает 1-е место в ПФО.

Рост инновационной активности в регионе в 2006–2010 гг. наблюдался у предприятий по производству машин и оборудования, в целлюлозно-бумажной, издательской и полиграфической промышленности. Наоборот, спад инновационной активности в технологической сфере демонстрируют предприятия по производству и распределению электроэнергии, газа и воды, металлургическое производство и производство готовых металлических изделий, пищевая промышленность.

За 2006–2010 гг. произошло увеличение удельного веса инноваций, связанных с внедрением новых или существенно измененных товаров, работ и услуг, удельный вес которых в общей стоимости инновационных товаров, работ и услуг вырос с 19,2 до 75,6%.

Статистические данные свидетельствуют о высокой степени износа основных фондов, особенно в обрабатывающих производствах. Несколько лучше ситуация в добывающих производствах и производстве и распределении электроэнергии, газа и воды. Снижение степени износа за период 2005–2010 гг. незначительно, что говорит о недостаточном объеме инвестиций в основные фонды.

Вместе с тем объем инвестиций в основной капитал в сопоставимых ценах за 2000–2010 гг. вырос в 2,52 раза, а за период 2005–2010 гг. – в 1,36 раза.

Самарская область по большинству показателей инновационной деятельности обгоняет соседние регионы, уступая лишь по одному показателю Республике Татарстан. Однако темпы роста инновационной активности в Самарской области явно не достаточны, а имеющиеся в этой сфере проблемы имеют системный характер и показывают неудовлетворительное состояние научно-технического потенциала в регионе.

Инновационная активность региона оказывает существенное влияние на процессы модернизации, которые являются самой сутью современной цивилизации, способом жизнедеятельности различных регионов и их конкурентоспособности. В этой связи важно знать на каком этапе модернизации находятся Россия и ее регионы и каковы объективные перспективы развития страны и ее регионов.

Модернизационные процессы в Приволжском федеральном округе и Самарской области изучались на основе методики, разработанной Центром исследования модернизации и Группой по изучению модернизации Китая Китайской академии наук под руководством Хэ Чуаньци [2].

Данная методика, на основании официальных статистических показателей, позволяет дать оценку состояния и перспектив развития Самарской области в сравнении с другими субъектами Приволжского федерального округа.

В этой методике выделяются две стадии модернизации: первичная и вторичная. Первичная модернизация связана с процессами индустриализации, вторичная – с процессами информатизации. Каждая стадия включает четыре фазы эволюции: начало, развитие, расцвет, переход к следующей стадии. Хэ Чуаньци выделяет и третью стадию модернизации – интегрированную модернизацию, которая понимается как координированное развитие первичной и вторичной модернизации.

Для измерения первичной модернизации Китайская академия наук предложила такие индексы модернизации, как:

1. Экономические: валовой региональный продукт на душу населения; доля лиц, занятых в сельском хозяйстве; доля добавленной стоимости в сельском хозяйстве по отношению к ВВП; доля добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВВП.

2. Социальные: доля городского населения; число врачей на 1000 человек; уровень младенческой смертности; ожидаемая продолжительность жизни.

3. Знания: уровень грамотности среди взрослых; доля студентов, получающих высшее образование, среди населения в возрасте от 18 до 22-х лет.

Для измерения вторичной модернизации были использованы следующие индексы:

1. Индекс инноваций в знаниях: доля затрат на НИОКР в ВРП; число ученых и инженеров, полностью занятых в НИОКР на 10 000 человек; число жителей страны, подавших патентные заявки на 1 млн. человек.

2. Индекс трансляции знаний: доля обучающихся в средних учебных заведениях среди населения 12–17 лет; доля студентов среди населения в студенческом возрасте (18–22 года); число телевизоров на 100 домохозяйств; число персональных компьютеров на 100 домохозяйств.

3. Индекс качества жизни: доля городского населения во всем населении; число врачей на 1000 человек; младенческая смертность (в возрасте до 1 года) на 1000 родившихся; средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении; потребление энергии на душу: эквивалент в кг нефти на душу.

4. Индекс качества экономики: ВВП на душу населения; ВВП на душу населения по паритетной покупательной способности; доля добавленной стоимости материальной сферы (сельское хозяйство и промышленность) в ВВП; доля лиц, занятых в материальной сфере в общей занятости.

Хэ Чуаньци, директор Центра исследования модернизации Китайской академии наук, предлагает третью стадию модернизации для обществ, которые находятся в стадии догоняющегося развития. Эту стадию он называет интегрированной модернизацией. Она представляет собой координированное развитие первых двух стадий и оценивается такими индексами, как:

1. Экономический: ВВП на душу населения; ВВП на душу населения по ППС; доля добавленной стоимости сферы услуг в ВВП; доля занятых в сфере услуг.

2. Социальный: доля городского населения во всем населении; число врачей на 1000 человек; ожидаемая продолжительность жизни; экологическая эффективность.

3. Индекс знаний: доля затрат на исследования и разработки в ВВП; число жителей, подавших заявки на получение патентов; доля студентов вузов среди населения студенческого возраста (18–22 года); число ПК на 100 домохозяйств.

Показатели первичной модернизации Самарской области очень близки в целом для всей России и позволяют отнести Россию и Самарскую область к среднеразвитым регионам и странам. По степени завершенности первичной модернизации Самарская область близка к таким среднеразвитым странам, как Чили, Саудовская Аравия, Аргентина, Уругвай, и предварительно развитым странам: Венесуэла, Коста-Рика, Панама и Турция.

Из данного перечисления стран видно, что Самарская область, как в целом и Россия, по индексу первичной модернизации отстает от всех развитых европейских стран, занимая во всемирном рейтинге по данному показателю 41 место.

По индексам первичной модернизации Самарская область в Приволжском федеральном округе (99,4 из 100%) находится на 2 месте после Республики Татарстан (99,6 из 100%).

Валовой региональный продукт на душу населения в Самарской области должен составлять 7443 американских доллара, а в реальности

составляет 7223. В данном случае, по важнейшему экономическому показателю Самарская область недотягивает даже до эталона первичной модернизации.

Аналогичная ситуация и по другому показателю: ожидаемая продолжительность жизни в Самарской области составляет 68 лет при стандарте 70 лет для индустриального общества.

Первичная модернизация Самарской области в целом завершена. Однако она сформировалась с существенными диспропорциями и перекосами по важнейшим показателям первичной модернизации – валовому региональному продукту на душу населения и ожидаемой продолжительности жизни.

Наиболее тонкими индикаторами первичной стадии модернизации являются четыре фазовых индикатора: отношение добавленной стоимости в сельском хозяйстве к ВВП, отношение добавленной стоимости в сельском хозяйстве к добавленной стоимости в промышленности, отношение занятости в сельском хозяйстве к общей занятости, отношение занятости в сельском хозяйстве к занятости в промышленности. Каждый из них имеет следующие стадии: традиционная, начальная, развитие, расцвет и перехода к вторичной модернизации.

По таким индикаторам, как отношение добавленной стоимости в сельском хозяйстве к добавленной стоимости в промышленности и отношение занятости в сельском хозяйстве к общей занятости, Самарская область находится в фазе перехода к вторичной модернизации. По индикаторам: отношение добавленной стоимости в сельском хозяйстве к ВВП и отношение занятости в сельском хозяйстве к занятости в промышленности – в фазе расцвета.

Место России и Самарской области в мире по индексу вторичной модернизации примерно 31-е, рядом с Литвой, Латвией, Словенией, Саудовской Аравией и Венгрией. По индексу вторичной модернизации Самарская область (индекс – 71%) занимает среди всех регионов ПФО 2 место после Нижегородской области (индекс – 76).

Из четырех индикаторов вторичной модернизации Самарская область достигла достаточно высокого уровня по двум: качество жизни (99%) и трансляция знаний (85%). В них 4 из 8 индикаторов имеют значения 100% и более: доля студентов среди населения в студенческом возрасте (18–22 года); доля городского населения во всем населении; число врачей на 1000 человек; младенческая смертность (в возрасте до 1 года) на 1000 родившихся.

Однако показатель «качество жизни» снижает показатель средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении (индекс – 85), а «трансляция знаний» – низкую распространенность персональных компьютеров (индекс – 50).

Еще хуже ситуация с показателями вторичной модернизации в области инноваций в знаниях (55%) и в области качества экономики (46%). Первая из них уступает по всем показателям, а вторая характеризуется критически низким уровнем валового регионального продукта на душу населения (18 против стандартов вторичной модернизации 100).

Фазовыми значениями вторичной модернизации являются следующие индикаторы: доля добавленной стоимости в материальной сфере (сельское хозяйство и промышленность) в ВВП, доля занятости в материальной сфере (сельское хозяйство и промышленность) в общей занятости, число персональных компьютеров на 100 домохозяйств, доля инновационных товаров, работ, услуг от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ. Каждый из них имеет следующие стадии: подготовительная, начальная, развитие, расцвет.

По индикатору «доля добавленной стоимости в материальной сфере (сельское хозяйство и промышленность) в ВВП» Самарская область находится в подготовительной фазе. По доле занятости в материальной сфере (сельское хозяйство и промышленность) в общей занятости и числу персональных компьютеров на 100 домохозяйств – в начальной фазе. По доле инновационных товаров, работ, услуг от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ – в фазе расцвета.

Вторичная модернизация в Самарской области находится в самом начале своего развития – подготовительной фазе.

Место России и Самарской области по интегрированному индексу примерно 37-е, рядом с такими странами, как Беларусь, Польша, Аргентина, которые относятся к среднеразвитым.

В Самарской области наблюдается незначительная позитивная динамика интегрированного индекса модернизации в период с 2005 по 2010 г.: его значения выросли с 62 до 66 (т.е. в среднем на 0,7% в год). Из трех групп параметров интегрированного индекса менее благоприятны ситуации в сфере экономики (индекс – 52) и в сфере знаний (индекс – 67).

Что касается сферы знаний, то, с одной стороны, на 100% достигнут показатель доли студентов вузов среди населения студенческого возраста (18–22 года), а с другой стороны, крайне невелико число жителей, подающих заявки на патенты (на 1 млн. человек) – 38.

Таким образом, для Самарской области основными проблемами модернизации являются низкий валовой региональный продукт и низкий уровень научных исследований и инноваций.

В современных условиях крайне важным становится интеллектуальное, научное и исследовательское развитие, сохранение и укрепление элементов инновационной инфраструктуры.

В основу стратегии развития Самарской области должен быть положен принцип наращивания и концентрации научного знания, а затем и производственного потенциала в наиболее перспективных направлениях, формирующих центры социально-экономической эффективности.

Источники

1. Состояние и динамика показателей инновационной сферы Самарской области. // <http://www.economy.samregion.ru>
2. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Пер. с англ. под общ. ред. Н.И. Лапина; предисл.: Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. М.: Издательство «Весь Мир», 2011.

В.С. Юрина,
Тольятти

Инновационное развитие Самарской области*

Инновационный путь развития региона включает в себя развитие услуг и сферы малого бизнеса, совершенствование системы образования, повышение уровня жизни населения, создание действенной системы управления, поддержку социокультурных связей, информационно-коммуникационной среды. В рамках экспертного симпозиума был презентован проект «Стратегия социально-экономического развития Самарской области на период до 2030 года», разработанный НИУ «Высшая школа экономики».

Стратегия представлена в виде двух сценариев социально-экономического развития региона: инерционный и инновационный.

1. Инерционный путь – основан на умеренном прогнозе развития российской экономики и инерционного развития экономики Самарской области. Отражает сохранение тенденций, сложившихся в развитии экономики области за предшествующие годы. По этому сценарию, ВРП Самарской области в 2020 году составит 6,96 млрд. рублей, по инновационному сценарию – 12,08 млрд. рублей.

2. Инновационный путь – базируется на ускоренном росте российской экономики, более высоких показателях спроса на продукцию организаций основных отраслей Самарской области, при условии успешной адаптации бизнеса к конкуренции. Ориентация на экономический рост за счет реализации средств по его повышению.

Одним из приоритетных направлений устойчивого развития Самарской области как современного развивающегося центра является инновационно-внедренческая деятельность. В перспективе Самарская область может войти в пятёрку российских регионов с нестоличным статусом и наибольшим уровнем ВРП на душу населения. Самарская область – уникальный регион России, который имеет почти все условия для того, чтобы стать первым субъектом Федерации, создающим оригинальную

* Автор благодарит Российский гуманитарный научный фонд «Волжские земли в истории и культуре России» (грант №12-12-63005).

региональную политику и систему как инструмент движения к постиндустриальному обществу, однако эти условия нуждаются в поддержке регионального правительства.

Основное направления стратегии, реализуемой Правительством Самарской области в промышленной сфере, – развитие максимально эффективных кластеров на базе основных и новых отраслей специализации, формирование инновационного профиля экономики области.

Максимально перспективные кластеры Самарской области – химический, автомобилестроительный и инновационно-внедренческий. Именно они являются центром высокотехнологичного развития региона.

Самарская область – ведущий регион аграрной отрасли. Уникальностью самарского агропромышленного комплекса является развитая пищевая и перерабатывающая промышленность как залог комплексной переработки сельскохозяйственного сырья, а также производства конкурентоспособной продукции. Как основа мощного потенциала области выступает плодородная почва. Она же определяет характер освоения территории [1].

Инвестиционная деятельность региона будет осуществляться главным образом внутренними ресурсами организации.

Инновационный вариант предполагает большие объёмы вложений капитала и темпы роста выше по сравнению со вторым вариантом.

Инновационный вариант направлен на реализацию инвестиционных проектов макроуровня, национальных проектов стратегического значения в сфере здравоохранения, жилищного строительства, сельского хозяйства и образования и предусматривает большую долю государственного бюджета в их финансировании. Партнёрство частного и государственного капиталов будет способствовать привлечению инвестиций из сторонних источников. Из чего следует, что будет совершенствоваться модель финансирования и произойдет увеличение валютных ресурсов.

Вместе с уже действующими кластерами в планах активизация на территории области новых кластеров, среди них:

1. Транспортно-логистический. Решение задачи по включению Самарской области в евроазиатскую систему транспортных связей. Транспортный узел Самарской области в состоянии быть одним из основных центров объединения экспортно-импортных и транзитных грузоперевозок, а также переработки грузов. Главной целью кластера является обеспечение взаимодействия всех участников бизнеса для предоставления услуг потребителям и целостного развития инфраструктуры .

2. Туристско-рекреационный. Правильное осуществление политики при формировании этого кластера является приоритетным направлением региональной экономики за счёт увеличения числа рабочих мест, притока инвестиций, повышения уровня здравоохранения, сбережения и рационального использования культурно-исторических и природных ресурсов.

3. Кластер информационных технологий. В его состав входят организации промышленной и образовательной отраслей, а также операторы сотовой связи. Учреждения готовят квалифицированных работников, которые являются важным звеном в цепи развития экономики Самарской области. Задачами этого кластера является создание информационных сетей и цифровых линий связи, корпоративных сетей, которые полностью управлялись бы пользователями.

4. Инновационно-внедренческий кластер. Высокая степень внедренности широкомасштабных инновационных компаний как основа для его развития и перспектив. Для поддержки предпринимательства в инфраструктурной сфере были созданы такие элементы, как Средневожжский региональный инновационный научный центр, Самарский научно-инновационный центр «Перспектива» и несколько бизнес-центров, государственный венчурный фонд поддержки малого предпринимательства в научно-технической сфере.

Научно-инновационный потенциал области широкомасштабен и охватывает почти все компоненты инновационной системы – академическую и вузовскую науку, внедренческие организации, научные подразделения промышленных предприятий. Каждая шестая из передовых производственных технологий ПФО и около 3,5% всех передовых технологий в Российской Федерации создаются в Самарской области. В 2009 году благодаря инновационным разработкам в сфере образования и научных исследований вузу области – Самарскому государственному аэрокосмическому университету – присвоен высокий статус национального исследовательского университета [2]. Удельный вес инновационно активных предприятий Самарской области на протяжении ряда лет находится на уровне 15–19% и стабильно превышает среднероссийский показатель. Сейчас инновационная деятельность Самарской области реализуется более чем в 60 организациях, занимающихся научной и исследовательской деятельностью. В области работают 72 вуза и 37 их филиалов с численностью студентов около 182 тыс. человек, свыше 800 учреждений

общего образования, в которых обучается более 360 тыс. учащихся. Высокий образовательный потенциал населения Самарской области является важнейшим фактором, определяющим конкурентоспособность региона. По индексу развития интеллектуального потенциала, разработанному Программой развития Организации Объединенных Наций в Российской Федерации (ПРООН), область занимает 9-е место в Российской Федерации и 3-е место в Приволжском федеральном округе [3].

Источники

1. Приложение к постановлению Правительства Самарской области от 9.10.2006 №129 «Стратегия социально-экономического развития Самарской области на период до 2020 года».
2. Доклад губернатора Самарской области В.В. Артякова об инвестиционном потенциале Самарской области на заседании Экспертного Совета по региональной инвестиционной политике при Министерстве регионального развития РФ 27 февраля 2010 года.
3. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

КРУГЛЫЙ СТОЛ №4

**Модернизация и региональная
конкурентоспособность**

Д.В. Абдурешитова,
Симферополь

Анализ потенциала развития альтернативной энергетики в России и Украине

В настоящее время из-за обострившихся экологических проблем и осознанной необходимости энергосбережения во многих странах все больше внимания уделяется использованию возобновляемой энергии, основными направлениями которой являются энергии ветра и солнца.

В соответствии с оценками Римского клуба, опубликованными в книгах «Пределы роста» в 1972 г., «За веком расточительства» в 1977 г. и «2052: Глобальный прогноз на ближайшие сорок лет» в 2012 г., при прогнозируемых темпах развития промышленности и роста народонаселения серьезнейшие проблемы, способные поставить под угрозу существование человечества, могут возникнуть уже в середине нынешнего века. В 2012 году Римский клуб ставит следующие вопросы на рассмотрение: «Станет ли открытие гидрата метана решением энергетических проблем будущего или только добавит проблем к экологии? Какую роль нефтеносные пески будут играть в структуре энергетики будущего? Насколько быстро возобновляемые источники энергии станут по-настоящему конкурентоспособными?»

В мире альтернативная энергетика (АЭ) развивается ускоренными темпами после нефтяного кризиса 1973 года, когда человечество осознало как недопустимо высокую степень своей зависимости от невозобновляемых источников и цен на них. Разработки в направлении использования альтернативных источников велись и ранее. По современным прогнозам, опубликованным в обзоре ООН, доступные запасы нефти могут быть исчерпаны в течение 41, газа – 64 и угля – 251 года (начиная с 2001 г.). При всей своей условности и относительности такие прогнозы свидетельствуют о том, что человечество обязано активно искать возможные источники замены традиционных энергоносителей уже сегодня. Необходимость поиска альтернативных источников энергии в значительной степени обуславливается также другими глобальными экологическими проблемами, прежде всего ростом концентрации в атмосфере парниковых газов.

Украина, благодаря выгодному расположению, обладает значительным потенциалом для развития альтернативных источников энергии. По итогам 2011 года на территории страны было введено в эксплуатацию оборудование общей мощностью 185,5 МВт, в то время как в 2010 году установленная мощность фотоэлектрических модулей составляла всего 2,5 МВт. Главным образом такой мощный скачок стал следствием утверждения высокой ставки «зеленого» тарифа – 46 евроцентов за 1 кВт·ч электроэнергии. Так, за 1 кВт·ч производимой электроэнергии АЭС получают 21 коп, тогда как гелиосистемы – 505,09 коп. (то есть в 24 раза больше). За 1 кВт·ч, произведенный «ветряными генераторами», государство платит 122,77 коп. Лидером по использованию возобновляемых источников энергии в Украине является Крым благодаря интенсивному развитию на полуострове солнечной энергетики. В первом полугодии 2012 года почти треть произведенной здесь электроэнергии пришлось на энергию солнца и ветра. Построенные главным образом в конце 2011 и начале 2012 года фотоэлектрические станции в январе–июне 2012 года увеличили выработку электроэнергии в 32 раза по сравнению с аналогичным периодом 2011 года – до 144,1 млн. кВт·ч.

Россия обладает существенными запасами возобновляемых источников энергии, и прежде всего воды, ветра и биомассы (в основном это отходы сельхозпроизводства и лесопромышленного комплекса). На территории РФ альтернативные источники могут применяться в разных областях. Во-первых, ВИЭ позволяют обеспечить энергией северные районы, а также другие труднодоступные и удаленные уголки страны, не подключенные к централизованным энергосистемам. Завоз топлива в такие районы очень дорог и проблематичен, в связи с чем стоимость электроэнергии, выработанной на основе привозного топлива, становится неприемлемо высокой. С 1994 по 2009 год нефть и газ были дотированы из бюджета на 447 млрд. долл., а «зеленые» за тот же период – на 6 млрд. долл. Более того, в начале века, когда топливная индустрия только поднималась, нефть и газ получали до 0,5% федерального бюджета на свое развитие, тогда как солнце, ветер и приливы получают сегодня не более 0,1%.

В ноябре 2009 года российское правительство утвердило «Энергетическую стратегию до 2030 года». В документе говорится, что уже к 2020 году доля возобновляемых источников энергии в энергетике РФ должна возрасти до 4,5%. А в марте 2010 года постановлением Кабинета Министров Украины №243 была утверждена Государственная целевая эконо-

мическая программа энергоэффективности на 2010–2015 годы. В соответствии с целевой программой энергоэффективности на 2010–2015 гг. Украина должна ежегодно на 2–3% сокращать потребление энергии из традиционных, замещая ее энергией из альтернативных источников.

По климатическим условиям Украину можно отнести к регионам со средней интенсивностью солнечной радиации. Количество солнечной энергии, поступающей на единицу площади в течение года, составляет 1000–1350 кВт·ч/м². Средняя интенсивность солнечного излучения составляет около 1200 кВт·ч/м². Автономная Республика Крым, в свою очередь, относится к наиболее солнечной части страны. Суммарная солнечная радиация в Украине увеличивается с севера (4190 МДж/м²) на юг (5200 МДж/м²). В России солнечные электростанции целесообразно строить в Приморье, на юге Сибири, на Кубани, в Якутии и Восточной Сибири.

Наиболее выгодными участками для расположения ветрогенераторов – сооружений для преобразования энергии ветра – являются береговые линии (не менее 10–12 км от берега), где наблюдается сильный перепад температур и воздушного давления и, таким образом, более сильный и устойчивый ветер (не менее 5 м/с). На территории России такими характеристиками обладают прибрежные районы Крайнего Севера и побережья северных и восточных морей на всём протяжении от Мурманска до Приморья. В сфере ветроэнергетики на Северо-Западе России работают ВЭС в посёлке Куликово Калининградской области (мощность 5,1 МВт), ВЭС ООО «Красное» в Ленинградской области (75 кВт), ВЭС ЗАО «Ветро-энерго» в Мурманской области (200 кВт) и ВЭС в Коми «Воркутинских электросетей» (1,2 МВт). В центре и на юге страны – Морпосадская ВЭС в Чувашии (200 кВт), ВЭС Тюпкельды в Башкирии (2,2 МВт), Калмыцкая ВЭС (1 МВт), Маркинская ВЭС в Ростовской области (300 кВт). На северо-востоке России – Чукотская ВЭС (2,5 МВт) и ВЭС «Южных сетей» в селе Никольское на Камчатке (500 кВт). На территории Украины основным районом для использования ВЭС является территория Автономной Республики Крым. Ветровой энергетический потенциал Крымского полуострова составляет 3700 МВт. Это самый высокий показатель в Украине. В настоящее время в Автономной Республике Крым работает несколько ветроэлектростанций, самыми известными из которых являются Охотниковская, Донузлавская, Тарханкутская, Восточно-Крымская, Черноморская.

К возобновляемым источникам энергии относится также приливная энергетика. Приливные электростанции (ПЭС) располагают на побережьях с максимальными перепадами уровней воды во время прилива и отлива. Самые большие приливы на территории России наблюдаются в Охотском море: в Пенжинской губе – до 17 метров, в Гижигинской губе – до 13 метров. В Мезенской губе Белого моря – до 10 метров. Приливы в Чёрном и Азовском морях измеряются лишь сантиметрами, поэтому строительство ПЭС в Украине нецелесообразно.

Практические возможности альтернативной энергетики в России будут демонстрироваться в первую очередь в проектах в Сколково и Сочи. Сколково предполагается полностью перевести на энергообеспечение от альтернативных источников. К зимней Олимпиаде–2014 в Сочи должна быть запущена энергоустановка на возобновляемых источниках мощностью 1 ГВт. Солнечные батареи в Сочи, по планам организаторов, будут питать минимум четыре объекта: Большую ледовую арену, гостиницу МОК, один из корпусов РМОУ и Горную олимпийскую деревню.

Таким образом, можно сделать выводы, что обе страны обладают значительным потенциалом в сфере альтернативной энергетики. В обеих странах утверждены государственные энергетические стратегии, направленные на сокращение потребления энергии из традиционных источников энергии (АЭС, ТЭС и т.д.), замещаемой энергией из альтернативных источников, что положительно скажется на состоянии окружающей среды. Россия, в отличие от Украины, может развивать такой вид ВИЭ, как приливные электростанции.

Источники

1. Государственная целевая экономическая программа энергоэффективности на 2010–2015 годы: постановление Кабинета Министров Украины от 1 марта 2010 №243.
2. Медоуз, Д.Х. За пределами роста / Д.Х. Медоуз, Д.Л. Медоуз, Й. Рандерс. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Пантея», 1994. – 304 с.
3. Римский клуб: официальный сайт (The Club of Rome) [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые данные (183196 bytes). – Режим доступа: <http://www.clubofrome.org>: 03.06.2013. 14:57.
4. Российское энергетическое агентство [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые данные (153092 bytes). – Режим доступа: <http://rosenergo.gov.ru>: 02.06.2013. 11:25.
5. Энергосбережение и возобновляемые источники энергии: учебно-методическое пособие / О.И. Родькин [и др.]; под общ. ред. С.П. Кундаса. – Минск: МГЭУ им. А.Д. Сахарова, 2011. – 160 с.

Р.М. Ахмедзянова,
Тюмень

Потребительские предпочтения в современном ритейле: региональный аспект*

Рынок розничной торговли является одной из наиболее интенсивно развивающихся сфер экономики как в России, так и за рубежом. Растущая конкуренция на рынке розничной торговли приводит к необходимости более глубокого анализа среды, в которой работают ведущие участники рыночных взаимодействий, при изучении которых нельзя игнорировать потребителей, поскольку деятельность розничных торговых сетей и компаний-поставщиков так или иначе связана с ними. И во многом именно потребительское поведение оказывает решающее воздействие на деятельность ведущих участников рынка. Для этого в работе использованы результаты полевого опроса в рамках исследований социокультурного портрета Тюменской области в 2013 году.

В частности, респондентам были заданы вопросы относительно того, насколько они удовлетворены качеством работы розничных торговых сетей и местных товаропроизводителей и какие торговые форматы пользуются большей популярностью в секторе продуктов питания и бытовой техники и электроники. Было сформулировано несколько гипотез.

В ходе исследования мы предположили, что на уровень удовлетворенности потребителя качеством розничной торговли оказывает влияние место обычного совершения покупок, а именно торговый формат. Было допущено также, что частота покупок товаров местного производства прямо пропорциональна уровню удовлетворенности потребителя качеством розничной торговли в регионе.

Согласно опросу потребители в целом удовлетворены качеством розничной торговли: положительно ответили 69% респондентов (рис. 1). Оценки товаров местного производства распределились следующим образом: 38% респондентов достаточно часто приобретают товары местных производителей, но в некоторых случаях отдают предпочтение импортным товарам; 27% опрошенных потребителей стараются поку-

* Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РГНФ, проект №12-03-00304.

пять продукты питания исключительно местного производства; 21% опрошенных считают товары местных производителей или некачественными, или очень дорогими (рис. 2).

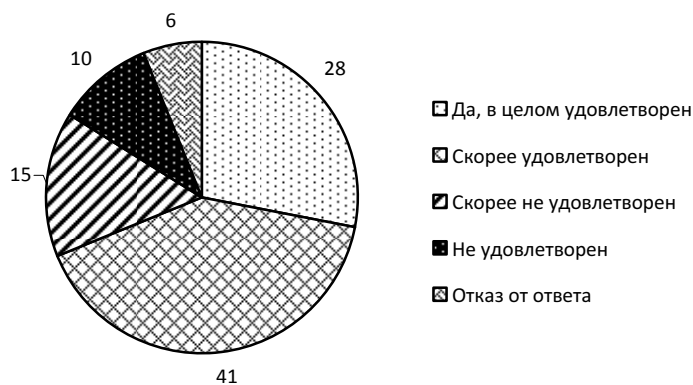


Рисунок 1. Удовлетворенность качеством розничной торговли, %



Рисунок 2. Удовлетворенность потребителей деятельностью розничных торговых сетей и компаний-производителей, %

Подобные результаты говорят о положительных тенденциях в розничной торговле, потребители в целом довольны качеством предоставляемых им услуг. Достаточно высоко потребители оценивают работу местных товаропроизводителей. Около 80% респондентов, так или иначе, приобретают товары регионального производства. При этом прямой зависимости частоты покупок данной категории товаров от уровня удовлетворен-

ности качеством розничной торговли выявлено не было (коэффициент корреляции Пирсона равен 0,378), что опровергает сформулированную ранее гипотезу.

Что касается предпочитаемых торговых форматов, на сегодняшний день розничная торговля представлена в основном такими организационными формами, как супермаркеты, гипермаркеты, cash&carry, дискаунтеры, магазины, торгующие через прилавок, рынки, торговые палатки и еще не получившие широкого распространения, но уверенно набирающие темпы интернет-магазины. Для того чтобы разграничить имеющиеся торговые форматы, попробуем консолидировать информацию, представленную аналитиками рынка розничной торговли (таблица).

Характеристика основных торговых форматов

Формат	Площадь торгового зала, кв. м	Количество позиций в ассортименте, тыс.	Персонал, чел.	Уровень цен по рынку	Собственные производственные цеха
Гипермаркет (Ашан, Карусель, Лента)	4000–10000	25–50	До 900	Специальная ценовая политика	Широко представлены
Супермаркет (Перекресток, Седьмой континент)	700–3000	7–30	50–200	Высокий	Представлены в большинстве супермаркетов
Cash&Carry (Метро)	10000–20000	30–50	До 1000	Средний	Могут быть представлены
Дискаунтеры (Пятерочка, Копейка)	450–800	1–2,5	30–50	Ниже среднего	Отсутствуют
Магазины, торгующие через прилавок	300–400	0,5–1	До 50	Высокий	Отсутствуют

Респондентам был задан вопрос, в каких торговых форматах они предпочитают покупать продукты питания и бытовую технику и электронику (рис. 3).

Потребители высоко оценивают работу ведущих участников рынка, как розничных торговых сетей, так и компаний-производителей. Приобретая продукты питания, потребители отдают предпочтение традиционным торговым форматам, а именно небольшим магазинам «у дома» (36%), рынкам, киоскам, павильонам (23%). Это является одной из причин, объясняющих заинтересованность компаний-производителей в поставках своего товара на рынки и в отдельные магазины. Бытовую технику и электронику предпочитают покупать в современных торговых форматах, а именно в супермаркетах (55%).



Рисунок 3. Торговые форматы, популярные среди потребителей

Для сравнения: только 21% респондентов приобретают там продукты питания. Скорее всего, это связано с тем, что основным мотивом совершения покупок для потребителей является территориальное расположение торговой точки и стоимость товара. Поскольку бытовая техника относится к категории товаров долгосрочного использования, покупка которых, как правило, планируется заранее, потребители стремятся совершать покупки в более комфортных условиях и быть уверенными в предоставлении гарантийного обслуживания. Можно отметить также очень низкий уровень продаж интернет-магазинов в этих товарных сегментах. Формат интернет-магазинов еще не успел зарекомендовать себя на региональном рынке. Электронной торговле достаточно тяжело конкурировать с традиционными торговыми форматами в сегменте товаров повседневного спроса. В городе функционирует большое количество супермаркетов и гипермаркетов, которые привлекают своими ценовыми стратегиями, и небольших магазинов «у дома», преимуществом которых является удобное расположение. Что касается бытовой техники и электроники, то, как правило, потребители осознанно относятся к их выбору и планируют покупку заранее. Интернет-магазины успешно адаптировались под потребности клиентов в этом сегменте. Их преимуществом является возможность сравнивать неограниченное количество товаров по функциональным характеристикам, знакомиться с отзывами покупателей и, как правило, бесплатная доставка.

Стоит отметить, что выбор торговых форматов для совершения покупок не оказывает существенного влияния на уровень удовлетворенности качеством розничной торговли (коэффициент корреляции – 0,002). Скорее всего, подобные сравнения возможны в рамках конкретных торговых форматов, но не между ними, что также опровергает сформулированное ранее предположение. Так можно охарактеризовать предпочтения потребителей как ведущих участников рынка в секторе розничной торговли.

Дальнейшие исследования помогут характеризовать текущее состояние ритейла в регионе, проанализировать специфику взаимоотношений между ключевыми участниками рынка, выявить возможные направления сотрудничества для более эффективного функционирования сектора розничной торговли, что служит необходимым условием повышения уровня и качества жизни в регионе.

Источники

1. Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2004. С. 131-158.
2. Радаев В.В. Современные экономико–социологические концепции рынка // Экономическая социология. 2008. №1. С. 20-50.
3. Hamilton G. (2011) Retailers as Market Makers. In: Petrovic M., Senauer B., eds. The Market Makers: How Retailers are Reshaping the Global Economy. Oxford: Oxford University Press, pp. 125-137.
4. Swedberg R. (2005) Markets in Society. In: Smelser N., Swedberg R., eds. The Handbook of Economic Sociology. 2nd ed. Princeton: Princeton University Press, pp. 233-243.
5. Zelizer V. (2005) Culture and Consumption. In: Smelser N., Swedberg R., eds. The Handbook of Economic Sociology. 2nd edition. Princeton: Princeton University Press, pp. 331-354.

Г.В. Белехова,
Вологда

Особенности сберегательного поведения населения как одного из аспектов региональной конкурентоспособности*

Конкурентоспособность региона определяет его место и роль в социально-экономическом пространстве России, отражает степень использования регионом имеющегося потенциала (ресурсного, трудового, финансового, производственного, культурного и др.) в целях создания комфортных и достойных условий жизнедеятельности и благополучного развития жителей данной территории.

Население региона является его основным субъектом, поскольку именно на его территории люди применяют свои умения и навыки, реализуют свои интересы и удовлетворяют потребности, а само функционирование региона и главные цели его социально-экономической политики в первую очередь направлены на обеспечение высокого уровня жизни населения.

В связи с этим целесообразно при оценке конкурентоспособности региона учитывать критерии, характеризующие уровень и качество жизни населения.

Одной из составляющих уровня жизни, влияющей на благополучие домохозяйств, на благосостояние и конкурентоспособность регионального образования, являются действия людей в области накопления и использования временно свободных денежных средств. Речь идёт о сберегательном поведении населения.

Отслеживание особенностей сберегательного поведения населения позволит оценить его материальное положение, определить стратегии его поведения на рынке сберегательных услуг и возможности относительно финансовой подпитки регионального развития, а также разработать мероприятия по активизации его сберегательно-инвестиционной

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №13-06-00898 «Оценка влияния неравенства доходов на уровень и темпы социально-экономической модернизации регионов».

активности. Ведь, по словам Президента РФ В.В. Путина, «...мы заведомо проиграем, если будем рассчитывать только на... ограниченный круг крупных инвесторов и госкомпаний... если будем опираться на пассивную позицию населения... Главный источник создания новых производств, новых рабочих мест – частные инвестиции» [4].

Согласно данным официальной статистики [1], большая часть расходов жителей Вологодской области идёт на текущее потребление и оплату обязательных платежей и взносов (порядка 70–80%). Сбережения составляют примерно четверть расходов вологжан. Доля средств, идущих непосредственно на сбережения во вкладах и ценных бумагах, в 2001–2011 гг. испытывала значительные колебания, но в целом возросла лишь на 0,1 п.п. и составила в 2011 году 4,7%. Развитие получил такой способ сбережений, как покупка недвижимости: за исследуемый период удельный вес данной категории повысился на 2,4 п.п. и составил 3% в 2011 году.

Удельный вес наличности на руках у населения сократился с 15,2% в 2001 году до 7,2% в 2011 году, но в абсолютном выражении отмечается увеличение суммы денег, хранящейся на руках у населения, с 6,4 млрд. руб. до 16 млрд. руб. соответственно. Иначе говоря, у жителей области есть достаточный запас средств для насыщения финансовых учреждений дополнительными ресурсами и спонсирования экономики.

Однако, судя по показателю нормы сбережений¹, ситуация не столь оптимистична (таблица). В Вологодской области норма сбережения населения постепенно снижается – с 25% в 2001 году до 10,6% в 2011 году². Это, возможно, является следствием концентрации сбережений у ограниченного числа домохозяйств (более обеспеченных) и унификации форм накоплений (преимущественно вклады в банках и наличные деньги на руках).

¹ Норма сбережения фактически показывает неиспользованную долю дохода домохозяйства. В долгосрочной перспективе она указывает на способность экономики финансировать свою деятельность [5]. Уровень нормы сбережений определяет возможности развития, потому что кто сберёт, тот имеет возможность инвестировать. Норма сбережения выступает естественным ресурсным ограничением для инвестиций в странах и регионах, не способных занять необходимые средства для покрытия своих инвестиционных потребностей [2].

² Для развитой страны/региона и активного привлечения внешних инвестиций норма сбережения должна быть около 20%, для развивающейся – чуть более 20%, для быстрорастущей – примерно 25% [3].

Норма сбережений населения Вологодской области
(в % к располагаемым денежным доходам)

Показатель	2001 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
1. Располагаемые денежные доходы, млн. руб.	38718,9	154926,8	155005,9	178461,7	195370,4
2. Текущее сбережение населения, млн. руб.	9664,1	28198,4	27283,8	28326,3	20744,9
3. Норма сбережений, %	25	18,2	17,6	15,9	10,6
Рассчитано автором на основе [1].					

В целом изучение сберегательного поведения населения на основе статистической информации даёт ограниченные результаты, не позволяя получить точную оценку объёмов сбережений, которые имеются в регионе и могли бы быть включены в инвестиционный оборот, а также отследить мотивационные составляющие поведения людей в отношении сбережений.

Поэтому Институт социально-экономического развития территорий РАН с 2001 года регулярно проводит мониторинговое исследование сберегательного поведения населения области³.

Большинство жителей региона (60%) не имеют сбережений в виде вкладов в банках, ценных бумаг, наличных денег в рублях и валюте⁴. Но в целом за период мониторинга доля вологжан, имеющих названные формы сбережений, постепенно увеличивается (с 24% в 2001 году до 40% в 2012 году).

Наиболее активно осуществляют сбережения представители старших возрастных групп (от 30 лет и старше) – 80% и граждане, имеющие среднее или высшее образование – 93%. Гендерные различия не столь существенны: среди имеющих сбережения 56% женщин и 44% мужчин.

На формирование сберегательных практик оказывают влияние разнообразные факторы. Главной детерминантой выступает материальное положение и уровень текущих доходов домохозяйств. Так, в 2012 г. у 20% наименее обеспеченных домохозяйств области находилось 8% всех сбережений (7% всех сбережений в 2004 г.), в то время как среди семей, принадлежащих к доходной группе «20% наиболее обеспеченных», сбережения были у 32% (31% всех сбережений в 2004 г.).

³ Обследование проводится методом анкетного опроса по месту жительства респондентов на территории городов Вологда и Череповец и 8-ми районов области (Бабаевского, Великоустюгского, Вожегодского, Грязовецкого, Кирилловского, Никольского, Тарногского и Шекснинского). Всего опрашивается 1500 человек в возрасте от 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Ошибка выборки не превышает 3%.

⁴ Здесь и далее данные приведены по опросу 2012 года.

Склонность формировать сбережения связана также с привычкой вести семейный бюджет. Доля имеющих сбережения выше среди тех домохозяйств, которые ведут учёт поступлений и трат (в 2012 г. 57% домохозяйств, ориентирующихся в движении собственных денежных средств, имели сбережения, 43% – не имели). Домохозяйствам, не занимающимся учётом доходов и расходов, не удаётся сформировать накопления (27% таких домохозяйств имели сбережения, 73% – не имели).

На наличие сбережений напрямую влияет и уровень финансовой грамотности граждан. Чем выше самооценка индивидом своих финансовых знаний и навыков, тем более вероятно, что у него имеются сбережения (среди отметивших у себя отсутствие указанных знаний и навыков лишь 25% имеют сбережения; среди лиц, определяющих свои финансовые знания и навыки как отличные, 61% имеют сбережения).

Основное препятствие для формирования сбережений – невысокий уровень доходов. Данную причину ежегодно отмечают более 70% вологжан.

Целевая структура сбережений на протяжении всего периода наблюдений остаётся практически неизменной. Наиболее значимыми для населения региона являются страховые мотивы (на всякий случай, на старость, на лечение, чтобы оставить детям, помочь им в будущем) – их выбирает каждый 4–5 вологжанин. В совокупности треть респондентов ежегодно отмечает мотивы покупки автомобиля, дорогих вещей, отдых, развлечения, путешествия (т.е. текущее потребление). Далее идут связанные с долговременной перспективой инвестиционные мотивы (для покупки квартиры, на образование, на дачу), для которых в рассматриваемом периоде характерна отрицательная динамика (снижение с 48% в 2004 г. до 33% в 2012 г.), и мотивы развития – для своего дела, для покупки акций и других ценных бумаг (в среднем 6% за 2004–2012 гг.). Низкое предпочтение этих групп объясняется тем, что они имеют отложенный эффект, что в условиях недостаточной стабильности экономики является непозволительной роскошью. Сдерживающим фактором выступает и отсутствие у людей необходимых навыков и финансовых знаний.

Женщины предпочитают откладывать свободные денежные средства на лечение (22% против 8% среди мужчин), помощь детям (23% против 18%), старость (27% против 22%) и про запас (32% против 23%). Мужчины больше ориентированы на потребление с целью организации комфортной жизни (покупка квартиры – 20%, машины – 12%) и на инвестирование в собственное дело (7% против 2%).

Лица пенсионного возраста проявляют склонность к страхованию и накоплению капитала для обеспечения комфортной жизни и предотвращения возможных неприятностей. Поэтому они сберегают деньги на лечение (37%), «на старость» (60%), на всякий случай (39%) и «в помощь детям» (36%).

Молодые люди (18–30 лет) не задумываются о старости (3%) и обустроивают свою текущую жизнь. Поэтому их сбережения ориентированы на приобретение жилья (40%), машины (13%), организацию досуга и отдыха (22%), а также на формирование резервных средств (19%).

Вопрос о форме сбережений вологжане решают с точки зрения надёжности. Советского стереотипа «граждане, храните деньги в сберегательной кассе» придерживается 53% населения области. Многие накапливают сбережения в виде наличных рублей (22%) и вложений в недвижимость (10%). Потенциально инвестиционные формы сбережений (ценные бумаги, инвестиционные паи, страховые полисы) в совокупности использует около 6% жителей области.

Среди представителей традиционной стратегии сберегательного поведения, выбирающих вклады в банках и хранение в наличных рублях, наиболее активны женщины среднего возраста. Однако представительницы слабого пола вкладывают деньги и в инвестиционные финансовые инструменты: так, среди владельцев ценных бумаг 61% женщин и 39% мужчин. Но в целом мужчины более ориентированы на приумножение капитала. Они предпочитают приобретение паёв инвестиционных фондов (57% против 43% женщин), покупку иностранной валюты (56% против 44%), вложения в негосударственные пенсионные фонды (67% против 33%) и приобретение дорогостоящих вещей (71% против 29%).

Население в возрасте 55 лет и старше склонно копить деньги на вкладе в банке или дома «под матрасом». Молодежь и лица в возрасте активной зрелости демонстрируют сходные тактики поведения: наряду с традиционными формами сбережений они более активно используют вложения в ценные бумаги и паи инвестфондов, в приобретение недвижимости и дорогих вещей.

Дифференциация по уровню образования показала, что граждане со средним и высшим образованием имеют более богатый инвестиционный опыт.

Что касается вопроса о выборе банка, то значимых половозрастных различий здесь не выявлено. Для всех групп определяющими критериями выступают известность банка (27%) и предлагаемый процент по вкладу (34%).

Результаты социологического анализа позволяют охарактеризовать сберегательное поведение населения Вологодской области как преимущественно консервативное с использованием традиционных организованных форм. Осознанного накопления населением денежных средств в целях «спонсирования» экономического развития региона нет, поскольку наблюдаемые цели и формы сбережений говорят о преобладании мотивов сохранности и ликвидности «пожертвованных» средств, а не стремления получить наиболее высокий доход.

Стоит помнить, что сбережения населения работают на экономику только тогда, когда доверены какому-либо финансовому институту. Однако невысокие доходы и низкий уровень финансовой грамотности большинства жителей области, недоверие финансовой системе, широко распространенный принцип «жить сегодняшним днём», подкреплённый негативным опытом прошлого взаимодействия с финансовыми организациями, затрудняют процессы аккумуляции временно свободных денежных средств населения в финансовых учреждениях региона.

Для изменения сложившейся ситуации необходима комплексная работа по разным направлениям, ведущими из которых должны стать повышение уровня жизни населения и расширение масштабов финансового образования.

Источники

1. Балансы доходов и расходов населения Вологодской области в 2002–2011 гг. / Вологдастат. – Вологда, 2012. – 21 с.
2. Григорьев, Л. Мировые дисбалансы сбережений и инвестиций [Текст] / Л. Григорьев, А. Ивашенко // Вопросы экономики. – 2011. – №6. – С. 4-19.
3. Низкая норма накопления – приговор инвестиционному климату [Электронный ресурс] / Л.М. Григорьев. – Режим доступа: <http://www.hse.ru/news/recent/26840696.html>
4. Путин, В.В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить [Электронный ресурс] / В.В. Путин. – URL: <http://izvestia.ru/news/511884>; Путин, В.В. О наших экономических задачах [Электронный ресурс] / В.В. Путин. – URL: <http://putin2012.ru/events/149>
5. The various measures of the saving rate and their interpretation [Электронный ресурс] / Statistics directorate OECD. – URL: www.oecd.org/dataoecd/10/34/1953416.doc

А.В. Галухин,
Вологда

Территориальная бюджетная система как фактор региональной конкурентоспособности

Последствия кризиса 2008–2009 гг., а также нестабильность в связи с проблемами суверенных долгов стран Еврозоны продолжают оказывать давление на всё мировое экономическое сообщество. В то же время процессы глобализации всё более усиливают конкуренцию за финансовые ресурсы не только в межстрановом аспекте, но также и между регионами внутри одного государства. Регион, являясь самостоятельной социально-экономической системой, становится отдельным действующим экономическим агентом национальной экономики и вместе с тем вступает в мировые конкурентные процессы. Положение и роль региональных социально-экономических систем оказываются зависимыми и от макроэкономических условий или возможностей самих регионов, и от расстановки конкурентных сил, механизмов конкурентного взаимодействия регионов и позиций региона в этом взаимодействии [1].

При этом сама конкурентоспособность региона определяется совокупностью конкурентных преимуществ и способности региональных органов власти к их формированию и развитию. Одним из таких конкурентных преимуществ является финансовое положение территории, под которым, в частности, понимается состояние его бюджетной системы.

Как показывает анализ, экономика Вологодской области, имеющая зависимость от расположенных на ее территории экспортно-ориентированных предприятий металлургии и химии с долей 56,6 и 15,2% в структуре промышленности соответственно, в результате влияния мирового экономического кризиса оказалась одной из наиболее пострадавших среди субъектов СЗФО: спад промышленного производства в совокупности за 2008 и 2009 годы составил порядка 14%, при этом, достигнув своих докризисных объемов лишь в 2011 году, промышленность вновь продемонстрировала спад в 2012 году на 0,8% (табл. 1).

Таблица 1. Индекс промышленного производства в регионах СЗФО в 2007–2011 гг.
(в % к предыдущему году)

Регион	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2012 к 2007 гг., %
Калининградская область	114,4	101,8	95,3	117,0	121,8	101,6	140,46
Ленинградская область	102,8	101,0	96,9	113,8	107,0	104,2	124,18
Псковская область	108,0	105,1	89,6	116,9	109,9	100,0	120,98
Новгородская область	106,4	102,3	87,7	113,9	110,6	105,2	118,9
Республика Коми	106,3	102,9	98,3	100,4	104,7	102,0	111,71
г. Санкт-Петербург	110,1	103,6	83,4	109,4	113,3	104,3	107,1
Архангельская область	107,0	105,5	115,4	102,1	87,1	95,8	103,75
Вологодская область	104,9	95,3	90,5	111,1	104,8	99,2	99,6
Мурманская область	98,2	94,6	96,5	105,2	99,3	98,6	94,02
Республика Карелия	116,0	97,0	78,5	110,2	99,7	99,7	83,41
СЗФО	106,9	100,6	92,6	108,4	106,1	101,9	109,18

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики.

Результатом резкого ухудшения производственных показателей деятельности компаний региона стало ухудшение их финансовых возможностей, что повлекло за собой массовые увольнения работников, задержки с выплатой заработной платы и снижение отчислений по налогу на прибыль в бюджетную систему. В итоге консолидированный бюджет Вологодской области на протяжении последних четырех лет исполнялся с дефицитом, максимальный размер которого пришелся на 2011 год и составил более 7,6 млрд. руб. К 2012 году региональным органам управления удалось сократить дефицит консолидированного бюджета области до 3,3 млрд. руб., но даже при этом его объем остался больше докризисного в 96,4 раза (табл. 2).

Таблица 2. Основные показатели исполнения консолидированного бюджета
Вологодской области в 2007–2012 гг.

Показатель	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2012 г. к 2007 г., %
Доходы	42574,5	50823,5	40127,3	46174,5	50693,2	54574,2	128,2
Расходы	42609,0	50562,5	46583,9	53031,9	58354,8	57900,7	135,9
Профицит (+), дефицит (-)	-34,5	261,0	-6456,6	-6857,4	-7661,6	-3326,5	↑ 96,4 р.

Источник: данные Департамента финансов Вологодской области.

Анализ динамики исполнения бюджета Вологодской области за 2007–2012 гг. позволяет говорить о том, что основным средством для решения проблемы сокращения дефицита бюджета явился секвестр его расходной части на 3,0÷4,7% в 2007–2012 гг. по сравнению с утвержденным объемом финансирования согласно проекту бюджета. При этом наиболее существенному сокращению были подвергнуты расходы на ЖКХ, охрану окружающей среды и национальную экономику (табл. 3).

Таблица 3. Исполнение бюджета Вологодской области по расходам в 2007–2012 гг.

Расходы	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Расходы, всего	96,8	97,0	95,7	95,7	96,9	95,3
Из них: на общегосударственные вопросы	96,2	96,6	94,8	97,6	96,8	96,7
национальную безопасность и правоохранительную деятельность	96,1	99,6	99,5	99,8	99,6	99,2
национальную экономику	98,6	98,6	91,8	98,3	96,9	89,4
ЖКХ	97,3	91,9	98,8	78,1	91,5	85,9
охрану окружающей среды	93,7	92,1	92,9	98,4	98,5	88,5
образование	97,7	97,7	98,7	99,3	98,7	98,5
культуру, кинематографию, СМИ	96,2	98,6	98,7	95,2	99,2	98,6
здравоохранение, физическую культуру и спорт	98,2	95,5	98,1	95,85	95,6	97,6
социальную политику	94,6	96,8	93,4	96,8	97,8	95,5

В свою очередь, анализ исполнения доходов региона показал, что несмотря на ежегодный рост, начиная с 2010 года, денежных поступлений в областную казну, фактическое исполнение консолидированного бюджета Вологодской области осуществлялось с отклонением порядка 0,4÷0,7% в меньшую сторону от первоначально заявленного объема.

Ключевым фактором, оказавшим негативное влияние на формирование доходной базы бюджета региона, стало падение темпов роста металлургического и химического производств, а также снижение среднемировых цен на чёрные металлы и химические удобрения в 2008–2009 гг., которое привело к сокращению поступлений в областной бюджет по налогу на прибыль от предприятий ОАО «Северсталь» и ОАО «ФосАгро АГ» на 93% в 2009 году. При этом докризисный уровень по данному налогу по итогам 2012 года был достигнут лишь наполовину, что свидетельствует о сокращении его роли в формировании финансовых ресурсов региональных органов власти (табл. 4).

Таблица 4. Динамика поступления налога на прибыль и некоторых показателей деятельности металлургического и химического производств в Вологодской области в 2007–2011 гг.

Показатель	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2011 г. к 2007 г., %
Индекс металлургического производства, % к предыдущему году	105,9	91,5	90,2	113,8	105,2	97,4	98,8
Мировое потребление стали, млн. т	1200	1179	1125	1313	1398	1520	116,5
Средние мировые цены на черные металлы, долл./т	578	806,7	410	521,7	725,4	765	119,3
Индекс химического производства, % к предыдущему году	102,9	96,2	106,8	103,0	102,6	103,4	111,7
Мировое потребление химических удобрений, млрд. т	168,7	168,1	156,4	169,9	176,5	181,0	104,6
Средние мировые цены на фосфорные удобрения, долл./т	425	820	328	485	633	570	234,8
Прибыль прибыльных организаций, млрд. руб.	75,8	99,5	37,7	43,8	41,9	45,0	55,3
Налог на прибыль млн. руб., всего	15,6	21,8	4,8	10,8	12,0	10,9	76,9
- металлургическое производство	4,5	11,1	0,6	4,3	4,1	2,6	57,8
удельный вес, %	28,8	50,9	12,5	39,8	34,2	23,9	-4,9 п.п.
- химическое производство	5,4	5,0	0,8	1,7	2,4	2,2	40,7
удельный вес, %	34,6	22,9	16,7	15,7	20,0	20,2	-14,4 п.п.

Источники: Поварова А.И. Социально-экономическое положение «регионов-металлургов»: итоги 2011 года // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – №4. – С. 75-85; данные IFA; данные Отчета ОАО «Северсталь» за 2012 год; данные Отчета ОАО «ФосАгро-Череповец» за 2012 год; данные Департамента экономики Вологодской области; данные Федеральной службы государственной статистики.

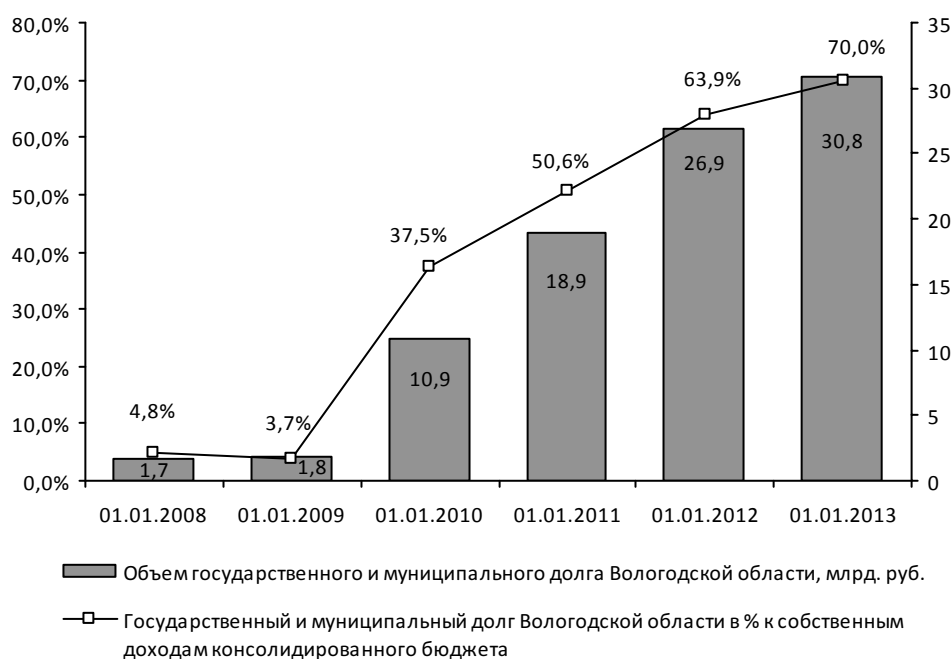
Главенствующая роль в формировании собственных доходов бюджета Вологодской области уже в 2009 году перешла к налогу на доходы физических лиц, прирост платежей по которому за анализируемый период составил 49,1%. Судя по динамике поступления имущественных налогов (прирост более 120% по сравнению с уровнем докризисного периода; табл. 5), в скором времени доходы по данному налогу сместят доходы по налогу на прибыль и займут вторую позицию.

Таблица 5. Динамика поступления налога на доходы физических лиц и имущественных налогов в консолидированный бюджет Вологодской области в 2007–2012 гг.

Показатель	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2012 г. к 2007 г., %
Налог на доходы физических лиц, млрд. руб.	10,8	13,6	12,2	13,1	14,6	16,1	149,1
Налог на имущество, млрд. руб.	3,4	3,7	4,5	4,9	5,3	7,5	220,6

Источник: данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vologdastat.ru>

Исполнение бюджета Вологодской области с дефицитом привело к возникновению и накоплению ее государственного долга, который за анализируемый период увеличился более чем в 18 раз и достиг 70% объема собственных доходов (рисунок).



Государственный долг Вологодской области

Источник: данные Министерства финансов РФ.

Невысокие темпы посткризисного восстановления экономики Вологодской области и сохраняющаяся зависимость от двух ее крупнейших компаний-налогоплательщиков привели к тому, что бюджетная обеспеченность как доходами, так и расходами является одной из самых низких в Северо-Западном округе (табл. 6).

Кризисное состояние бюджетной системы области повлияло на снижение ее привлекательности для инвесторов. Согласно оценке инвестиционного климата в регионах РФ рейтинговым агентством «ЭКСПЕРТ-РА», ранг финансового потенциала и финансового риска Вологодской области за анализируемый период снизился на 14 и 27 пунктов соответственно (табл. 7).

Таблица 6. Подушевая бюджетная обеспеченность доходами (расходами) регионов СЗФО*

Регион	2006		2008		2010		2012	
	Тыс. руб.	В % к предыдущему году	Тыс. руб.	В % к предыдущему году	Тыс. руб.	В % к предыдущему году	Тыс. руб.	В % к предыдущему году
Республика Коми	30,8 (30,2)	124 (126,4)	47,7 (48,8)	104 (105,4)	64,6 (65,9)	117,4 (122,3)	85,7 (86,8)	132,7 (131,7)
г. Санкт-Петербург	47,8 (40,7)	153 (136,6)	69,5 (70,9)	92,8 (90,3)	83,3 (84,1)	115,1 (112,4)	81,1 (81,7)	97,4 (97,1)
Мурманская область	34 (33,8)	171 (169,8)	55,4 (58,4)	99,1 (103,7)	71,2 (70,2)	108,9 (112,7)	77,5 (84,2)	108,8 (119,9)
Архангельская область	21,5 (21,2)	123 (123,3)	39,3 (44,4)	96,3 (100,4)	51,3 (55,8)	103,3 (112,1)	62,2 (66)	121,2 (118,3)
Республика Карелия	21,9 (23,4)	111 (120,6)	37,6 (42,6)	95,7 (106,8)	55,8 (56)	112,9 (111,8)	60,1 (63,5)	107,7 (113,4)
Новгородская область	18,3 (18,8)	109 (118,2)	36,9 (39,5)	110 (118,9)	44,5 (44,4)	122,2 (105,7)	60 (57,4)	134,8 (129,3)
Калининградская область	22,2 (22,3)	138 (138,5)	44,8 (42)	113 (108,2)	51,6 (51,6)	126,2 (117,1)	56,5 (57,6)	109,7 (116,3)
Ленинградская область	22,6 (21,1)	132 (118,5)	38,3 (41)	98,5 (107,3)	48 (46,7)	115,1 (115,7)	55,2 (55,5)	115 (118,8)
Вологодская область	26,5 (26,2)	125 (115,4)	32,9 (38,4)	79,3 (92,5)	42,2 (48,6)	110,9 (110,2)	50,6 (53,2)	119,9 (109,5)
Псковская область	15,6 (14,1)	124 (118,5)	28,8 (29,9)	111 (118,2)	41,5 (42,2)	124,2 (122,2)	45,9 (50,9)	110,6 (120,6)
СЗФО	32,6 (29,9)	141 (131,7)	50,9 (53,2)	96 (97,6)	67,3 (65)	120,6 (113,3)	69,4 (71)	103,1 (109,3)

* Рассчитано по данным отчётности об исполнении бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов Казначейства РФ, а также по данным Росстата.

Таблица 7. Динамика изменения ранга финансового потенциала (финансового риска) регионов СЗФО в 2007–2012 гг.

Регион	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	Изменение ранга 2012 г. к 2007 г., п.п.
г. Санкт-Петербург	3(7)	4(2)	4(3)	4(2)	3(2)	3(2)	0(-5)
Ленинградская область	23(9)	22(11)	24(5)	25(4)	26(5)	29(4)	6(-5)
Республика Коми	24(48)	28(28)	29(38)	29(41)	34(25)	33(28)	9(-20)
Мурманская область	38(51)	37(35)	37(42)	36(46)	39(57)	42(30)	4(-21)
Вологодская область	32(29)	30(17)	25(26)	43(25)	40(34)	44(44)	14(27)
Архангельская область	40(38)	42(51)	46(55)	41(57)	42(50)	45(62)	5(11)
Республика Карелия	60(30)	62(54)	63(50)	64(54)	64(54)	65(34)	5(4)
Новгородская область	63(17)	61(41)	61(13)	61(27)	66(53)	62(58)	-1(41)
Калининградская область	43(4)	44(32)	50(45)	48(44)	53(52)	58(59)	15(55)
Псковская область	67(35)	68(49)	67(51)	68(52)	70(47)	70(63)	3(27)

Источник: Инвестиционная привлекательность регионов России: данные рейтингового агентства «ЭКСПЕРТ РА» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://raexpert.ru>

Повышение уровня финансового риска в других регионах СЗФО можно объяснить тем, что, несмотря на решение ряда проблем, связанных с исполнением их консолидированных бюджетов, остаются нерешенными вопросы минимизирования и обслуживания государственного долга, а также сохраняется высокая зависимость региональных экономик от состояния внешних рынков.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о том, что решение проблем функционирования бюджетной системы региона является одним из механизмов формирования, развития и поддержания конкурентных преимуществ территории. Регионы, умеющие грамотно управлять собственными денежными средствами, обеспечивая при этом минимизацию финансовых рисков территории, имеют более привлекательны для инвесторов. Повышение инвестиционной активности будет способствовать реализации программ модернизации и станет новым драйвером экономического роста региона и, как следствие, дополнительного притока финансовых ресурсов в территориальную бюджетную систему.

Источники

1. Барабанов, А.С. Методика оценки и механизм управления конкурентоспособностью региона (на примере Вологодской области) [Текст]: дис. на соиск. уч. ст. канд. экон. наук: 08.00.05 / А.С. Барабанов. – Вологда, 2011. – 181 с.
2. Губанова, Е.С. Формирование и реализация региональной инвестиционной политики [Текст] / Е.С. Губанова. – Вологда.: Легия, 2007. – 300 с.
3. Поварова, А.И. Социально-экономическое положение «регионов-металлургов»: итоги 2011 года / А.И. Поварова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – №4. – С. 75-85.

В.А. Носков, М.А. Шишелов,
Сыктывкар

Эффективность использования лесных ресурсов региона

Последние два десятилетия политических и экономических реформ показали, что лесной сектор страны долго и трудно адаптируется к рыночным отношениям и требованиям мировых рынков. Лесной сектор не является приоритетом национальной экономической политики. Россия имеет свыше 20% мировых лесов, но ее доля в мировой торговле лесоматериалами составляет лишь 4%. При этом свыше половины экспорта приходится на круглый лес и пиломатериалы (54%). Леса занимают более половины территории страны, однако доля лесного сектора в валовом внутреннем продукте (ВВП) составляет лишь 1,3%, в промышленной продукции – 3,7%, в занятости – 1%, а в экспортной валютной выручке страны – 2,4%. Все эти факты свидетельствуют о том, что громадный лесной потенциал страны существенно недоиспользуется [4].

Северо-Западный федеральный округ (СЗФО) занимает третье место в России по запасам древесных ресурсов (в нём сосредоточено 12,3%), уступая лишь Сибирскому и Дальневосточному федеральным округам со значениями 40,6 и 25% соответственно. По объёму заготовки древесины СЗФО находится на первом месте среди всех федеральных округов России с показателем 57,6 млн. куб. м в год, опережая даже самые лесные регионы СФО и ДФО [5]. Лесопромышленный комплекс (ЛПК) СЗФО отгружает 25,4% всей произведенной отраслью продукции страны, что обусловлено исторически сложившимся первоначальным освоением лесов, развитием глубокой деревообработки и целлюлозно-бумажного производства (ЦБП) [3].

Эффективность использования древесины традиционно считается различными способами: это может быть оценка по конечным результатам валовой продукции, по добавленной стоимости, по доле лесного комплекса в экономике региона, по финансовым результатам и т.д. Каждая из этих оценок раскрывает тот или иной аспект деятельности лесного комплекса региона, однако не позволяет найти причины кризисных явлений.

Лесной комплекс России уже много лет находится в глубоком системном кризисе. Его текущее состояние является результатом двух связанных между собой процессов: с одной стороны, это низкий уровень переработки древесины, вызванный технической отсталостью лесоперерабатывающих отраслей экономики, по сравнению с ведущими лесными державами мира; с другой стороны, колоссальное истощение качественного лесного фонда, вызванного, в том числе, и низким уровнем переработки древесины, а также неэффективная система рубок и лесовосстановления.

Для того чтобы сформировать эффективную систему управления пользования лесными ресурсами, необходимо определить границы и состав объекта управления.

В научной литературе можно встретить схожие понятия: лесной комплекс, лесопромышленный комплекс, лесная отрасль, лесной сектор экономики и др., при этом одни авторы вкладывают разный смысл в эти понятия, для других эти категории синонимичны. В состав лесного комплекса мы включаем не только *лесопромышленный комплекс* (ЛПК) как группу производств, ориентированных на заготовку, механическую обработку и химическую переработку древесины, но и *лесное хозяйство*, деятельность которого направлена и на формирование лесоресурсного потенциала.

Существенным недостатком существующих моделей оценки эффективности лесного комплекса является то, что он, по сути, не рассматривается как целая система. Традиционно низкая роль лесного хозяйства обусловлена тем, что, как и во времена плановой экономики, так и сейчас оно выполняет функцию сырьевого придатка, правда, уже частных предприятий лесной промышленности (ЛПК), оставаясь при этом иждивенцем госбюджета.

Одним из способов оценить общую эффективность всего лесного комплекса региона и сопоставить его результаты с другими регионами является способ *оценки годового оборота древесины*.

Такие оценки применяются в Скандинавских странах, и в частности в Финляндии [6]. Суть их заключается в том, что оценивается использование древесины (в эквиваленте круглого леса) от годового прироста до конечного использования.

На рисунках 1 и 2 представлен экспериментальный расчет годового оборота древесины в Республике Коми и Вологодской области на основе данных статистического сборника «Лесной комплекс регионов СЗФО» [1].

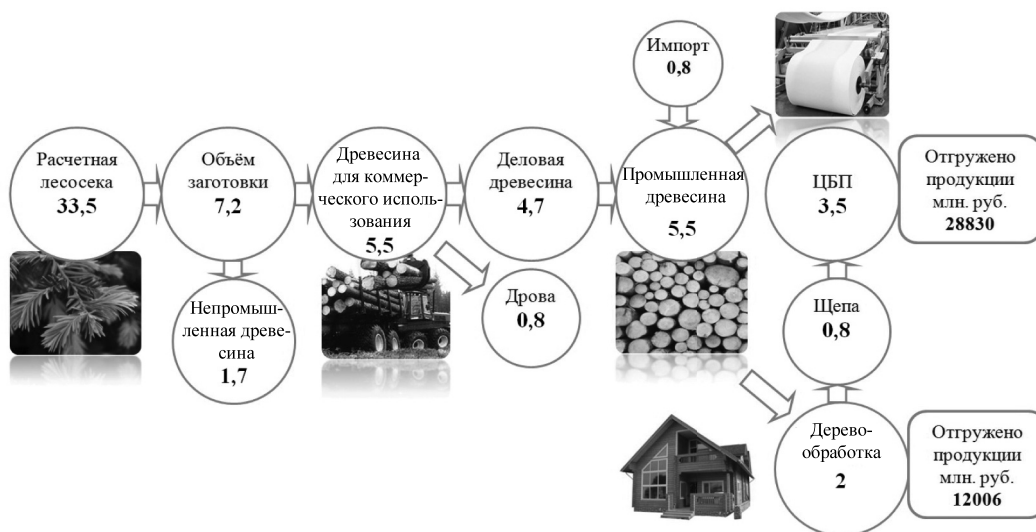


Рисунок 1. Годовой оборот древесины в Республике Коми в 2011 году

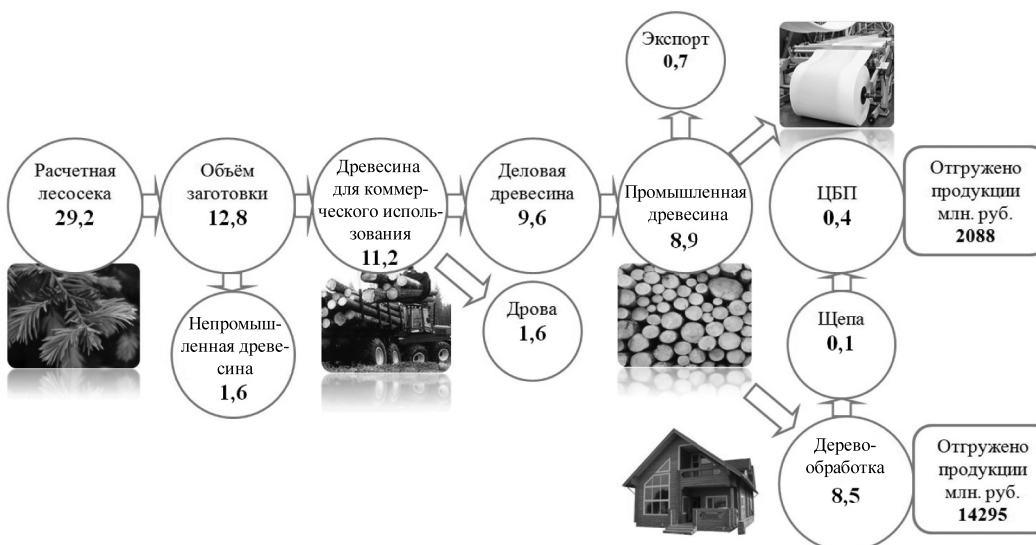


Рисунок 2. Годовой оборот древесины в Вологодской области в 2011 году

Поясним рисунком 2, что включается в понятие «непромышленная древесина». Например, в Республике Коми сюда отнесены заготовка древесины для собственных нужд населения в объеме 361,3 тыс. куб. м, заготовка древесины по государственному контракту в объеме 412 тыс. куб. м.

К непромышленной древесине мы относим заготовку по договорам купли-продажи, а также заготовленную древесину по рубкам ухода и другим лесохозяйственным мероприятиям, а также потери древесины в лесу и на переработке, по которым нет достоверных статистических данных.

Анализируя рисунки 1 и 2, можно сделать ряд выводов.

Специализация регионов. При сопоставимой величине расчетной лесосеки Республика Коми существенно превосходит Вологодскую область в объемах использования древесины (в эквиваленте круглого леса, ЭКЛ) для ЦБП. Отношение объема использования древесины для ЦБП к расчетной лесосеке в Республике Коми составляет 10,4%, в то время как в Вологодской области всего – 1,4%. С другой стороны, специализация Вологодской области в лесном комплексе заключается в использовании древесины преимущественно в деревообработке (включая лесопиление, фанерные и плитные производства). Здесь использование древесины в ЭКЛ по отношению к расчетной лесосеке составляет 29,1% против 6% у Республики Коми.

Такие сравнительные оценки позволяют сопоставить не только специализацию регионов, но и сравнивать их с наиболее развитыми лесными державами. Например, в Финляндии отношение доли ЦБП к приросту древесины (с допущениями, можно считать аналогом нашей расчетной лесосеки), где прошли лесохозяйственные мероприятия для подготовки участков к рубке, составляет 74%, что радикально превышает показатели анализируемых регионов: Республики Коми – в 7 раз, а Вологодской области – в 53 раза.

Эффективность цепочки создания добавленной стоимости. Можно косвенно оценить объем создаваемой добавленной стоимости в регионах. Для этого конечный объем продукции в стоимостном выражении отнесем либо к показателю расчетной лесосеки, либо к объему используемого для его производства сырья.

Оценим эффективность использования сырья в ЦБП. В Республике Коми итоговая величина отгруженной продукции к объему перерабатываемого сырья в ЦБП равна 8,2 тыс. руб./куб. м, что существенно превышает показатель Вологодской области, где он равен всего 5,2 тыс. руб./куб. м.

Очевидно, что Сыктывкарский ЛПК, который является ведущим лесоперерабатывающим предприятием не только в Республике Коми, но и в России, существенно технологичнее и эффективнее. В последние годы

реализация перспективного инвестиционного проекта «СТЕП» целлюлозно-бумажным гигантом позволила существенно повысить и производительность труда, и качество выпускаемой продукции. Кроме того, предприятие входит в международную группу «Mondi», что позволяет иметь стабильный сбыт своей продукции как на российском, так и мировом рынках. Поэтому из 1 куб. м сырья Сыктывкарский ЛПК выпускает в 1,6 раза больше продукции, чем его конкуренты в Вологодской области.

Оценим цепочку создания добавленной стоимости деревообработки. Выше уже упоминалось, что она является специализацией Вологодской области, однако её эффективность не так очевидна.

Если оценить стоимость готовой продукции деревообработки и сопоставить с ресурсным потенциалом, то в Вологодской области мы получим величину равную 489,5 руб. на 1 куб. м расчетной лесосеки. В Республике Коми этот показатель ниже – всего 358,4 руб.

Однако если мы отнесем стоимость готовой продукции к объему заготовленной древесины, то ситуация изменится: в Республике Коми мы получим величину равную 1668 руб./куб. м уже заготовленной древесины, что выше, чем в Вологодской области, – 1117 руб./куб. м, или в 1,5 раза. Это говорит о том, что для создания одинаковой величины конечного продукта в денежном выражении в Республике Коми требуется существенно меньше исходного сырья.

Анализируя стоимость готовой продукции в деревообработке и объем перерабатываемого сырья для его производства, мы видим дальнейший существенный рост эффективности переработки в Республике Коми. Отношение стоимости готовой продукции к объему перерабатываемого сырья в Республике Коми составляет 6 тыс. рублей против 1,7 тыс. руб. в Вологодской области, или выше в 3,6 раза.

Анализ отраслевой структуры производства продукции деревообработки в Республике Коми и Вологодской области показал причины такой существенной разницы. Во-первых, Республика Коми обладает существенно лучшим экспортным потенциалом, который позволяет экспортировать продукцию на высокодоходный европейский рынок и рынки стран ближнего Востока. Например, в последние годы доля экспорта пиломатериалов, фанеры, клееных изделий в Республике Коми превышала показатели Вологодской области. Не случайно на рисунках 1 и 2 показано, что Республика Коми ввозит фанерный кряж, которого в Коми не хватает, в то время как Вологодская область его частично вывозит.

Кроме того, само качество продукции в Республике Коми существенно выше, это объясняется не только традиционным качеством северных лесов и более высокой долей хвойной древесины в объеме заготовки, но и более современным и технологичным производством, позволяющим выпускать продукцию с высокой добавленной стоимостью. Тем не менее Вологодская область обладает более широкой номенклатурой выпускаемой продукции (спички, упаковка и т.д.).

В заключение хотелось бы отметить еще ряд важных позиций и ограничений в модели годового оборота древесины по сравнению с ведущими зарубежными странами (рис. 3) [2].

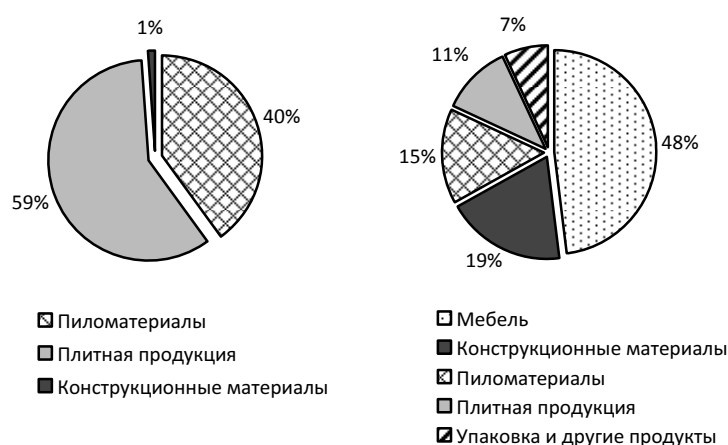


Рисунок 3. Отраслевая структура деревообработки в Республике Коми (слева) и Европе (справа), в %

Важным для анализа лесного комплекса является сравнение отраслевой структуры производства как в стоимостном, так и в натуральном выражении. Мы уже упоминали, что деревообрабатывающий сегмент экономики Республики Коми создает существенно больше добавленной стоимости, чем в Вологодской области, однако европейским странам Республика Коми существенно уступает. На рисунке 3 хорошо видно, что европейская отраслевая структура деревообработки существенно оптимальнее и эффективнее: здесь преобладает продукция с максимальной добавленной стоимостью, прежде всего мебель и конструкционные материалы для деревянного домостроения.

Ограничениями существующей модели годового оборота древесины являются сложность получения достоверных данных по всей цепочке создания добавленной стоимости. В настоящее время ведётся работа

над более подробной моделью годового оборота древесины, где будут учтены данные прироста, отпада древесины, эффективность рубок ухода за лесом, влияние пожаров и многие другие важные показатели, позволяющие точно оценивать эффективность лесного комплекса региона в целом.

Источники

1. Лесной комплекс регионов Северо-Западного федерального округа: Стат. сборник / Вологдастат. – Вологда, 2012. – 167 с.
2. Носков В.А. Развитие деревянного домостроения в Республике Коми // Регион. – 2013. – №6. – С. 2-5.
3. Промышленность России. 2012: Стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – 445 с.
4. Прогноз развития лесного сектора Российской Федерации до 2030 года / Продовольственная и сельскохозяйственная Организация Объединенных Наций. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.fao.org/docrep/016/i3020r/i3020r00.pdf> (дата обращения: 15.06.2013).
5. Состояние, тенденции и перспективы развития российского лесного комплекса // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2008. – №3. – С. 8-19.
6. The forest industry – a natural part of sustainable development [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forestindustries.fi/Infokortit/theforestindustryanaaturalpartofsustainabledevelopment/Documents/Kest%C3%A4v%C3%A4n%20kehityksen%20esite%20eng.pdf> (дата обращения 16.06.2013).

А.М. Панов,
Вологда

Возможности повышения экономической активности населения Вологодской области

В условиях сокращения численности трудовых ресурсов, старения населения актуальным является вопрос о возможностях регулирования предложения рабочей силы посредством повышения экономической активности населения. Так, авторы цикла статей «Демографические изменения и экономика» указывают, что уровень экономической активности в России в сравнении с развитыми странами мира (Германия, США, Швеция, Япония) – достаточно низкий. Это может рассматриваться как потенциал расширения предложения на рынке труда [1]. Ниже будет предпринята попытка оценить ресурсный потенциал повышения экономической активности населения Вологодской области.

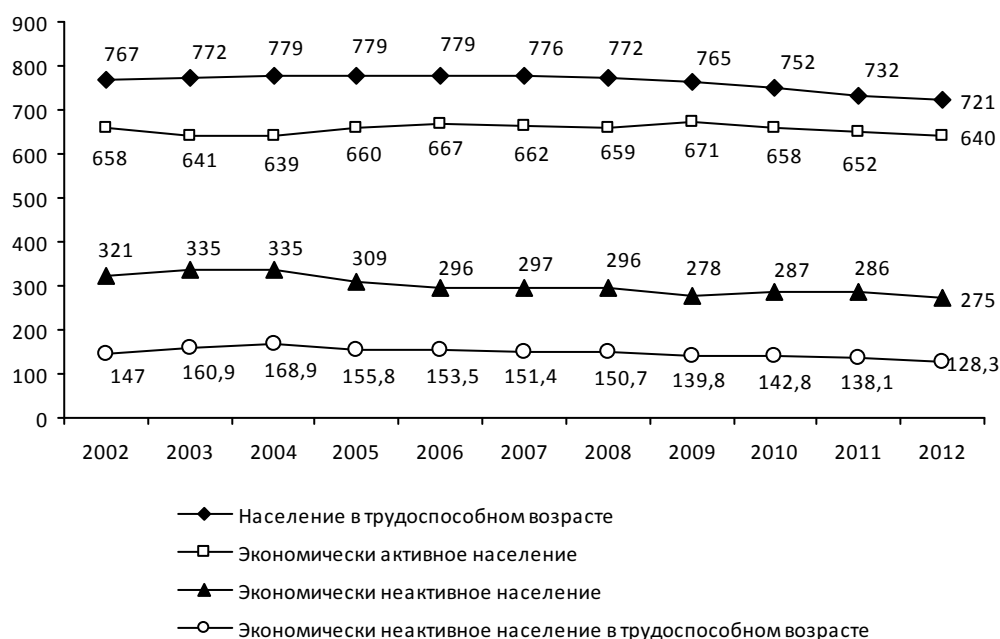
Показатель экономической активности можно рассматривать как некий противовес естественным демографическим процессам – увеличению нагрузки на трудоспособных граждан и старению населения. Соответственно, чтобы противодействовать этим процессам, необходимо повышать экономическую активность населения. Повысить её можно за счёт экономически неактивного населения в трудоспособном возрасте.

В настоящем докладе будут последовательно рассмотрены основные показатели, характеризующие трудовые ресурсы: население в трудоспособном возрасте – ресурсный потенциал рынка труда, экономически активное население – совокупное предложение рабочей силы и население, не проявляющее экономической активности, – существующий, но неиспользуемый потенциал рынка труда. Последняя группа будет подвергнута более детальному анализу.

На основании проведенного анализа мы определим, какова численность экономически неактивного населения, пригодного к трудовой деятельности, каковы возможные мотивы пассивного поведения на рынке труда и имеет ли смысл задействовать этот потенциал.

За исследуемый период объём совокупного предложения в Вологодской области сократился на 18 тысяч человек (рисунок).

Прежде всего, это обусловлено демографическими тенденциями: численность населения в трудоспособном возрасте сократилась на 48 тысяч человек. Сокращение доли населения в трудоспособном возрасте является общероссийской тенденцией: в период с 2002 по 2012 год коэффициент демографической нагрузки на трудоспособное население возрос в Вологодской области – на 14 человек и составил 663 человека на 1000 населения в трудоспособном возрасте, в Российской Федерации – увеличился на 35 человек, достигнув 666 [8].



Основные тенденции на рынке труда Вологодской области, 2002–2012 гг.,
тысяч человек

Источники: Экономическая активность населения Вологодской области. 2013: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2014. – С. 8; Труд и занятость в Вологодской области 2012: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2013. – С. 15, 16; Труд и занятость в Вологодской области 2007: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2008. – С. 11, 12; Возрастно-половой состав населения Вологодской области 2005–2012: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2006–2013.

Рассмотрев демографические процессы, экзогенные по отношению к рынку труда, перейдем к анализу следующей группы – экономически активного населения (табл. 1).

За исследуемый период удельный вес населения, проявляющего экономическую активность, возрос в Вологодской области на 1,5 п.п., в СЗФО – на 2,5 п.п., в Российской Федерации в целом – на 3,6 п.п.

Таблица 1. Удельный вес экономически активного населения в общей численности населения, в %

	2002	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Вологодская область	51,9	53,4	54,4	54,3	54,3	55,5	54,8	54,4	53,4
СЗФО	52,9	54,8	55,5	56,0	56,5	56,2	55,5	55,4	55,4
Российская Федерация	49,9	51,3	51,9	52,7	53,1	53,0	52,8	53,0	53,5

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – С. 54, 98; Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) [Электронный ресурс] / Росстат. – Режим доступа: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do>; расчёты автора.

Таким образом, в Вологодской области мы можем наблюдать, с одной стороны, отрицательные демографические тенденции – снижение удельного веса трудоспособного населения и, как следствие, рост демографической нагрузки на трудоспособное население, что соответствует ситуации по России в целом. С другой стороны, мы видим, что это не повлияло на удельный вес экономически активного населения. Напротив, данная группа демонстрирует тенденцию увеличения численности.

Далее рассмотрим экономически неактивное население Вологодской области, выделив из него население трудоспособного возраста (табл. 2).

Таблица 2. Распределение численности экономически неактивного населения Вологодской области по группам, тыс. человек

Год	Всего	Возрастные группы, лет						
		15-19	20-24	25-44	45-49	50-54	55-59	60-72
2007	296,8	85,8	25,6	27	8,9	13,1	26,5	109,8
2008	295,7	75,2	25,4	27,4	9,4	16,6	31,3	110,2
2009	278,2	66,2	32,1	26,4	8,4	11,9	29,4	103,8
2010	287,4	67,2	32,9	27,2	7,1	15,2	33,1	104,7
2011	285,9	61,7	30,5	28,2	7,3	16,2	35,4	106,5

Источник: Труд и занятость в Вологодской области 2012 [Текст]: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2013. – С. 20.

За исследуемый период доля экономически неактивного населения трудоспособного возраста удерживалась приблизительно на одном уровне – 18–20%. В период с 2007 по 2011 г. в общей структуре экономически неактивного населения можно выделить две группы, имеющие наибольший удельный вес. Одна из них представлена молодыми людьми в возрасте 15–19 лет, то есть студентами и обучающимися в школах и вузах – ещё не успевшими проявить экономическую активность. За данный период удельный вес этой группы снизился с 29 до 22%. Данная группа представляет потенциал, большая часть которого будет реализована в

ближайшие годы, о чём свидетельствует резкое сокращение удельного веса следующей возрастной группы (20–24 года). Вторая крупная группа трудовых ресурсов – население в возрасте 60–72 лет. Подавляющее большинство этой группы – пенсионеры, завершившие трудовую деятельность, уже не представляющие собой потенциал расширения предложения рабочей силы. Объём этой группы на протяжении рассматриваемого периода практически не изменился – составляет приблизительно 37%. Рассмотрим возрастные группы, составляющие центральную часть ресурсного потенциала, за счёт которого действительно возможно расширение предложения рабочей силы. Удельный вес следующей возрастной группы – 20–24 года – относительно небольшой: в период с 2007 по 2011 г. он увеличился с 9 до 11%. Кроме того, часть её представлена студентами вузов, чья экономическая активность проявится позже.

Говоря о возможностях для расширения предложения рабочей силы, следует учитывать мотивацию населения к трудовой деятельности. Так, в 2010 году не выразили желания работать 105,4 тысячи человек трудоспособного возраста, в 2011 – 108,7 тысячи [5, с. 65]. С одной стороны, это составляет 15% всего трудоспособного населения области, что может показаться значительным. С другой стороны, наиболее значимая часть экономически неактивного населения – люди в возрасте 25–49 лет, поскольку именно этот возраст характеризуется наличием определённого уровня образования, профессионального и жизненного опыта и продолжительным периодом до выхода на пенсию. Удельный вес данной группы в общей массе неактивного населения за весь рассматриваемый период составляет 12%, численность в 2011 году – 35,5 тысячи человек. Заметим, что, рассчитывая удельный вес этой группы, мы не учитывали пенсионеров и инвалидов. Если допустить, что все эти люди находятся в трудоспособном возрасте, но не выражают желания работать, то их удельный вес составит 5% от всего населения трудоспособного возраста. Принимая во внимание то, что рабочее время является невозполнимым ресурсом, приблизительно таким и будет фактически упущенный ресурсный потенциал.

Авторы работы «Демографические изменения и экономика» указывают на то, что задействовать этот потенциал достаточно проблематично. В 2010 году из всего экономически неактивного населения трудоспособного возраста Вологодской области опытом работы обладали 57,6 тысячи человек, 40 тыс. из них не выразили желания работать [5, с. 69].

Привлечение к трудовой деятельности экономически неактивного населения, образовавшего достаточно устойчивую группу, связано с институциональными изменениями – адаптацией федеральных и региональных программ защиты занятости, дополнительными расходами на подготовку и восстановление квалификации, организацией общественных работ и т.д.

Оценивая возможности повышения экономической активности населения России и её регионов, следует учитывать критическое состояние здоровья взрослого населения. В 2009 году вероятность смерти в период с 15 до 60 лет для российских мужчин составила 391/1000, для женщин – 144/1000. Государствами, наиболее близкими к России по уровню смертности взрослых мужчин, являются Туркменистан (380/1000), Украина (395/1000), Сьерра Леоне (414/1000), Либерия (392/1000), Сомали (382/1000). По уровню смертности женщин – Украина (148/1000), Узбекистан (139/1000), Республика Молдова (134/1000), Монголия (141/1000) [9, с. 57].

Соответственно, потенциал расширения предложения на рынке труда за счёт повышения экономической активности населения может быть раскрыт только в случае улучшения состояния здоровья населения, снижения его смертности.

Несмотря на то, что формально экономически неактивное население в трудоспособном возрасте составило в 2011 году 138 тысяч человек, подавляющее большинство этой группы – студенты, учащаяся молодежь и люди предпенсионного возраста либо уже вышедшие на пенсию. Следовательно, стимулирование к труду младших возрастных групп будет способствовать ограничению возможностей получать образование, а стимулирование к труду старшей возрастной группы (например, посредством повышения пенсионного возраста) вынудит людей работать «на износ». И то и другое будет способствовать росту численности трудовых ресурсов при ухудшении качества трудового потенциала, поскольку преждевременное начало трудовой деятельности связано со снижением уровня образования, а её продолжение в пожилом возрасте – с ухудшением состояния здоровья.

Существует группа населения, находящегося в возрасте пиковой экономической активности, имеющая профессиональные навыки и опыт, но не выражающая желания работать, но её удельный вес в общей численности трудовых ресурсов незначителен.

Источники

1. Васин С., Вишневский А., Денисенко М. Демографические изменения и экономика. Статья 1. [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. – №429-430 (1–22 августа 2010). – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0429/tema04.php>
2. Возрастно-половой состав населения Вологодской области 2005–2012: стат. сборник / Вологдастат. – Вологда, 2013.
3. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) [Электронный ресурс] / Росстат. – Режим доступа: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do>. Расчёты автора.
4. Экономическая активность населения Вологодской области. 2013: стат. сборник / Вологдастат. – Вологда, 2013.
5. Экономическая активность населения Вологодской области 2012: стат. сборник / Вологдастат. – Вологда, 2013.
6. Труд и занятость в Вологодской области 2007: стат. сборник / Вологдастат. – Вологда, 2008.
7. Труд и занятость в Вологодской области 2012: стат. сборник / Вологдастат. – Вологда, 2013.
8. Центральная база статистических данных: интерактивная витрина [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: <http://cbsd.gks.ru/>
9. World Health Statistics 2012 [Текст]: стат. сборник/Всемирная организация здравоохранения (WHO), 2012. – 176 с.

Ю.М. Пасовец,
Курск

Роль частной инициативы в экономической модернизации российских регионов*

На сегодняшний день региональная модернизация России обуславливается сохранением межрегиональных различий в рамках первичной и вторичной стадий модернизации и необходимостью осуществления интегрированной модернизации как стратегии координации и одновременного осуществления первичной (переход от традиционного общества к индустриальному) и вторичной (переход к информационному обществу, основанному на знаниях) модернизаций [2, с. 10-24].

Как отмечает группа исследователей из Китайского центра исследования модернизации Китайской академии наук (ЦИМ КАН) под руководством Чуаньци Хэ на основе анализа более 170 регионов 18 развитых и развивающихся стран мира, в рамках первичной модернизации разрывы между регионами внутри страны меньше, а в рамках вторичной – больше [4, с. 104-107]. Данная особенность проявляется и в российской ситуации, когда даже расположенные рядом в физическом пространстве регионы имеют существенные различия в уровне первичной и вторичной модернизации и оказываются существенно удалены друг от друга в социокультурном пространстве. Так, в 2010 г. индекс первичной модернизации для соседних российских регионов составил: для Курской области – 94,8; Белгородской области – 97; Воронежской – 95,4; Орловской – 94,3; индекс вторичной модернизации равнялся 60,1; 58,9; 66,6; 56,3 соответственно [1], и здесь заметен существенный разрыв между Воронежской и Орловской областями.

В связи с тем, что на современном этапе общественного развития одна из основных функций модернизации связана с обеспечением конкурентоспособности страны в целом и ее регионов, возникает необходимость одновременного осуществления первичной и вторичной модернизации в российском обществе, достижение которой позволит нивелировать отставание от развитых стран и сформировать конкурентные преимущества.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках проекта №12-03-00426а «Курский край и Россия: объективные характеристики и субъективные оценки в межрегиональных сопоставлениях».

В то же время модернизация российского общества предполагает построение конкурентоспособной экономики на рыночной основе с постепенным сокращением государственного сектора и расширением частного бизнеса, структурную диверсификацию экономики, внедрение инновационных технологий, что делает экономическую модернизацию ключевым направлением преобразований.

В этом плане перед Россией и ее регионами стоят задачи догоняющего и опережающего развития, обеспечивающие построение новой модели развития общества, в экономическом плане это построение инновационного социального ориентированного типа экономического развития. При этом опережающее развитие может быть достигнуто за счет эффективного использования социальных ресурсов, прежде всего человеческого капитала, когда имеющиеся ресурсы трансформируются в конкурентные преимущества.

Одним из таких ресурсов предстает трудовой потенциал населения, выступающий основой для расширения самозанятости населения и его включения в частный сектор экономики. Особая роль в осуществлении экономической модернизации российского общества в рамках развития рыночной экономики отводится предпринимательской деятельности населения, которая в потенциале своем имеет инновационный эффект, и задача заключается в том, чтобы инновационный потенциал предпринимательства был реализован на практике и трансформировался в капитал, а не остался в форме потенциальной возможности.

Здесь необходимо учитывать, что реализация поставленных задач возможна на условиях наличия широкого общественного консенсуса по основным вопросам развития общества, осознания и принятия большинством населения магистральных направлений развития общества, в том числе сформулированных в рамках государственной политики, что касается и вопроса о модернизации, мерах ее осуществления, роли частной инициативы в этом процессе. В этой связи возрастает значение социологических опросов по актуальным социальным проблемам как средства выражения общественного мнения, определения его единодушия или полярности.

Как показывают результаты опроса населения по проблемам экономической адаптации населения, проведенного нами в 2012 г. на территории Курской области по репрезентативной выборке (N=500 человек), четверть (25,6%) жителей региона считают, что поддержка инициативных

людей, развитие малого и среднего бизнеса в рамках государственной политики способны обеспечить осуществление успешной модернизации в России (табл. 1).

Таблица 1. Меры по обеспечению успешной модернизации в стране

Варианты ответов*	В % от числа опрошенных
Искоренение коррупции	44,2
Активное внедрение новых современных технологий	27,4
Учет руководителями государства мнения народа о том, что и как нужно изменить в стране	26,6
Поддержка инициативных людей, развитие малого и среднего бизнеса	25,6
Изменение системы управления, повышение эффективности ее работы	24,6
Подготовка кадров, которые могли бы осуществить модернизацию страны	24,0
Развитие демократии, повышение общественно-политической активности граждан	9,8
Другое	0,4
Затруднились ответить	0,2
* Допускалось отметить не более двух мер. Источник: результаты опроса (2012 г.).	

Как видно из таблицы 1, выявленная неоднородность оценок населения в вопросе о приоритетности конкретных мер модернизации российского общества показывает, что ее осуществление, по мнению общественности, требует комплексного подхода, где поддержка частной инициативы, создание условий для развития малого и среднего бизнеса необходимы наряду с искоренением коррупции, активным внедрением новых современных технологий, учетом в государственной политике общественного мнения, повышением эффективности системы управления и подготовкой компетентных кадров.

В этом контексте реализация задачи по сокращению государственного сектора экономики должна решаться одновременно с привлечением работников в частный сектор экономики, с развитием предпринимательской деятельности, прежде всего малого и среднего бизнеса как наиболее доступных для основной массы населения форм самозанятости, позволяющих избежать расширения безработицы и социальной незащищенности населения.

На протяжении постсоветского времени в Курском регионе наблюдаются тенденции снижения численности занятых на государственных и муниципальных предприятиях и организациях и увеличения числа занятых на предприятиях частной формы собственности, что формально отвечает задаче по сокращению госсектора экономики.

С 1995 по 2011 г. в Курской области в структуре занятых в экономике по формам собственности доля занятых на частных предприятиях выросла с 42,9 до 67,2% (табл. 2). За указанный период данный показатель увеличился в Курском регионе в 1,6 раза. С 2000 г. в Курской области занятость в частном секторе стала доминировать, составив 57,3% от среднегодовой численности занятых в экономике региона по формам собственности, в то время как доля работающих на государственных и муниципальных предприятиях и организациях равнялась 32,2% и к 2011 г. сократилась до 28,6%.

При этом на 2011 г. в структуре занятых Курской области по формам собственности удельный вес занятых в частном секторе экономики имеет сравнительно большее значение, чем по России в целом (58,6% от среднегодовой численности занятых в экономике) и Центральному федеральному округу (56,9% соответственно). Среди регионов ЦФО показатели доли занятых в частном секторе экономики свыше 60% имеют, кроме Курской области, Владимирская (61,6%), Брянская (62%), Воронежская (64,8%), Белгородская (66,9%) и Ивановская (67%) области [5, с. 114].

Таблица 2. Распределение среднегодовой численности занятых в экономике Курской области по формам собственности, в %

	1995	2000	2005	2010	2011
Занято в экономике, всего	100	100	100	100	100
В том числе по формам собственности:					
государственная	35,3	21,4	20,6	15,9	16,2
муниципальная		10,8	10,1	13,6	12,4
частная, в том числе акционерная	42,9	57,3	62,4	66,3	67,2
собственность общественных и религиозных организаций (объединений)	0,8	0,9	0,6	0,7	0,5
смешанная российская	20,6	8,7	4,8	2,1	2,7
иностранная, совместная российская и иностранная	0,4	0,9	1,6	1,3	1,0

Источники: Регионы России: стат. сб.: в 2 т. Т. 2 / Госкомстат России. – М., 2001. – С. 86; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006: стат. сб. / Росстат. – М., 2006. – С. 118; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – С. 100; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – С. 114.

Вместе с тем в этом же году по сравнению с Россией в целом и большинством регионов ЦФО в Курской области число малых предприятий на 10 000 человек населения (показатель равен 78) и их оборот значительно ниже, на курских малых предприятиях работают 54,7 тысячи человек [5, с. 442]. В некоторых областях ЦФО – Костромской, Орловской и др. – ситуация специфична: число малых предприятий на 10 000 человек

выше, но занято на них примерно такое же число работников, что и в Курском регионе, оборот этих предприятий невысок. Тем самым складывается ситуация, когда мероприятия по развитию малого предпринимательства должны быть ориентированы на качественные показатели их деятельности – увеличение их оборота, эффективности деятельности, а не на формальный критерий роста числа предприятий этого типа.

Указанные тенденции согласуются с результатами социологического мониторинга (табл. 3), представленного социологическими опросами населения Курской области по Типовой программе и методике «Социокультурный портрет региона России», проведенными по репрезентативной выборке в 2007 г. (N=1128 человек), в 2009 г. (N=1000 человек) и 2012 г. (N=1000 человек). Из данных таблицы 3 видно, что за последние годы среди опрошенных возросло количество наемных работников на частных предприятиях, но практически не изменилось число занятых в собственных фирмах и занимающихся индивидуальной предпринимательской деятельностью.

Таблица 3. Тип предприятия (организации) основной работы курян, в % от числа опрошенных

Тип предприятия	2007	2009	2012
Государственное, муниципальное предприятие	34,3	34,7	30,8
Акционерное предприятие с участием государства	6,6	4,8	5,0
Акционерное предприятие без государственного участия	6,4	6,0	4,4
Предприятие, фирма, находящаяся в Вашей личной собственности	2,5	2,6	1,9
Частное предприятие (не Ваша собственность)	8,4	10,7	12,8
Колхоз, совхоз, сельскохозяйственный кооператив	2,3	1,2	2,5
Крестьянское, фермерское хозяйство	0,3	1,3	0,1
Личное подсобное хозяйство	2,1	0,5	0,1
Индивидуальная трудовая деятельность	2,2	2,9	3,1
Другое	0,1	0,3	0,1
Не имею	32,4	32,1	37,9
Не знаю	0,6	0,6	0,8
Отказ от ответа	1,8	2,3	0,5

Источник: результаты опроса (2007 г., 2009 г., 2012 г., вопрос №24 Типовой методики «Социокультурный портрет региона России»).

В этом плане возникает вопрос о социальной базе для расширения и развития частного сектора экономики, связанный, прежде всего, с определением готовности населения к самозанятости (занятию предпринимательской деятельности) или работе по найму на предприятиях частной формы собственности.

По данным регионального социологического мониторинга, на протяжении последних лет распределение населения области по предпочтению того или иного мотива трудовой деятельности не претерпевает существенных изменений (табл. 4). Практически каждый десятый житель Курского региона хотел бы заниматься предпринимательской деятельностью, то есть иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск. Одна пятая населения региона предпочитает много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее. Следует отметить, что доля лиц с такой явно рыночной трудовой мотивацией, характерной для наемных работников, несколько снизилась в 2009 г., что, вероятно, связано с трудностями преодоления последствий финансового кризиса, начавшегося в конце 2008 г.: потерей работы, снижением доходов и др. – и переоценкой трудовых приоритетов в сторону небольшого, но гарантированного заработка.

Таблица 4. Иерархия трудовых мотивов населения Курской области, в % от числа опрошенных

	2007	2009	2012
Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	36,8	48,2	42,0
Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее	19,8	16,2	20,0
Иметь пусть небольшой, но твердый заработок	13,8	8,3	9,0
Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	13,2	11,6	12,1
Иметь небольшой заработок, но больше свободного времени и более легкую работу	8,2	5,9	7,0
Не знаю	6,4	6,5	7,1
Отказ от ответа	1,8	3,3	2,8

Источник: результаты опроса (2007 г., 2009 г., 2012 г., вопрос №26 Типовой методики «Социокультурный портрет региона России»).

Можно обобщить, что в настоящее время треть населения региона обладает трудовой мотивацией, соответствующей рыночному типу экономики, где высока роль частного предпринимательства и занятости в частном секторе экономики. В социальном и демографическом плане основу этой категории составляют молодежь и представители среднего поколения (до 50 лет), относящиеся к городскому населению, имеющие среднее или высшее профессиональное образование. При этом мотивация к высокому заработку характерна для представителей трудоспособного населения из различных имущественных страт, а вот иметь свой бизнес хотят в большей степени те, кто относит себя к «зажиточным», чуть реже к «обеспеченным» и «богатым». Мужчины и женщины практи-

чески в равной степени хотели бы много зарабатывать, даже без особых гарантий на будущее, вместе с тем стремление быть предпринимателем больше распространено среди мужчин.

Вместе с тем около половины (50,6% в 2007 г., 56,5% в 2009 г., 51% в 2012 г.) жителей Курской области отдают предпочтение невысокому, но стабильному заработку, зачастую сочетающемуся с уверенностью в будущем (см. табл. 4), что в большей степени коррелирует с занятостью в государственном секторе экономики, чем в частном.

Нужно учитывать, что необходимую стабильность в оплате труда и получение работником социальных гарантий, предусмотренных трудовым законодательством Российской Федерации, обеспечивает трудовой договор работника с работодателем. Новшество Трудового кодекса РФ, принятого в 2002 г., заключается в том, что работодателями, правоспособными заключать трудовые договоры с работником, могут выступать и юридические, и физические лица, что позволяет с юридической точки зрения защитить права любого работника независимо от того, работает он на государственном или муниципальном предприятии или у индивидуального предпринимателя. Однако на сегодняшний день острой проблемой занятости в частном секторе экономики, ослабляющей доверие населения к работодателю – частному предпринимателю, является достаточная распространенность практики отсутствия письменного трудового договора между работником и работодателем. Вследствие этого происходит теневизация трудовых и в целом экономических отношений, выступающая существенным внутренним ограничением для осуществления необходимых преобразований.

Как показывают результаты социологического опроса населения Курской области, проведенного по Типовой программе и методике «Социокультурный портрет региона России» в 2012 г., среди всех занятых на основной работе на частных предприятиях 21,9% опрошенных не имеют письменного трудового договора со своим работодателем, а 14,8% – не знают о его наличии, что может указывать на то, что трудовой договор не подписывался работником и, вероятно, вообще отсутствует. О существовании письменного трудового договора с работодателем заявили 55,5% участвовавших в опросе работников частных предприятий.

В то же время подавляющее большинство (86%) занятых на государственных, муниципальных предприятиях заявили о наличии между ними и работодателем письменного трудового договора, остальные затруднились или отказались ответить на этот вопрос.

При этом, по данным опроса курян по проблемам экономической адаптации населения, проведенного в 2012 г., в общественном мнении сформировано негативное отношение к работе без трудового договора. Большинство населения региона (67%) считают недопустимой работу без трудового договора, 12,8% – затрудняются дать однозначную оценку этому социальному явлению, а 20,2% – оправдывают его.

Выход из сложившейся ситуации возможен посредством реализации поставленной задачи построения социально ориентированного типа экономики, что предполагает развитие социальной ответственности бизнеса, формирование социальных гарантий для работников частных предприятий, что позволит нивелировать негативные следствия нестабильности рыночной экономики и сделать более привлекательным для занятости населения частный сектор экономики.

Как видно из таблицы 5, к настоящему времени число курян, желающих работать на основной работе на государственных и муниципальных предприятиях, снизилось с 42,2 до 35,3%, при этом увеличилось число желающих заниматься индивидуальной предпринимательской деятельностью (правда, в пределах статистической погрешности), что в условиях стабилизации экономической ситуации в стране требует привлечения данной категории людей в частный сектор экономики.

Таблица 5. Тип предприятия (организации) желаемой основной работы курян, по оценкам населения, в % от числа опрошенных

Тип предприятия	2007	2009	2012
Государственное, муниципальное предприятие	43,1	42,2	35,3
Акционерное предприятие с участием государства	5,9	5,0	6,7
Акционерное предприятие без государственного участия	3,1	1,8	2,0
Предприятие, фирма, находящаяся в Вашей личной собственности	17,4	14,5	14,1
Частное предприятие (не Ваша собственность)	4,7	3,5	4,3
Колхоз, совхоз, сельскохозяйственный кооператив	2,2	2,0	2,0
Крестьянское, фермерское хозяйство	0,7	1,0	1,2
Личное подсобное хозяйство	3,5	1,7	3,1
Индивидуальная трудовая деятельность	5,4	6,0	9,0
Другое	0,6	0,7	0,1
Не имею	3,5	5,2	8,9
Не знаю	7,4	11,5	9,9
Отказ от ответа	2,5	4,9	3,4

Источник: результаты опроса (2007 г., 2009 г., 2012 г., вопрос №25 Типовой методики «Социокультурный портрет региона России»).

В условиях, когда стремление к самозанятости (ведению предпринимательской деятельности) и занятости в частном секторе экономики не является всеобъемлющим, а характерно для части населения (хотя и наиболее активной, обладающей развитым человеческим капиталом), усиливается необходимость эффективного использования трудовых и интеллектуальных ресурсов этой категории курян в повышении конкурентоспособности региона. Накопленный стартовый человеческий капитал необходимо трансформировать в конкурентное преимущество региона.

С этой целью, как показывают результаты наших исследований, требуется уделить внимание подготовке к предпринимательской деятельности молодых взрослых, то есть лиц в возрасте 25–34 лет, и занятых в частном секторе в качестве наемных работников. Результативность от включения в предпринимательскую деятельность категории курян, занятых на частных предприятиях и в то же время желающих создать свой бизнес, видится достаточно высокой, поскольку они имеют возможность приобрести необходимый опыт по организации и ведению частного бизнеса, работая на другого собственника, а затем создать собственный бизнес.

Источники

1. ИС «Модернизация», патент №2012661285, 2012 г. – URL: mod.vscs.ac.ru (дата обращения: 04.06.2013).
2. Лапин Н.И. Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии // Социологические исследования. – 2012. – №9. – С. 4-24.
3. Лапин Н.И., Беляева Л.А. От стабилизации к интегрированной модернизации России. Аналитический доклад Центра изучения социокультурных изменений. – М., 2011. – URL: http://www.intelros.ru/strategy/gos_rf/9462-ot-stabilizacii-k-integrirovannoj-modernizacii-rossii-analiticheskij-doklad-centra-izucheniya-sociokulturnyx-izmenenij.html (дата обращения: 09.07.2012).
4. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Пер. с англ. под общ. ред. Н.И. Лапина; предисл.: Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. – М.: Издательство «Весь Мир», 2011.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: стат. сб. / Росстат. – М., 2012.

А.В. Попов,
Вологда

Анализ эффективности трудового поведения населения как фактора конкурентоспособности регионов

Труд – это основа жизни общества. Исторически изменялось не только содержание, характер, но и отношение к труду. На современном этапе развития общества всё большую роль играют уже не сырье и материалы, а непосредственно человек. Не совокупный образ трудовых ресурсов, а уникальный фактор производства, со свойственными ему ценностями и установками, мотивами и стимулами, определяющими его поведение.

Трудовое поведение – общественно значимый способ практической реализации трудового потенциала работника специфическим для каждой личности способом в конкретных формах, определяемых предметной областью, в системе которой оно происходит¹.

Трудовое поведение в настоящее время является предметом исследования многих дисциплин, таких как социология труда, экономика труда, психология труда и т.д., а его изучение носит междисциплинарный характер. Многообразие структурных элементов трудового поведения стало причиной возникновения большого количества концептуальных и методологических подходов к его изучению [9]. Несмотря на это, исследование вопросов эффективности (результативности) трудового поведения не получило соответствующего развития. Как правило, анализ ограничивался рассмотрением какого-либо одного аспекта: влияние материальных и нематериальных стимулов на производительность труда работника, мотивация, удовлетворённость трудом и т.д.

Существующие подходы к оценке результативности трудового поведения можно условно разделить на две группы: *социологические* и *статистико-социологические*. Как видно из представленных названий, основным классифицирующим признаком деления послужила методика, используемая при сборе информации. Рассмотрим представленные методы более подробно.

¹ Подробное описание теоретических основ трудового поведения отражено в научно-исследовательской работе «Управление человеческим капиталом и инновационное развитие территорий» [Текст]: заключительный отчет о НИР / исполн. А.А. Шабунова, Г.В. Леонидова, К.А. Устинова, А.В. Попов, А.М. Панов. – Вологда, 2012. – С. 34-42.

В настоящее время наибольшее количество исследований трудового поведения населения основано на использовании социологических измерений. Среди них можно выделить как «стандартные» опросы и анкетирование, так и тесно связанные с ними психодиагностику и тестирование. Это обусловлено, прежде всего, психологической составляющей трудового поведения.

Одним из примеров социологического подхода, позволяющего произвести расчёт интегральной характеристики эффективности трудового поведения, является методика, разработанная ИСЭРТ РАН. Поскольку трудовое поведение представляет собой «общественно значимый способ практической реализации трудового потенциала», его результативность определяется на основе того, насколько полно трудоспособное население реализует свой потенциал [11, с. 106-108].

Основными достоинствами подхода являются: использование данных, которые невозможно получить в органах официальной статистики, возможность самостоятельного определения генеральной выборки и т.д. Всё это значительно расширяет исследование.

С другой стороны, высокая эффективность социологических методов в процессе изучения различных компонентов трудового поведения нивелируется при оценке его результативности в связи с тем, что интегральный показатель образуется на основе субъективных оценок респондентов. Обеспечение более объективных результатов исследования возможно за счёт использования продвинутых методов сбора информации и совершенствования методологической базы.

Использование статистико-социологического метода оценки эффективности трудового поведения населения, позволяет избежать ряда слабых сторон социологического подхода, за счёт интеграции последнего с данными официальной статистики. Основные преимущества новообразованного метода заключаются в получении более достоверных результатов анализа и возможности учёта множества факторов за счёт обширной информационной базы. Вместе с тем к недостаткам подхода можно отнести ограниченность использования результатов исследования, трудоёмкость и сложность создания интегральных показателей.

Среди статистико-социологических методов оценки результативности трудового поведения наиболее крупным является разработка И.А. Кульковой [8].

Существенным минусом представленных подходов является ограниченность их использования, поскольку получение социологических данных для нескольких объектов исследования является высокочрезвычайно затратным мероприятием. В этой связи возникает вопрос о причинах необоснованного отсутствия в работах российских учёных методик оценки эффективности трудового поведения на основе материалов официальной статистики.

Статистический метод, как правило, не подходит для анализа мотивации, установок, ценностей и т.д., но поскольку он отражает конечный результат трудового поведения, то может успешно применяться для расчёта показателей его результативности. Данный подход упрощает и унифицирует набор индикаторов, и способствует географическому расширению исследования за счёт доступности информационной базы.

Итак, целью доклада является оценка эффективности трудового поведения населения. Актуальность исследования обусловлена тем, что позволяет рассмотреть результативность трудового поведения как фактор конкурентоспособности регионов.

В основе данного исследования, как и у ряда учёных (И.А. Кулькова, Н.И. Шаталова и др.), лежит разделение трудового поведения по сферам проявления (табл. 1).

Рынок труда. В расчёт индикатора трудового поведения работников на рынке труда включены: уровень безработицы; средняя продолжительность поиска работы безработными; удельный вес безработных, ищущих работу 12 месяцев и более; структура безработных по способам поиска места работы. В ходе экспертной оценки им был присвоен весовой коэффициент, равный 1.

Поиск дополнительной занятости обладает меньшим весом в данном индикаторе, но как фактор проявления гиперактивного трудового поведения включён в перечень показателей, характеризующих трудовое поведение. Его меньший весовой коэффициент обусловлен необязательным индикатором функционирования рынка труда.

Организация. Эффективность трудового поведения людей на рабочих местах характеризуется такими показателями, как уровень занятости, производительность труда, количество часов, отработанных в неделю в расчёте на одного занятого, удельный вес пострадавших при несчастных случаях и удельный вес работников, прошедших дополнительное профессиональное обучение.

Таблица 1. Показатели, характеризующие трудовое поведение

№ п/п	Показатель	Единица измерения	Весовой коэффициент
<i>Трудовое поведение на рынке труда</i>			
1.	Уровень безработицы (по МОТ)	%	1,0
2.	Средняя продолжительность поиска работы безработными	Мес.	1,0
3.	Удельный вес безработных, ищущих работу 12 месяцев и более	%	1,0
4.	Структура безработных по способам поиска работы	%	1,0
5.	Ищут дополнительную занятость	% от занятого населения	0,5
<i>Трудовое поведение в организации</i>			
1.	Уровень занятости	%	1,0
2.	Производительность труда	Тыс. руб. на одного занятого	1,0
4.	Отработано в неделю в среднем на одного занятого	ч.	1,0
7.	Удельный вес пострадавших при несчастных случаях на производстве с утратой трудоспособности на один рабочий день и более и со смертельным исходом	В % на 1000 работающих	1,0
5.	Удельный вес работников, прошедших дополнительное профессиональное обучение	Обучено, в % от общей численности работников	1,0
6.	Фактическое количество отработанных часов на дополнительной работе в среднем на одного занятого в год	ч.	0,5
3.	Удельный вес занятого населения, выезжающего на работу в другие субъекты РФ	% от занятого населения	0,5
Источник: составлено автором.			

Выбор данных индикаторов обусловлен тем, что трудовое поведение проявляется посредством трудовой активности, которая в свою очередь охватывает:

- собственно трудовую деятельность;
- характер активности;
- дисциплинированность участников трудового процесса [10, с. 39].

К дополнительным параметрам относятся индикаторы, позволяющие оценить масштабы дополнительной занятости и трудовой мобильности населения.

Для приведения разнородных показателей в сопоставимый вид нами была применена стандартизация путём z-преобразования (формулы 1 и 2). Отрицательные значения индекса свидетельствуют о его позиции «ниже» среднего из всей выборки, положительные – о его позиции «выше».

$$x_i = \frac{a_i - \bar{a}}{\sigma}, \quad (1)$$

где a_i – значение переменной;
 \bar{a} – среднее значение переменной;
 σ – среднеквадратическое отклонение.

$$\sigma = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (a_i - \bar{a})^2}{n}} \quad (2)$$

Данный метод индексации был выбран в связи с тем, что некоторые переменных имеют различный размах значений или их значения на порядок отличаются друг от друга, поэтому использование максимальных и минимальных величин в данной методике не целесообразно.

Сводный индекс каждого из блоков представляет собой сумму всех наблюдаемых значений, деленных на их количество (среднее арифметическое). Интегральный индекс эффективности трудового поведения определяется аналогичным образом и рассчитывается по следующей формуле:

$$ELB_i = \frac{LBU_i + LBE_i}{2} \quad (3)$$

где ELB_i (Efficiency of labor behavior) – интегральный индекс результативности трудового поведения населения;

LBU_i (Labor behavior of unemployment population) – сводный индекс результативности трудового поведения безработного населения;

LBE_i (Labor behavior of employment population) – сводный индекс результативности трудового поведения занятого населения.

Поскольку индексы рассчитываются отдельно как для округов, так и для регионов Российской Федерации, их значения будут варьироваться в зависимости от территории.

Анализ показал, что лидирующие позиции в рейтинге федеральных округов занимают Уральский и Центральный федеральные округа: индекс развития трудового поведения на данных территориях составляет соответственно 0,588 и 0,422 ед. (табл. 2).

Дифференциацию результативности трудового поведения в Уральском федеральном округе можно охарактеризовать как высокую: максимальное значение индекса наблюдается в Тюменской (0,490 ед.), минимальное – в Курганской (-0,274 ед.) области.

Таблица 2. Интегральный индекс эффективности трудового поведения

Территория	Трудовое поведение на рынке труда	Трудовое поведение в организации	Интегральный индекс
Уральский федеральный округ	0,625	0,551	0,588
Центральный федеральный округ	0,410	0,434	0,422
Приволжский федеральный округ	0,324	0,133	0,229
Южный федеральный округ	0,291	-0,002	0,144
Северо-Западный федеральный округ	0,232	0,031	0,131
г. Санкт-Петербург	0,419	0,442	0,430
Ленинградская область	0,118	0,340	0,229
Республика Коми	0,425	0,001	0,213
Мурманская область	0,416	-0,075	0,171
Новгородская область	0,119	0,146	0,133
Архангельская область	0,567	-0,305	0,131
Псковская область	0,317	-0,075	0,121
Калининградская область	0,050	-0,017	0,017
Вологодская область	0,137	-0,209	-0,036
Республика Карелия	0,210	-0,539	-0,165
Дальневосточный федеральный округ	-0,098	-0,114	-0,106
Сибирский федеральный округ	-0,001	-0,277	-0,139
Северо-Кавказский федеральный округ	-1,783	-0,755	-1,269

* Ранжирование построено по последнему столбцу.
Источник: составлено автором.

В Центральном федеральном округе наиболее высокую оценку эффективности трудового поведения населения демонстрирует г. Москва (1,315 ед.), наиболее низкую – Тамбовская область (-0,333 ед.). В целом результаты анализа свидетельствуют о существовании большого разрыва между Московской областью и остальными субъектами округа. Ближайшей в этой иерархии в округе является Тверская область, где значение интегрального показателя составляет 0,247 ед.

Индекс результативности трудового поведения в Приволжском федеральном округе составляет 0,229 ед. На территории отмечена умеренная дифференциация трудового поведения: значение индекса колеблется от 0,498 ед. (в Самарской области) до -0,164 ед. (в Ульяновской области).

Южный и Северо-Западный федеральные округа 0,144 и 0,131 ед. соответственно замыкают список субъектов с индексом эффективности трудового поведения выше среднероссийского уровня. Субъектами-лидерами по данному показателю в рассматриваемых округах являются: Краснодарский край (0,316 ед.) и г. Санкт-Петербург (0,430 ед.), а аутсайдерами – республики Калмыкия (-0,777 ед.) и Карелия (-0,165 ед.).

Наиболее низкий уровень эффективности трудового поведения населения наблюдается в Северо-Кавказском федеральном округе – только 1 из 7 субъектов, входящих в него, отмечен среднероссийским уровнем (Ставропольский край – 0,022 ед.). Остальные территории относятся к регионам с низким уровнем, причем Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская и Чеченская республики относятся к группе субъектов, имеющих критически низкий уровень эффективности трудового поведения, и занимают последние места в рейтинге регионов РФ.

Анализ интегральной характеристики эффективности трудового поведения населения регионов нашей страны позволил разделить² все территории на несколько условных групп:

- низкий уровень – от -1,830 ед. до -1,201 ед.;
- ниже среднего уровня – от -1,200 ед. до -0,571 ед.;
- средний уровень – от -0,570 ед. до 0,059 ед.;
- выше среднего уровня – от 0,060 ед. до 0,689 ед.;
- высокий уровень – от 0,690 ед. до 1,319 ед. (табл. 3).

Таблица 3. Уровни эффективности трудового поведения регионов в 2010 г.

Уровень эффективности	Регионы
Высокий (0,690–1,319)	г. Москва, Московская область.
Выше среднего (0,060–0,689)	Самарская область, Тюменская область, Красноярский край, г. Санкт-Петербург, Нижегородская область, Чукотский автономный округ, Челябинская область, Томская область, Республика Татарстан, Сахалинская область, Удмуртская Республика, Краснодарский край, Чувашская Республика, Свердловская область, Пермский край, Тульская область, Ярославская область, Ленинградская область, Саратовская область, Калужская область, Республика Башкортостан, Республика Коми, Ростовская область, Иркутская область, Омская область, Смоленская область, Мурманская область, Ивановская область, Приморский край, Белгородская область, Камчатский край, Астраханская область, Новгородская область, Архангельская область, Республика Хакасия, Костромская область, Псковская область, Оренбургская область.
Средний (-0,570–0,059)	Республика Саха (Якутия), Новосибирская область, Волгоградская область, Владимирская область, Пензенская область, Курская область, Ставропольский край, Калининградская область, Рязанская область, Вологодская область , Кемеровская область, Кировская область.
Ниже среднего (-1,200 – -0,571)	Республика Мордовия, Тверская область, Республика Адыгея, Орловская область, Республика Марий Эл, Магаданская область, Еврейская автономная область, Ульяновская область, Республика Карелия, Хабаровский край, Амурская область, Брянская область, Липецкая область, Воронежская область, Курганская область, Республика Бурятия, Тамбовская область, Забайкальский край, Республика Северная Осетия – Алания, Алтайский край, Республика Дагестан, Республика Алтай, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Тыва, Республика Калмыкия.
Низкий (-1,830 – -1,201)	Карачаево-Черкесская Республика, Республика Ингушетия, Чеченская Республика
Источник: составлено автором.	

² В основе разделения лежит метод группировок.

По результатам анализа было определено, что к территориям с высоким уровнем результативности трудового поведения относятся субъекты Центрального федерального округа – г. Москва и Московская область.

Уровень выше среднего индекса эффективности трудового поведения характерен для следующих округов (в скобках указан процент от общего количества субъектов в округе):

- Уральский – 3 территории (75%);
- Северо-Западный – 7 территорий (70%);
- Приволжский – 9 территорий (64%);
- Южный – 3 территории (50%);
- Дальневосточный – 4 территории (44%);
- Сибирский – 5 территорий (42%);
- Центральный – 7 территорий (39%).

К группе со средним уровнем относятся субъекты всех округов, за исключением Уральского, в том числе и Вологодская область.

Ниже среднего уровень эффективности трудового поведения характерен для следующих округов:

- Дальневосточный – 4 территории (44%);
- Северо-Кавказский – 3 территории (43%);
- Сибирский – 5 территорий (42%);
- Центральный – 6 территорий (33%);
- Южный – 2 территории (33%);
- Уральский – 1 территория (25%);
- Приволжский – 3 территории (21%);
- Северо-Западный – 1 территория (10%).

Нижние позиции занимают регионы Северо-Кавказского федерального округа (*республики Карачаево-Черкесская, Ингушетия и Чеченская*).

На основе проведенного анализа установлено, что большинство регионов России характеризуется выше среднего уровнем индекса эффективности трудового поведения, что свидетельствует об их высокой дифференциации. Большинство субъектов с низким уровнем являются депрессивными, и для них необходимо незамедлительное принятие комплекса мер, направленных на поиск резервов и активизацию эффективного формирования и использования трудового потенциала.

Источники

1. Верховин В.И. Содержание, структура и функции трудового поведения // Социологические исследования. – 1991. – №11. – С. 25-36.

2. Гулин К.А., Шабунова А.А., Чекмарева Е.А. Трудовой потенциал региона / под рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. – 84 с.
3. Кулькова И. Поиск работы как составляющая трудового поведения // Вопросы экономики. – 2008. – №6. – С. 111-117.
4. Кулькова И.А. Оценка активности трудового поведения человека в период поиска работы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.e-rej.ru/Articles/2007/Kulkova.pdf>
5. Пионтовский И.Н. Трудовая активность лиц старших возрастных групп в современных экономических условиях (на примере Дальнего Востока России): автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / науч. рук. А.М. Шкурин; Дальневост. гос. ун-т путей сообщ. – Хабаровск, 2012. – 24 с.
6. Попов А.В. Трудовая активность как основа трудового поведения населения // Молодой ученый. – Чита: ООО «Молодой ученый», 2012. – №10. – С. 151-158.
7. Реализация трудового потенциала региона: заключительный отчет о НИР / исполн. Е.А. Чекмарева. – Вологда, 2010. – 94 с.
8. Кулькова И.А. Управление трудовым поведением как фактор усиления трудовой мотивации [Текст]: автореф. дис. на соиск. ученой степ. д-ра экон. наук : 08.00.05 – Ижевск, 2009. – 45 с.
9. Темницкий А.Л. Теоретико-методологические подходы к исследованию трудового поведения // Социологические исследования. – 2007. – №6. – С. 60-71.
10. Управление человеческим капиталом и инновационное развитие территорий: заключительный отчет о НИР / исполн. А.А. Шабунова, Г.В. Леонидова, К.А. Устинова, А.В. Попов, А.М. Панов. – Вологда, 2012. – 153 с.
11. Шаталова Н.И. Трудовой потенциал работника: учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 399 с.

А.А. Проворова,
Архангельск

Механизмы оценки политики воспроизводства трудового потенциала региона*

Переход Российской Федерации на инновационный путь развития, согласно соответствующей стратегии, должен происходить не только за счет повышения конкурентоспособности продукции, создания новых отраслей и наращивания инвестиционной активности, но и посредством развития кадрового и исследовательского потенциала, повышения производительности труда и эффективности производства во всех секторах экономики [5]. Внедрение новых техники и технологий, создание инновационной инфраструктуры предъявляют новые требования к качеству трудового потенциала региона. Кроме того, такие социально-экономические проблемы, как низкий уровень рождаемости и высокий уровень смертности населения, малый миграционный прирост, снижение численности населения трудоспособного возраста, рост экономической нагрузки на население трудоспособного возраста, ставят перед государством задачу формирования эффективной региональной социально-экономической политики в сфере воспроизводства трудового потенциала.

Основными методологическими проблемами формирования политики в сфере воспроизводства трудового потенциала являются: отсутствие единого подхода к определению данного понятия и его оценке; необходимость обоснования комплекса направлений политики в рамках реализации отраслевых политики, отвечающих за различные этапы воспроизводства трудового потенциала; разработка механизмов и методов оценивания политики, учитывающих внедряемую в настоящее время модель управления по результатам.

По мнению большинства исследователей, трудовой потенциал – обобщающая характеристика совокупных способностей к труду, определяющих потенциальные возможности отдельного человека, различных групп работников, трудоспособного населения, связанные с участием в обще-

* Статья подготовлена при поддержке интеграционного проекта фундаментальных исследований, выполняемого в учреждениях Российской АН УрО РАН в 2012–2014 гг. «Инструменты и механизмы реализации социально-экономической политики северных территорий», №12-И-7-2070.

ственно полезной деятельности при данном уровне развития производительных сил и производственных отношений. Б.М. Генкин в качестве компонентов трудового потенциала выделяет здоровье, нравственность и умение работать в коллективе; творческий потенциал; активность; организованность; образование; профессионализм; ресурсы рабочего времени [1]. В нашем исследовании задача государства будет заключаться в создании условий для поддержания и непрерывного возобновления способностей к труду.

Как правило, исследователи выделяют три фазы воспроизводства трудового потенциала: формирование, перераспределение и использование. Деятельность государственных и муниципальных органов власти на этапе формирования трудового потенциала региона должна быть направлена на создание условий для обеспечения непрерывности воспроизводства населения, характеризующегося высоким уровнем здоровья и обладающего соответствующим потребностям региона профессионально-квалификационным составом. Реализация этой задачи осуществляется посредством демографической политики, политики в сфере распределения доходов, направленной на повышение уровня жизни, политики в сфере образования и здравоохранения. Этап использования трудового потенциала направлен на формирование условий эффективной реализации трудового потенциала, которая заключается в обеспечении занятости населения, развитии профессионально-квалификационного уровня работников, повышении мотивации к труду. Реализация этих направлений осуществляется главным образом посредством политики занятости населения и политики в сфере охраны труда. Важным также является и возможность реализации трудового потенциала с учетом модернизации экономики и перехода на инновационный путь развития. Таким образом, внимание органов государственной власти должно быть направлено на повышение инвестиционной привлекательности региона, развитие инновационных технологий, что должно найти отражение в инвестиционной политике, политике инновационного развития, политике укрепления финансового состояния региона, структурной политике, направленной на формирование общеотраслевых пропорций региональной экономики. Политика воспроизводства трудового потенциала, на наш взгляд, представляет собой систему отраслевых политик, направленных на наращивание трудового потенциала региона и эффективное его использование.

Современной тенденцией государственного администрирования является внедрение процедур управления по результатам, что сопровождается рядом проблем методического характера: наличием множества механизмов оценки политики, часто дублирующих друг друга; отсутствием единой основы оценки политики; слабой информированностью органов исполнительной власти о методическом обеспечении результативного управления.

Считается, что в настоящее время Россия находится на третьем этапе внедрения методов оценки государственной политики – этапе «национализации» института оценки. Наиболее активное развитие получили следующие механизмы оценки государственной политики: оценка регулирующего воздействия, оценка эффективности органов исполнительной власти, бюджетирование, ориентированное на результат, аудит эффективности. Каждый из механизмов нацелен на оценку результативности и эффективности отдельных инструментов политики: нормативно-правового обеспечения, реализации целевых программ, эффективности использования государственных средств, полученных для достижения поставленных социально-экономических задач; деятельности высших органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

В отношении политики воспроизводства трудового потенциала наиболее приемлемыми являются механизмы комплексной *оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации*, а также оценка результативности органов исполнительной власти (субъектов бюджетного планирования), осуществляемая через *механизм бюджетирования, ориентированного на результат*. Цель внедрения механизмов – повышение результативности деятельности органов исполнительной власти и эффективности расходования финансовых средств, направленных на достижение поставленных целей и задач.

Оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации осуществляется посредством анализа показателей, характеризующих такие сферы, как инвестиционная привлекательность, государственное и муниципальное управление, здравоохранение, образование, жилищное строительство [3]. Выбранные приоритеты и характеризующие их показатели во многом отражают важные составляющие процесса воспроизводства трудового потенциала региона: уровень и условия жизни, воспроизводство населения, здоровье, экономическая активность, уровень образования.

В 2012–2013 гг. началось внедрение еще одной формы оценки органов исполнительной власти — деятельности руководителей федеральных органов исполнительной власти и глав субъектов Российской Федерации, целью которой является оценка деятельности по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности [2]. Важными направлениями оценки политики с позиции эффективности реализации трудового потенциала следует отметить такие, как создание и модернизация высокопроизводительных рабочих мест, повышение производительности труда, состояние рынка труда, подготовка и переподготовка высококвалифицированных кадров, качество и доступность производственной и транспортной инфраструктуры, инвестиционная деятельность, привлечение инвестиций, развитие среднего и малого предпринимательства.

Механизм *бюджетирования, ориентированного на результат*, реализуемый в рамках бюджетной реформы, является формой планирования и исполнения государственных и местных бюджетов, в основу которого положена привязка расходования бюджетных средств к планируемым результатам деятельности субъектов бюджетного планирования. Основными инструментами, позволяющими соотнести результаты органов исполнительной власти со среднесрочным финансовым планом, являются *доклады о результатах и основных направлениях деятельности* (ДРОНДы) и *целевые программы* (государственные, федеральные, ведомственные). Практика внедрения докладов о результатах и основных направлениях деятельности существует на федеральном и региональном уровнях с 2004 г. Современной тенденцией государственного регулирования является совершенствование программно-целевого планирования в федеральных органах исполнительной власти. В связи с этим содержание Доклада направлено на оценку результативности органов исполнительной власти в соответствии с целями, задачами и основными мероприятиями государственных программ [5]. Обязательным условием оценки планируемой эффективности государственной программы является успешное выполнение запланированных на период ее реализации целевых индикаторов и показателей государственной программы, а также мероприятий в установленные сроки.

Использование данного подхода для оценки результативности политики в сфере воспроизводства трудового потенциала возможно при выявлении субъектов политики и их функциональном анализе.

Основные функции по воспроизводству трудового потенциала региона возложены на такие субъекты, как Министерство труда и социальной защиты, Министерство здравоохранения РФ и Министерство экономического развития РФ. Деятельность министерства экономического развития РФ нацелена на развитие таких компонентов трудового потенциала, как уровень жизни, трудовая мобильность населения, повышение экономической активности. Роль Министерства образования заключается в приведении содержания и структуры профессионального образования в соответствие с потребностями рынка труда, формировании системы непрерывного образования. Министерство труда и социальной защиты основными задачами своей деятельности ставит такие, как регулирование рынка труда, решение вопросов трудовой мобильности, оплаты и охраны труда. Министерство здравоохранения РФ нацелено на сохранение здорового образа жизни населения, обеспечение его воспроизводства. Важным для оценки является разделение функций и обязанностей по выполнению государственных услуг и их количественная характеристика.

Источники

1. Генкин, Б.М. Основы организации труда: учеб. пособие / Б.М. Генкин, В.М. Свистунов. – М.: Норма, 2011. – 400 с.
2. Методика оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2012 г. №1142 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.minregion.ru/upload/documents/2013/03/210313/post_1142.pdf (дата обращения 30.05.2013).
3. Об оценке эффективности деятельности руководителей федеральных органов исполнительной власти и высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности: Указ Президента РФ от 10.09.2012 №1276 // Собрание законодательства РФ. – 17.09.2012. – №38 – С. 5068.
4. Положение о докладах о результатах и основных направлениях деятельности федерального органа исполнительной власти: утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 мая 2004 г. №249 (в ред. Постановления Правительства Российской Федерации от 6 апреля 2011 г. №252).
5. Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020 г.: утверждена распоряжением Правительства РФ от 08.12.2011 №2227–р. – Собрание законодательства РФ. – 02.01.2012. – №1. – Ст. 216.

Л.В. Родионова, Ю.А. Перекаренкова,
Новосибирск

Развитие трудового потенциала сельских территорий в условиях модернизации*

Развитие трудового потенциала является необходимой предпосылкой модернизации и устойчивого развития сельских территорий. Под трудовым потенциалом сельской территории будем понимать совокупность динамично развивающихся физических и духовных сил сельских сообществ, которые могут быть использованы в процессе трудовой деятельности¹.

За основу количественной оценки трудового потенциала можно взять показатели численности экономически активного населения, трудовых ресурсов, населения в трудоспособном возрасте, базирующиеся на данных обследований населения по проблемам занятости, балансов трудовых ресурсов и переписей населения. Трудовой потенциал можно рассчитать как сумму произведений возрастных показателей соответствующих групп населения и потенциальной продолжительности их трудовой активности или, в более общем виде, как произведение численности экономически активного населения (трудовых ресурсов, населения в трудоспособном возрасте) и средней продолжительности его (их) трудовой активности. По нашим расчетам, трудовой потенциал сельских территорий Алтайского края в 2012 г. составлял 19 735 тыс. человеко-лет. По сравнению с 2000 г. он увеличился на 12%, но начиная с 2006 г. наметилась устойчивая тенденция его сокращения, которая сохранится и в долгосрочной перспективе. Прогнозные расчеты показывают, что в зависимости от варианта развития в 2020 г. трудовой потенциал сельских территорий может составить от 13 000 до 17 000 тыс. человеко-лет. Степень использования трудового потенциала можно оценить через соотношение используемого в экономике трудового потенциала и общего трудового потенциала, в частности — через уровень занятости, в 2012 г. он был равен 60,5.

* Исследование проводится при финансовой поддержке РГНФ (проекты №12-12-22000а и №11-03-00667а) и Администрации Алтайского края.

¹ При определении сущности трудового потенциала авторы опирались на научные подходы российских и зарубежных ученых к изучению человеческого потенциала в целом и трудового в частности [1; 2, с. 348-387; 5; 7; 8].

К качественным характеристикам трудового потенциала относятся образование, квалификация и состояние здоровья реальных и потенциальных работников. Остановимся на анализе образовательной компоненты трудового потенциала. Для ее измерения чаще всего используются такие показатели, как охват населения различными видами обучения; среднее число накопленных лет образования; показатели, отражающие образовательную структуру населения и т.п. [6, с. 77-88]. Уровень образования сельского населения Алтайского края несколько ниже аналогичных среднероссийских показателей и выше среднесибирских. По нашей оценке, в 2010 г. среднее число накопленных лет образования (уровень образования) алтайских селян составляло 11 лет, сельского населения России – 11,1, а СФО – 10,9. Образовательная структура сельских жителей Алтая несущественно отличалась от подобной структуры в России и Сибири. Среди них около 40% – это лица со средним и высшим профессиональным образованием и примерно столько же – со средним общим (основным и полным); порядка 10% приходилось на граждан с начальным профессиональным образованием и 12% составляли сельские жители с начальным (общим) образованием и ниже. Несмотря на то, что сельское население обладает достаточно высоким образовательным потенциалом, по уровню образования российское село в целом и алтайское в частности значительно уступают городу: здесь на 1,5 года меньше среднее число накопленных лет образования по сравнению с городом, более чем в 2 раза ниже доля лиц с высшим образованием и в 2 раза выше доля лиц с начальным образованием (таблица).

По сравнению с данными переписи 2002 г. в образовательной структуре сельского населения Алтайского края в целом произошли прогрессивные изменения: увеличилась доля лиц с более высоким общим и профессиональным образованием и сократилась – с более низким. При этом максимальные темпы прироста (снижения) отмечены в группах с высшим образованием (40%) и начальным профессиональным (-47%). В условиях сокращения контингента учащихся и стремительного роста количества вузов учреждения начального профессионального образования оказались наименее конкурентоспособными на рынке образовательных услуг.

Другой негативной и отличительной для Алтайского края характеристикой последнего межпереписного периода является увеличение доли неграмотных среди сельской молодежи в целом на 24%, а в возрастной группе до 20 лет – в 2,5 раза. И хотя абсолютные значения показателей неграмотности невелики, – это очень тревожная статистика. В стране,

Образовательная структура населения в возрасте 15 лет и старше (%) и уровень образования (лет)

	Год	Высшее и послевузовское	Неполное высшее и среднее профессиональное	Начальное профессиональное	Среднее (полное) общее	Основное общее	Начальное общее и ниже	Уровень образования
Алтайский край								
Всего	2002	12,3	28,6	15,7	16,5	14,7	12,2	11,0
	2010	17,6	34,4	7,5	18,9	13,3	8,3	11,6
Город	2002	16,4	32,6	13,0	17,5	12,8	7,7	11,7
	2010	23,3	38,9	5,4	16,8	10,3	5,3	12,3
Село	2002	7,5	23,7	18,9	15,3	17,0	17,6	10,2
	2010	10,5	29,0	10,0	21,5	17,0	12,0	10,8
Сибирский федеральный округ								
Всего	2002	14,0	30,3	13,3	17,4	15,1	9,9	11,2
	2010	20,3	35,6	5,7	18,5	12,9	7,0	11,9
Город	2002	16,8	33,2	11,9	17,7	13,2	7,2	11,7
	2010	24,3	38,5	4,7	17,2	10,2	5,1	12,4
Село	2002	6,6	22,5	17,1	16,5	20,2	17,1	10,1
	2010	10,1	28,1	8,4	21,8	19,8	11,8	10,7
Российская Федерация								
Всего	2002	16,2	30,6	12,8	17,7	13,9	8,8	11,4
	2010	23,4	35,8	5,6	18,2	11,0	6,0	12,2
Город	2002	19,2	33,4	11,6	17,7	12,1	6,0	11,8
	2010	27,7	38,4	4,6	16,5	8,7	4,1	12,7
Село	2002	7,4	22,8	16,2	17,9	19,0	16,7	10,2
	2010	11,4	28,6	8,0	23,3	17,6	11,1	10,9
Источники: данные Всероссийской переписи населения 2002 и 2010 гг.; расчеты авторов.								

до недавнего прошлого, всеобщей грамотности относительно увеличивается слой молодых людей, не умеющих ни читать, ни писать. И это происходит в условиях продекларированного перехода на инновационный путь развития?!

В целом в пореформенные годы в сфере общего и профессионального образования наблюдаются противоречивые тенденции. С одной стороны, строятся новые школы, улучшается их техническая база, развивается Интернет, растет число высших учебных заведений, введение ЕГЭ увеличивает доступность качественного образования для талантливой сельской молодежи. С другой стороны, закрываются малокомплектные школы и, соответственно, снижается территориальная доступность школьного образования для жителей малых поселений, непомерно разрастается административно-управленческий аппарат, униженно низко оплачивается труд преподавателей, растет его интенсивность, стареют кадры, меняется и, по мнению экспертного сообщества, не в лучшую

сторону сама концепция образования – из сферы развития человека оно постепенно превращается в сферу все больше платных услуг со всеми вытекающими отсюда социальными, экономическими, культурологическими и другими последствиями.

Качество образования в целом снижается: по яркому высказыванию Т.И. Заславской, «дипломированных специалистов в стране становится все больше, а квалифицированных и ответственных работников – меньше» [2, с. 378]. Отмеченные процессы негативно сказываются на формировании трудового потенциала как в городах, так и в сельской местности.

В условиях ограниченных возможностей для количественного роста трудового потенциала выход представляется в повышении степени его использования и улучшении качественных характеристик. Необходимы конструктивные реформы в системе образования. В настоящее время в рамках государственной программы «Образование» и президентской инициативы «Наша новая школа» предполагается создание при ведущих университетах школ для одаренных детей, обеспечивающих как очное, так и дистанционное образование. Предусматривается, что не менее 10% сельских школьников старших классов будут получать дополнительное образование в таких школах [3]. Но этого недостаточно. Каждый сельский ребенок должен иметь возможность для получения качественного базового образования и развития творческих способностей.

Каждый молодой сельский житель должен быть ориентирован на получение современного профессионального образования, освоение новых технологий, генерирование новых идей. При этом особое внимание необходимо уделить подготовке молодых специалистов и квалифицированных рабочих в области сельского хозяйства и их закреплению в реальном секторе аграрной экономики.

Каждый зрелый работник должен иметь условия для совершенствования своего мастерства, получения новых знаний, освоения новых компетенций путем повышения уровня и доступности профессиональной подготовки, распространения системы непрерывного профессионального образования, внедрения дистанционных форм обучения.

Каждый гражданин пенсионного возраста при желании должен иметь возможность работать, получать новые профессиональные знания, повышать квалификацию. В условиях дефицита кадров повышение доли старших возрастных групп в экономически активном населении требует создания условий для продления трудовой жизни этой категории граждан, особенно в реальном секторе экономики. Поколение пятидесяти-

летних и старше должно успеть передать свои знания и опыт молодежи, поскольку среднее поколение здесь малочисленно и не сможет обеспечить воспроизводство квалифицированных кадров.

Страны и регионы, создавшие наиболее эффективные модели формирования и развития трудового потенциала, получают значительные преимущества в инновационном обществе. Такая модель должна отвечать принципам непрерывности образования, всеобщности, интеграции с наукой, глобализации и индивидуализации, сочетания государственных и частных инвестиций в образование, инновационности [4, с. 120-124]. Применительно к сельской местности особо важно развитие информационно-коммуникационных технологий в образовании, позволяющих повысить уровень доступности качественного образования для сельских жителей, обеспечить его непрерывный характер, предоставить возможность в составлении индивидуальных образовательных программ из наиболее востребованных модулей, усилить связь с практической работой, сократить финансовые затраты. При этом движение должно быть двусторонним – не только сфера образования должна подстраиваться под потребности экономики, но и экономика должна создавать современные рабочие места. Только при таких условиях можно рассчитывать на успех современных модернизационных преобразований.

Источники

1. Губарь А.И. Трудовой потенциал региона: концептуальные основы исследования // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2010. – №4(17). – С. 37-41.
2. Заславская Т.И. Избранное. В 3 т. Т. 2. Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. – М., 2007. – 591 с.
3. Инновационная Россия – 2020 / Минэкономразвития России (URL: www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20101231_016).
4. Мау В. Человеческий капитал: вызовы для России // Вопросы экономики. – 2012. – №7. – С. 114-132.
5. Троцкий А.Я., Родионова Л.В., Сергиенко А.М. Устойчивое развитие сельских территорий в контексте социальных проблем развития Алтайского края // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – №2/1(66). – С. 324–333.
6. Субъекты и механизмы управления инновационной деятельностью в регионе / Г.А. Унтура, Т.И. Яковлева, А.В. Евсеенко и др. // Региональная экономическая политика субъекта Федерации: принципы, формы и методы реализации / под ред А.С. Новоселова. – Новосибирск, 2010. – С. 49-104.
7. Vosakova O., Kubisova Z., Tomasikova A. The Importance of Education for Human Potential Development // Merit of Human Potential in Regional Development. – 2010. – P. 11-15 (URL: <http://www.eeda.termal-podhajska.sk/publikacie/zborniky/human-potential.pdf>).
8. Moroz V., Moroz M. The Labour Potential and Economic Freedom: Theoretical Base for Dialectical Unity // *Economica*. – 2012. – Vol. 91(2). – P. 7-21 (URL: http://www.leidykla.eu/fileadmin/Ekonomika/91_2/7-21.pdf).

Н.В. Рожкова,
Рязань

Необходимость внедрения результатов логистических научных исследований в деятельность компаний по оказанию туристских услуг

Инновационные процессы в бизнес-функциях обычно представляются как применение научно-технических достижений (продуктов высоких технологий) в повседневной деятельности передовых бизнес-подразделений преуспевающих компаний, связанных с внедрением результатов научных исследований и разработок в практику.

В сфере услуг инновации – это принципиально новые или существенно измененные методы их предоставления (обслуживания), которые не могут быть обеспечены прежними организационными методами. Это туристские, банковские, консалтинговые, бухгалтерские, аудиторские услуги, а также другие предложения с ориентацией на новейшие информационные и коммуникационные технологии.

На следующем этапе необходимо провести опытную обкатку экспериментального продукта на практике: презентация, пробные продажи, оценка предполагаемого спроса и конкурентоспособности. На этом период создания инновации считается пройденным.

Следующий этап инновационного цикла в туристском бизнесе – разработка и реализация комплекса мер, направленных на продвижение новинки и внедрение ее на рынок: предложение и коммерциализация (проведение пропагандистских и рекламных акций, прямой маркетинг, стимулирование сбыта, формирование общественного мнения). Внутри организации-инноватора формируется или усовершенствуется система управления сбытом, включая стимулирование персонала.

Одним из показателей успеха компании на рынке является увеличение рыночной доли.

Рейтинг туроператоров России по состоянию на 2012 год

Туркомпания	Структурные подразделения	Сфера туроператорской деятельности	Сопутствующие услуги
«Pegas Touristik» (1994)	Есть в России и за рубежом	Внутренний туризм, международный въездной, международный выездной, международная реализация туристского продукта, сформированного иностранным туроператором	Круглосуточное онлайн-бронирование авиабилетов в любую точку мира. Возможность поиска и покупки тура 24 часа в сутки в режиме онлайн.
«Tez Tour» (1994)	Есть в России и за рубежом	Внутренний туризм, международный въездной, международный выездной	Отели любой категории; бонусные программы; оформление виз, страховок; продажа авиабилетов; организация трансферов; чартерная программа; экскурсии.
TUI Russia&CIS	Есть в России	Внутренний туризм, международный въездной, международный выездной	Бронирование эксклюзивных отелей; новые концепции отдыха (Splash World, Fun&Sun, и др.); семейные клубы TUI Тукан, работающие на многих курортах.
ООО «Трансаэро Турс Центр» (2002)	Есть в России и за рубежом	Внутренний туризм, международный въездной, международный выездной	Бронирование билетов для воздушного, железнодорожного и морского транспорта; встреча и разыскивание прибывающих туристов; услуги встречи прибывающих туристов; услуги в получении паспортов и виз;
Информация: Рейтинг составлен на основе данных Ассоциации туроператоров России о количестве проданных туров, данных страховых компаний о возмещениях по страховым случаям с туристами и отзывах туристов.			

Так, по данным таблицы видно, что лидером в туроператорской деятельности является компания «Пегас». Данная компания осуществляет отправку более 2 млн. человек в год из 42 городов России, сотрудничает с более чем 2500 отелей в 18 странах мира. По России имеет около 700 офисов продаж.

Ряд исследований, проведенных среди туристических компаний, имеющих устойчиво высокий рейтинг присутствия на рынке, показывают, что наиболее устойчивый рост доли рынка обеспечивают не активное продвижение продукта, агрессивная внешняя политика или реклама, а инновации во всех направлениях туристской деятельности. Инновационные процессы лидеров рынка инициированы и реализованы в межгосударственных и национальных системах управления туристской деятельностью, освоении новых технологий (электронная торговля, создание виртуальных туристских фирм), формах маркетинга, создании нового туристского продукта.

Сознательный упор на инновации особенно необходим в тех сферах бизнеса, где технологические изменения не могут стать основой эффективности. Например, конкурентоспособность страховой компании зависит от введения более клиентоориентированных форм страхования, видоизменения существующих и постоянного поиска снижения накладных расходов и способов улаживания претензий.

Любой инновационный процесс требует применения значительных материальных и интеллектуальных ресурсов. Поспешное стремление реализовать инновацию в неподготовленной среде приведет к убыткам. Поэтому для развития компании должны быть мобилизованы все творческие возможности коллектива. Это достижимо только в случае использования знаний, интеллекта и опыта всех сотрудников.

Рассмотрим предложения направления по внедрению новых методов работы в туристическом агентстве «Дельта-Тур». Рассматриваемая компания расположена в городе Саратове, на рынке туристских услуг более 10 лет. Видами деятельности являются направления по выездному туризму. Так, компания предлагает экскурсионные туры, семейные туры, туры на выставки и семинары, корпоративные туры, а также индивидуальные туры. В качестве дополнительных услуг предлагается: содействие в оформлении заграничных паспортов как в срочном, так и в обычном порядке, визы, бронирование билетов, подарочные сертификаты. Фирма развивается достаточно динамично, сотрудничает с такими крупными туроператорами, как: «ВКО Тревел», «Дельфин», «Астравел», «Нева», «Мостревел», «Музенидис тревел» и другие. Однако в работе данного турагентства имеются и недостатки, что не позволяет ему быть всегда на высоте. Так, например, компания не предусматривает круглосуточное взаимодействие с клиентами. Прослеживается текучесть кадров и возраст работников – менеджеров по туризму от 18 до 25 лет, то есть достаточно молодые, без опыта.

То есть можно сказать, что на данном предприятии отсутствует качественная кадровая политика. Чтобы турфирма работала продуктивно круглогодично, в первую очередь необходим квалифицированный персонал. Автор предлагает предусмотреть необходимые меры по стимулированию работы персонала. Например, за большой объем продаж – премии в виде путевки. Но для начала необходимо персонал направлять в наиболее популярные места отдыха для личного знакомства с местом пребывания туристов, его обычаями, достоинствами и недостатками,

чтобы презентация тура не была голословной и опиралась не только на предоставленные туроператором данные. Затем необходимо разделить обязанности менеджеров по направлениям с целью более глубокого их изучения. Итак, мотивация сотрудников является достаточно важным фактором в деятельности предприятия. Следовательно, чтобы в дальнейшем эффективно функционировать, компании «Дельта-тур» необходимо улучшать методы управления предприятием и более активно использовать инновационные методы в работе с клиентами.

На основе рассмотрения опыта работы других российских и зарубежных туристских фирм можно сказать, что достаточно хороший эффект в деятельности компаний определяется вследствие предоставления работникам привилегий:

- процент от стоимости всех проданных путевок;
- бонус за каждую реализованную эксклюзивную путевку;
- премия в виде путевки на выходные;
- публичное признание отличного работника.

Обслуживание потребителей туристских услуг не простая задача для руководства туркомпании и менеджеров, что требует внедрения в работу инновационных процессов в обслуживании клиентов, внимательности, доброжелательности и способности уговорить клиента приобрести путевку именно в этой турфирме. Персонал должен стремиться приносить доход своей компании.

Турагентство «Дельта-Тур» занимает достаточно большое по площади помещение. В качестве инновационного метода работы автором было предложено также использовать помещение фирмы в качестве выставочного зала фотографий наиболее понравившегося места отдыха туристов, что, несомненно, привлечет и заинтересует новых клиентов.

Таким образом, инновационный процесс в деятельности предприятия является и движущей силой развития общества, продуктов его деятельности. Хорошим средством привлечения внимания потребителей является предложение нового товара на рынке услуг, отличного от товара конкурентов. Главной задачей является своевременный выпуск продукта на рынок, что привлечет новых покупателей и повысит доход компании. Туризм является одной из главных отраслей сервиса, что требует новых форм и методов обслуживания клиентов.

Таким образом, следует сделать вывод, что инновационный процесс не является следствием более или менее случайных технических изобре-

тений или предпринимательских идей. На самом деле он требует стратегического планирования и управления, ориентированного на развивающийся рынок. Предметом инновационного менеджмента и является решение задач в этой сфере.

Источники

1. Новиков В.С. Инновации в туризме: учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений / В.С. Новиков. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 208 с.
2. Сервис-стратегия: управление, ориентированное на потребителя: пер. 2-го англ. изд. / Ж. Горовиц. – М.: Дело и Сервис, 2007.

М.Б. Скворцова,
Санкт-Петербург

Человеческий потенциал и инновационное развитие России

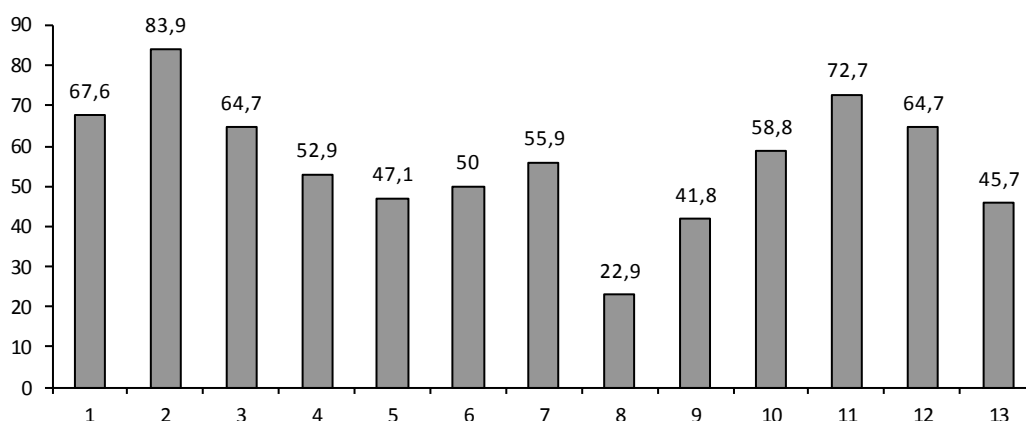
Главной фигурой при становлении инновационной экономики является творческий человек. Его потенциал служит основой генерации новых знаний, становится главным ресурсом инновационного производства, является тем системообразующим фактором, который формирует систему новых экономических отношений. Столь значимая роль творческих способностей и готовности человека к самореализации и самовыражению устанавливает сильную зависимость развития производства инноваций от развития и совершенствования самого человека. Поэтому центральной идеей активизации инновационного развития экономики должен стать акцент на человеке, как главной созидающей силе постиндустриального общества. И на первое место выходит активизация потенциала человека, личности, ее безграничных возможностей. Следовательно, необходимо создание условий для максимально возможного раскрытия и развития способностей человека.

В России остро стоит проблема нехватки людей с инновационными свойствами. Так, по нашему мнению, они должны обладать следующими качествами. К ним относятся:

- навыки адаптации, поиска информации;
- психологическая готовность к переменам;
- высокая профессиональная мобильность;
- владение современными средствами коммуникации и активное их использование;
- владение унифицированными базовыми знаниями и глубокая специализация профессиональных знаний;
- готовность и способность к постоянному приобретению новых знаний и умений, развитию профессиональных навыков, к смене профессии и вида деятельности;
- креативность, предприимчивость, ориентированность на достижение результата;
- умение работать как самостоятельно, так и в команде;

- законопослушность;
- коммуникабельность и открытость для внешних контактов;
- толерантность;
- общественная активность.

Однако, как показали результаты исследования человеческого капитала, которое было проведено Лабораторией проблем развития человеческого потенциала и воспроизводства трудовых ресурсов региона ИПРЭ РАН в 2011 году [1], в ходе которого в субъектах Северо-Западного федерального округа было опрошено 88 экспертов, включая 35 представителей реального сектора экономики, наиболее серьезной проблемой является отсутствие у людей инициативности и низкая готовность к инновация (рисунок).



1	У многих людей не выработано стремление создавать что-то новое	8	У многих нет способностей к освоению новой техники
2	Многим проще быть исполнителями, чем выдвигать идеи и отстаивать их	9	У людей не развиты способности к созданию, конструированию нового
3	Система образования не формирует потребности быть новатором	10	Система образования не развивает способностей к инновациям
4	Многие работники не умеют планировать свою деятельность	11	Даже при наличии способностей не все работники готовы к инновациям
5	Даже молодежь не всегда имеет навыки поиска информации	12	Стремление к инновациям не всегда поддерживается начальством
6	Люди часто не обладают искусством передавать свой опыт	13	У людей нет предприимчивости – свойства, необходимого для инновационной деятельности
7	Многим не хватает умения работать в команде, договариваться с людьми		

Мнение экспертов из реального сектора экономики по вопросу о том, что мешает людям быть более инициативными, творческими, работоспособными (сумма согласных и скорее согласных с данным суждением), %

Ведущая роль в формировании инновационных свойств человеческого потенциала принадлежит сфере образования. На сегодняшний день становится отчетливо понятно, что образование не заканчивается с получением диплома, а является процессом длиною в жизнь. Оно характеризуется гибкостью и многообразием содержания, средств, методов и времени обучения, что особенно актуально в условиях перехода к инновационной экономике развития. Поэтому для решения поставленной задачи необходимо использовать все формы непрерывного образования:

- формальное (в учреждениях, специально предназначенных для обучения);
- неформальное (систематизированное и целенаправленное, но без выдачи документа об образовании);
- информальное (неорганизованное, спонтанно личностное) образование.

Говоря о формировании инновационных свойств у населения, конечно, в первую очередь, хочется обратить внимание на молодое поколение, которое в силу своего возраста наиболее восприимчиво к различным видам инноваций и развитию этих качеств у себя. Безусловно, молодежь несет в себе огромный потенциал по формированию «инновационного человека».

Практика показывает, что, несмотря на активизацию деятельности государства по вовлечению молодежи в научную и инновационную деятельность, в действительности наблюдается:

- отсутствие адаптированной к современным условиям инфраструктуры по работе с молодежью;
- недостаточное внедрение новых организационных форм, экономических и социально-психологических методов управления научно-инновационной деятельностью, которые способствовали бы привлечению и закреплению молодежи в научно-инновационной сфере;
- отсутствие системы объективной диагностики и комплексного мониторинга сферы привлечения молодежи к научно-инновационной деятельности;
- недостаточное информационное обеспечение при разработке и реализации молодежной политики в вузах и регионах;
- отсутствие эффективных систем работы с молодежью на региональном уровне в научных и образовательных структурах [2].

Все это требует разработки научно обоснованных моделей и механизмов активизации научно-инновационной деятельности, привлечения и использования творческого потенциала молодежи.

Одной из важных задач активизации и использования творческого потенциала молодежи в научной и инновационной деятельности является формирование готовности к инновационно-исследовательским аспектам в профессиональной деятельности, к преобразованию, созданию индивидуального менталитета личности исследователя, а также формированию способности к самореализации на основе удовлетворения личностных, общественных и государственных потребностей.

Формирование необходимых для инновационной экономики свойств человеческого потенциала идет чрезвычайно медленно и с большими трудностями. Для ускорения данного процесса необходимо на разных уровнях социальной организации формировать (создавать) и реализовывать политику развития и эффективного использования человеческого потенциала.

Человеческий потенциал неоспоримо является движущей силой современной экономики, однако, его наличие – обязательное, но недостаточное условие для ее модернизации. Чтобы человеческий потенциал выступил в роли организационной и производительной силы, требуется создание соответствующих условий, государственная и общественная поддержка, четко обозначенные цели, задачи, перспективы, системы контроля и ответственности.

Источники

1. Человеческий потенциал для инновационной экономики / Под ред. д.э.н. С.А. Иванова; ИПРЭ РАН. – СПб, 2011.
2. Шленова М.Ю. Управление использованием творческого потенциала молодежи в научно-инновационной сфере: Автореф. на соиск. уч. ст. к.э.н. – М., 2009.

М.В. Степанова,
Тюмень

Инновационный потенциал как фактор повышения конкурентоспособности региона*

В рамках возрастающей роли инновационного потенциала в целях развития экономики региона инновационная политика Тюменской области направлена на повышение конкурентоспособности экономики региона, социально-экономическое развитие области и повышение уровня жизни её населения за счёт развития научной, научно-технической и инновационной деятельности [5].

По уровню инновационного потенциала региона, который традиционно выражается в инновационных проектах, материальных и нематериальных ресурсах и сложившейся инфраструктуре, Тюменская область занимает срединное место в разрезе регионов УрФО (табл. 1) [7].

Так, по затратам на одного исследователя Тюменская область занимает первое место в УрФО, по численности аспирантов – второе; по таким показателям, как количество инновационных организаций, численность персонала, занятого исследованиями и разработками, внутренние затраты на исследования и число вузов, область занимает предпоследнее место в УрФО [7].

В разрезе субъектов Тюменской области по данным показателям, характеризующим научно-технический потенциал, лидером является юг области, но характер динамики – отрицательный. В то же время ситуация выравнивается и в северных округах имеется положительный тренд [7]. Можно заключить, что отставание нефтегазодобывающих провинций по уровню и реализации инновационного потенциала понемногу преодолевается. Но по-прежнему сохраняется основная проблема – низкие темпы роста и невысокий уровень конкурентоспособности региона. Последнее обстоятельство особенно актуализировано вступлением России в ВТО. Мы должны будем конкурировать на равных с развитыми странами, а рычагов роста конкурентоспособности становится все меньше.

* Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РГНФ, проект №12-03-00304.

Таблица 1. Научно-технический потенциал УрФО, 2011 г.

Показатели	Тюменская область	Свердловская область	Курганская область	Челябинская область
Количество организаций, выполняющих исследования и разработки	59	113	14	58
Удельный вес организаций, выполняющих исследования и разработки, в общем числе организаций	0,06	0,06	0,08	0,06
Персонал, выполняющий исследования и разработки, тыс. чел.	6,75	20,91	0,71	15,22
Внутренние затраты на исследования и разработки, млн. руб.	6226,3	15533,5	218,7	12430,4
Внутренние затраты на исследования и разработки в расчете на одного исследователя, тыс. руб.	922,4	742,9	308,0	816,7
Внутренние затраты на исследования и разработки в расчете на одну организацию, млн. руб.	105,53	137,46	15,62	214,32
Число высших учебных заведений	17	31	4	18
Численность аспирантов, чел.	2885	3363	343	2622

Тем не менее с точки зрения документов – все хорошо. Согласно принятой Концепции долгосрочного социально-экономического развития Тюменской области до 2020 года и на перспективу до 2030 года, регион ориентирован на инновационное развитие ведущих отраслей промышленности. Реализация Концепции области согласуется с Концепцией развития Уральского федерального округа до 2020 г., принятой в 2011 г. Основной отраслью промышленности Тюменской области продолжает оставаться нефтегазохимическая [7]. Развитие отраслей ТЭК вписывается в общую стратегию социально-экономического развития Тюменской области.

Модернизация и развитие традиционной отрасли региона заявлены через введение современных инновационных технологий, позволяющих повысить уровень конкурентоспособности продукции до международных стандартов. Этому должны способствовать следующие мероприятия.

- Создание особой экономической зоны в Тобольске, направленной на формирование разнопрофильных нефтегазохимических производств глубокой переработки на Тобольском нефтехимическом комбинате в соответствии с программой ОАО «Сибур Холдинг». Плановая установка промышленных мощностей компанией ООО «Тобольск-Полимер» совместно с Правительством Тюменской осуществляется на территории ООО «Тобольск-Нефтехим» [1].

- Компания ТНК-ВР, при поддержке Правительства Тюменской области, реализует инвестиционный проект «Обеспечение развития нефтедобывающего комплекса в Тюменской области путем вовлечения в разработку трудноизвлекаемых запасов на истощенных месторождениях Тюменской области, запасов углеводородов в Уватском районе и внедрения новых технологий». Целью данного проекта является развитие инфраструктуры для рациональной разработки месторождений углеводородов Уватской группы [1].

Реализация целевой программы «Основные направления развития минерально-сырьевого и топливно-энергетического комплексов Тюменской области» на 2012–2014 годы в целях развития, рационального использования минерально-сырьевой базы и охраны недр Тюменской области [1].

ГБУ ТО «Западно-Сибирский инновационный центр» продолжает создание новых технологий и высокотехнологичной продукции различных отраслей. В настоящее время в Бизнес-инкубаторе развиваются порядка 40 инновационных проектов [3]. Однако реальные экономические результаты проектов пока весьма скромны.

Государство оказывает существенную помощь инновационным компаниям. В 2012 году на оказание государственной поддержки реальному сектору экономики, включая малый и средний бизнес, из областного бюджета направлено 7,4 млрд. рублей, в том числе на создание Центра формирования инновационных компетенций и коммерциализации технологий – 1,4 млн. руб. в целях поддержки малых и средних предприятий, реализующих инновационные проекты и внедряющих технологические инновации в различных отраслях экономики [2]. Реализуется инвестиционный проект «Основные направления развития малого и среднего предпринимательства в Тюменской области» на 2012–2014 годы, целью которого является повышение роли малого и среднего предпринимательства в развитии конкурентной экономической среды области [5]. Тем не менее реальная активность на уровне организаций продолжает снижаться. В Тюменской области инновационная деятельность ведется небольшим количеством организаций, число которых сократилось с 2002 по 2011 г. Наблюдается также спад численности персонала в ХМАО и ЯНАО, создание производственных технологий в области, выдача патентных заявок на фоне роста их поступления (табл. 2) [7].

Таблица 2. Инновационно-активные организации Тюменского региона

Показатели	Регион	2000	2002	2003	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
1	2	3	5	6	8	9	10	11	12	13	14
Число организаций, выполняющих исследования и разработки	Тюменская область	58	62	59	54	56	56	54	50	50	59
	ХМАО	13	13	16	17	11	11	10	9	9	13
Персонал, занятый исследованиями и разработками	ЯНАО	5	6	5	4	5	3	3	1	2	5
	Тюменская область	4935	5271	5398	5488	6147	7605	6883	6923	7160	6750
Поступления патентных заявок и выдача охраняемых документов	ХМАО	1085	1569	2067	2269	2192	3266	2634	2641	1958	1876
	ЯНАО	209	135	106	98	111	100	85	4	16	46
Затраты на технологические инновации, млн. руб.	Тюменская область				350/277					328/301	348/248
	ХМАО				57/43					82/63	91/58
Объем инновационной продукции, млн. руб.	ЯНАО				26/18					47/39	32/6
	Тюменская область	1388,4	4206,9	5312,6	1970,7	18746,1	19399	22742	23380	29208,5	33700,8
Число созданных передовых производственных технологий	ХМАО	486,9	3712,8	4392,5	811,1	16938,2	18146	18505	20155	21002,3	26440,2
	ЯНАО	72,4	362,7	840,3	987,8	1618,6	777,4	3855,1	2764,3	7826,9	4171,5
Число созданных передовых производственных технологий	Тюменская область	5394,7			4089,2		14520	17847	11822	27968	73798,9
	ХМАО	3813,4			267,3		9807	13698	8377,3	17890,2	59617,9
Число созданных передовых производственных технологий	ЯНАО	192,9			2433,7		997,5	1869,1	1462,4	7289,3	10016,3
	Тюменская область	25	87	93	31	34	20	13	12	11	9
Число созданных передовых производственных технологий	ХМАО	1	10	18	11	9	4				
	ЯНАО					2	4	5	1	1	4

Согласно статистическим данным, средний уровень инновационной активности организаций Тюменской области несколько отстает от уровня всего УрФО. Однако с 2009 года инновационный потенциал начал расти в разрезе всех трех регионов Тюменской области, лидером является ЯНАО. На фоне значительного роста затрат на инновации, удельный вес отгруженных инновационных товаров остается низким, что свидетельствует о недостаточной результативности. По удельному весу инновационных организаций в 2010–2011 годах лидирует ЯНАО, однако по затратам и выпуску инновационной продукции округ несколько отстает от соседних областей [7].

Говоря об институциональных инновациях Тюменской области, которые связаны с формированием новых экономических институтов и социально-экономических отношений по поводу инфраструктуры, можно сделать следующие выводы.

В Тюменской области с 2000 г. растет число населения, занятого предпринимательской деятельностью. Так, количество учтенных организаций в 2011 г. по сравнению с 2000 г. возросло в 1,4 раза, число малых предприятий по всем видам экономической деятельности продолжало возрастать на протяжении рассматриваемого периода: в 2011 г. основная часть организаций области является частной собственностью. Темпы приватизации в области сокращаются (табл. 3) [7].

Таблица 3. Институциональные инновации в Тюменском регионе

Показатели	2000	2005	2008	2009	2010	2011
Число учтенных организаций, ед.	69319	95126	100251	100145	96928	96747
Число малых предприятий, ед.	12500	14500	21400	36100		59800
Число зарегистрированных крестьянских (фермерских хозяйств), ед.	2912	2195				
Число приватизированных организаций, ед.	72	44	16	14	3	6
Число приватизированных квартир, тыс.	17,8	30,8	17,6	34,7	21,6	9

Субъективную оценку инновационной активности населения можно выразить через ответы на вопрос об участии за последний год в создании новшеств (новая фирма, новый продукт, новая технология, новая услуга). Данные представлены в таблице 4.

В Тюменской области 3% считают себя активными инноваторами, среди субрегионов незначительно лидирует ЯНАО в рамках участия в инновациях наравне с другими. Максимальное количество населения участвовало как организаторы в создании новой фирмы. В создании нового продукта, новой технологии и новой услуги инноваторы участвовали

Таблица 4. Группы населения Тюменской области по их участию в инновациях (2013 г., % от числа опрошенных)

Регион	Новая фирма					Итого
	Участвовал как организатор	Участвовал наравне с другими	Не участвовал	Затрудняюсь ответить	Отказ от ответа	
Юг ТО	3	2	70	13	11	100,0%
ХМАО	3	1	74	11	11	100,0%
ЯНАО	4	1	65	14	16	100,0%
Тюменская область	3	2	71	12	12	100,0%
Новый продукт						
Юг ТО	1	3	70	13	14	100,0%
ХМАО		4	72	10	12	100,0%
ЯНАО	3	4	62	13	18	100,0%
Тюменская область	2	3	69	12	14	100,0%
Новая технология						
Юг ТО	1	3	70	12	14	100,0%
ХМАО	1	3	72	11	13	100,0%
ЯНАО	2	4	64	14	17	100,0%
Тюменская область	1	3	70	12	14	100,0%
Новая услуга						
Юг ТО	2	4	68	13	13	100,0%
ХМАО	2	4	69	12	13	100,0%
ЯНАО	3	5	62	14	17	100,0%
Тюменская область	2	4	68	12	14	100,0%

наравне с другими. В целом доля инноваторов Тюменской области низка, основная часть населения не принимает участия в создании новшеств.

При этом, анализируя факторы, которые влияют на инновационную активность населения, можно сделать следующие выводы.

Чем выше уровень образования и осведомленности населения, тем выше доля участия в инновациях. Так, процент принимавших активное участие в создании новой фирмы с высшим образованием составил 5,5, с послевузовским – 4,3, без образования – 1,3. Аналогичная тенденция происходит в создании нового продукта, новых технологий и услуг.

Различия наблюдаются и по возрастным группам. К примеру, новые фирмы организуют люди в возрасте 25–29 лет. Новый продукт создается очень невысоким процентом людей 25–34 и 40–44 лет. Однако в совместном создании нового продукта участвовало большее количество населения, в основном в возрасте 30–34 лет и 40–44 лет. Новые технологии также преимущественно создаются совместно, причем населением среднего возраста. Новые услуги разрабатываются в основном совместно, возраст

инноваторов составляет 25–39 лет. При этом основная часть населения не принимает участия в инновациях.

Анализируя оценки населения по поводу степени помощи или противодействия от других лиц при создании каких-либо новшеств, следует отметить, что новым фирмам поддержка оказана в основном в виде кредита либо на уровне друзей; новый продукт помогала создавать администрация; новую технологию – друзья либо администрация (табл. 5). Суммарный уровень поддержки достаточно существенный. Например, отказ в кредите встречали в среднем 3–6%. Это уровень, который можно считать хорошим даже для самых развитых стран. Однако нет оснований однозначно говорить об эффективности такой поддержки.

Таблица 5. Поддержка или противодействие при внедрении новшеств
(% от числа ответивших)

Варианты ответов	Новая фирма	Новый продукт	Новая технология	Новая услуга
Поддержка кредитом	28	14	13	14
Поддержка администрации	10	24	24	19
Поддержка друзей	30	19	30	26
Противодействие конкурентов	9	11	11	11
Противодействие чиновников	5	9	7	4
Не встречал ни поддержки, ни противодействия	15	19	26	22
Отказ в кредите	6	8	10	5
Затрудняюсь ответить	3	6	3	3
Отказ от ответа	33	35	21	25
Всего	138	144	145	129

Рассчитанный нами индекс инновационности продукции региона свидетельствует о том, что Тюменская область отстает от своих соседей по УрФО (табл. 6) [6].

Таблица 6. Индекс инновационности продукции региона, 2011 г.

Регион	Удельный вес инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции			Индекс инновационности продукции региона (Иип)
	2009	2010	2011	
УрФО	2,1	2,2	2,7	2,3
Свердловская область	8,0	5,8	5,8	6,5
Курганская область	7,7	3,8	3,2	4,9
Челябинская область	2,6	2,4	3,0	2,7
Тюменская область				
В том числе:	0,4	0,9	1,8	1,0
ХМАО	0,5	0,9	2,2	1,2
ЯНАО	0,3	1,4	1,5	1,0

Вышеизложенный анализ позволяет сделать вывод о невысоких темпах развития инновационной деятельности в Тюменской области, а также о низком участии населения в инновационной деятельности. Продолжает оставаться низким уровень эффективности инфраструктуры поддержки инновационной деятельности.

Стратегия «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологии на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу» предусматривает переход Российской Федерации к 2020 году на мировой уровень исследований и разработок на направлениях, определенных национальными научно-технологическими приоритетами [4]. Тем не менее, реальных сдвигов в сторону модернизации производственной, инфраструктурной, продуктивной и институциональной сферы в регионе не наблюдается. Уровень конкурентоспособности региона определяется в первую очередь не инновационными факторами, а по-прежнему нефтегазодобывающим сектором. Изложенные выше мероприятия имеют существенное материально-экономическое обеспечение, но не подтверждаются реальной активностью на уровне экономических агентов (как населения в целом, так и субъектов экономической деятельности). При этом обновление оснащенности сектора происходит крайне медленно и не соответствует задачам и темпам модернизации экономики России.

Источники

1. Информация о состоянии и перспективах развития ТЭК Тюменской области // Официальный портал органов государственной власти Тюменской области. Экономика и финансы / ТЭК. URL: http://admtymen.ru/ogv_ru/finance/fuel-energy/more.htm?id=10293013@cmsArticle
2. Информация о ходе исполнения Регионального соглашения между Правительством Тюменской области, Тюменским межрегиональным объединением организаций профсоюзов «Тюменский областной совет профессиональных союзов» и Региональным объединением работодателей «Союз работодателей Тюменской области» на 2011–2013 годы по состоянию на 1 января 2013 года. URL: <http://www.admtymen.ru>
3. Организация деятельности ГБУ ТО «Западно-Сибирский инновационный центр» // Официальный портал органов государственной власти Тюменской области. URL: http://www.admtymen.ru/ogv_ru/finance/innovation/technopark.htm
4. Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. – URL: http://www.rfbr.ru/rffi/ru/announcement/o_36893
5. Официальный портал органов государственной власти Тюменской области/ Экономика и финансы/ Инновации. URL: http://admtymen.ru/ogv_ru/finance/innovation.htm
6. Рассчитан нами по методике Лапина Н.И., Беляевой Л.А. / Программа и типовый инструментарий «Социокультурный портрет региона России», 2010. – С. 52, 53.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: Стат. сб. / Росстат. М., 2012. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/Main.htm

Т.В. Ускова,
г. Вологда

Инновации – главный фактор модернизации и конкурентоспособности экономики

Глобализация мировой экономики, усиление конкуренции между государствами переводят задачу модернизации политической системы России, экономики и общества в разряд наиболее актуальных. Суть стратегии модернизации состоит в создании механизмов, которые обеспечат инновационное развитие страны на базе использования конкурентных преимуществ. Для того чтобы воспользоваться этими преимуществами, необходимо формировать институциональную среду, благоприятную для развития бизнеса и некоммерческих организаций, нацеленных на производительную деятельность по созданию общественного богатства, а не на его перераспределение [1, 4].

Успешное решение задачи модернизации экономики позволяет обеспечивать устойчивое социально-экономическое развитие, повышение благосостояния населения и тем самым определяет уровень конкурентоспособности страны на мировой арене. Чтобы решить данную задачу, требуется добиться высоких темпов устойчивого экономического роста как на уровне стран, так и регионов.

Вопрос роста является весьма острым для российской экономики. В 2012 г. экономика России выросла на 3,4%. Однако этот показатель был обеспечен в основном за счёт хорошего старта в первой половине года. Если в первом квартале 2012 года рост ВВП составил 4,8%, то в четвёртом – 2,1%, а по итогам первого квартала 2013 года – только 1,1%. Как результат, Минэкономразвития пересмотрело прогноз по росту экономики на 2013 год, понизив его до 2,4% ВВП. Это ниже, чем рост мировой экономики [3].

В начале 2012 года В.В. Путин, будучи ещё премьер-министром, поставил перед Правительством РФ задачу достижения таких темпов роста экономики, которые превзошли бы мировые. Причем, по его мнению, «нужно умножать не просто физические объемы ВВП, а наполнить развитие новым качеством».

Уже в должности Президента РФ, выступая 12 декабря 2012 года с Посланием к Федеральному Собранию, В.В. Путин вновь подчеркнул: «Однобокая сырьевая экономика ... не просто уязвима для внешних шоков. Главное, она не обеспечивает развитие и востребованность человеческого потенциала, не способна дать большей части нашего народа возможность найти применение своим силам, талантам, труду, образованию, а значит, по определению, порождает неравенство. И, наконец, резервы сырьевой модели исчерпаны, тогда как интересы развития России требуют ежегодного роста не менее 5–6% ВВП в ближайшее десятилетие» [2].

В то же время решить задачу, поставленную Президентом России, экономическое руководство страны пока не может. Напротив, во II квартале 2013 г. роста экономики практически не было. Этот факт стал одной из главных причин снижения Центробанком России прогнозных значений роста ВВП страны по итогам текущего года до 2%. По мнению специалистов Банка России, сдерживающее влияние на российскую экономику может оказать снижение в первом полугодии цен на нефть. Они также отмечают, что из-за снижения деловой активности в еврозоне отечественная экономика не сможет получить достаточный стимул в краткосрочном периоде. В ЦБ полагают, что только в 2014 г., когда действия перечисленных факторов начнут ослабевать, ожидается постепенное восстановление темпов роста [5].

Отсутствие роста ВВП в условиях высоких мировых цен на нефть — свидетельство низкой эффективности сырьевой экономики, а следовательно, и остроты проблемы поиска путей роста экономики, способных обеспечить модернизацию производства и качественные перемены в экономике.

Принципиально важны эти проблемы и для регионов, входящих в состав Северо-Западного федерального округа, в числе которых Вологодская область, где проблема модернизации промышленных предприятий является весьма острой. Так, судя по результатам опроса руководителей промышленных предприятий¹, о необходимости частичной модернизации заявили 63% опрошенных, а коренной модернизации — 27%. Проведение частичной модернизации запланировано на 58% предприятиях; в то же время 17% предприятий не имеют средств даже на частичную модернизацию.

¹ Данные ежегодного опроса руководителей промышленных предприятий Вологодской области, проводимого ИСЭРТ РАН.

Модернизация промышленности предполагает ее подтягивание до современных стандартов, которые задаются странами-лидерами технологического прогресса на основе создания и внедрения инноваций. Однако на этом на пути слишком много препятствий. И главное из них, по мнению большинства руководителей предприятий, – недостаток собственных денежных средств (62%). Половина руководителей указывает на высокую стоимость нововведений, треть – на недостаток финансовой поддержки со стороны государства, четверть – на высокий экономический риск, 20,7% – на длительные сроки окупаемости нововведений. Примечательно, что 14,1% респондентов считают сдерживающим фактором низкий платежеспособный спрос на новые продукты.

Судя по результатам опроса руководителей промышленных предприятий, инновационную деятельность осуществляют только на 40% из них. Несмотря на то, что 75% респондентов внедрение инноваций необходимо для опережения конкурентов, лишь 19,4% из них уверены, что потребители ожидают от них появления инновационных продуктов. А доля тех, кто считает, что обойти зарубежных партнеров можно с помощью инновационной деятельности, составляет только 2,8%.

Осуществлять инновационную деятельность руководителям предприятий мешают также такие производственные факторы, как низкий инновационный потенциал организации (33,7%), недостаток квалифицированного персонала (31,5%). При этом невосприимчивость организаций к нововведениям называли в числе препятствий для инновационной деятельности лишь 15,2%. Под влиянием растущих сложностей доля инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции сократилась в 2011 г. по сравнению с 2007 г. на 3,8 п.п. (до 3,7%; табл. 1).

Таблица 1. Объем отгруженной инновационной продукции Вологодской области, млрд. руб. (в ценах 2011 г.)

Уровень новизны	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2011 г. к 2007 г., %
Всего отгружено	23,8	23,4	6,1	4,2	10,7	45,0
Продукция, вновь внедренная или подвергавшаяся значительным технологическим изменениям	4,0	21,4	2,1	1,7	6,3	156,7
Продукция, подвергавшаяся усовершенствованию	19,8	2,0	4,0	2,5	4,4	22,3
Доля инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции, %	7,5	6,2	2,6	1,6	3,7	-3,8 п.п.

В результате относительно высокий уровень инновационной активности предприятий Вологодской области отмечен лишь в производстве машин и оборудования, текстильном и швейном производстве, производстве электронного, оптического и электрооборудования. Уровень инновационной активности остальных предприятий крайне низок (табл. 2).

Таблица 2. **Уровень инновационной активности обрабатывающих производств Вологодской области, % к итогу**

Виды производств	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	Изменение за 2007–2011 гг., п.п.
Российская Федерация	11,1	11,5	11,9	11,5	н/д	–
Вологодская область	10,0	12,9	10,0	12,9	11,4	+1,4
Производство пищевых продуктов, включая напитки	10,0	12,9	10,0	12,9	11,4	+1,4
Текстильное и швейное	18,2	42,9	40,0	25,0	–	–
Обработка древесины и производство изделий из дерева	4,5	14,3	9,1	3,4	6,3	+1,8
Целлюлозно-бумажное	2,9	–	–	2,9	–	–
Химическое	16,7	20,0	40,0	40,0	40,0	+23,3
Прочих неметаллических минеральных продуктов	8,3	8,3	–	7,7	8,3	–
Металлургическое и производство готовых металлических изделий	15,0	23,8	10,0	9,5	21,1	+6,1
Машин и оборудования	10,5	27,3	14,3	12,0	17,6	+7,1
Электрооборудования, электронного и оптического оборудования	16,7	14,3	25,0	14,3	25,0	+8,3
Прочие производства	15,4	18,2	33,3	20,0	25,0	+9,6

Усугубляют ситуацию и вызывают все более возрастающую тревогу такие тенденции, как:

- сокращение численности работников, выполняющих научные исследования и разработки на промышленных предприятиях;
- низкая доля организаций обрабатывающих производств, занятых научными исследованиями и разработками;
- крайне малое число созданных ими передовых производственных технологий.

Заметим, что и в других регионах ситуация складывается аналогичным образом. В 2011 г., по данным государственной статистики, менее 12% обследованных организаций регионов, входящих в Северо-Западный федеральный округ, осуществляли инновационные мероприятия; в целом по России этот показатель не достигал и 11% (табл. 3).

Таблица 3. Инновационная активность организаций в регионах СЗФО РФ в 2000–2011 гг., %

Регион	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	Изм. 2011–2000 гг., п.п.
г. Санкт-Петербург	8,9	12,7	14,1	13,1	12,5	14,0	13,0	18,9	+10,0
Псковская область	10,3	9,5	10,6	9,8	6,2	8,7	9,6	10,0	-0,3
Архангельская область	6,3	8,4	8,6	9,9	8,0	8,8	9,0	9,3	+3,0
Вологодская область	11,0	8,4	8,9	8,3	9,8	7,6	7,4	9,3	-1,7
Республика Карелия	1,7	5,6	6,1	5,8	6,1	5,3	6,6	9,2	+7,5
Ленинградская область	4,1	6,9	8,8	6,7	5,6	8,6	9,4	9,1	+5,0
Мурманская область	7,9	13,5	12,3	8,0	7,9	7,6	9,7	8,5	+0,6
Новгородская область	9,2	9,9	10,2	8,9	10,3	9,7	8,7	7,5	-1,7
Республика Коми	5,5	7,1	8,1	8,1	9,7	6,3	7,5	6,1	+0,6
Калининградская область	13,1	4,6	14,1	10,1	5,1	5,5	3,2	3,3	-9,8
СЗФО	7,7	9,4	11,0	9,8	8,9	9,5	9,4	11,2	+3,5
РФ	8,8	9,7	9,9	10,0	9,4	9,3	9,5	10,4	+1,6

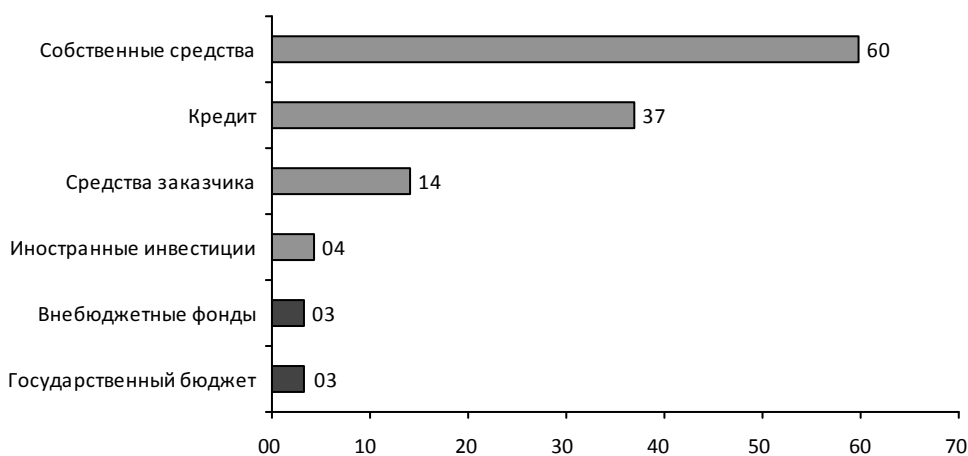
Весьма негативным видится также высокий уровень затрат на приобретение новых машин и оборудования по сравнению с затратами на исследования и разработки новых продуктов, а также на производственное проектирование (табл. 4). Этот факт свидетельствует о том, что предприятия предпочитают покупать новые продукты и технологии, не развивая собственную исследовательскую базу.

Таблица 4. Затраты на технологические инновации в Вологодской области, млн. руб. (в ценах 2011 г.)

Затраты	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2011 г. к 2007 г., %
Всего	4210,8	2408,3	3451,4	1885,0	6727,4	159,8
Исследования и разработки новых продуктов	78,0	140,2	113,6	99,1	67,2	86,2
Приобретение новых машин и оборудования	2578,7	1935,9	3004,8	1574,0	6580,0	в 2,6 р.
Приобретение новых технологий	22,7	73,9	19,5	41,7	44,0	193,7
Приобретение программных средств	1,4	3,6	0,2	0,5	17,0	в 12,1 р.
Производственное проектирование	251,4	165,9	82,4	7,0	–	–
Обучение и подготовка персонала	21,7	0,2	0,5	0,5	0,3	1,3
Маркетинговые исследования	2,1	2,5	2,7	–	–	–
Прочие затраты	1254,8	86,3	227,7	161,1	18,8	1,5

Несмотря на то, что создание и внедрение инноваций является весьма затратным, большинство промышленных предприятий региона не участвуют в современных программах построения инновационной экономики.

Сделать такой вывод позволяют данные опроса. Так, средства бюджета и внебюджетных фондов в качестве источника финансирования инновационной деятельности использовались лишь 3,3% опрошенных. В основном на эти цели направлялись собственные средства (59,8%), кредиты (37%) и средства заказчика (14%) (рисунок).



Источники финансирования инновационной деятельности в Вологодской области в 2011 г., % от числа ответивших

Основные причины такого положения дел видятся прежде всего в отсутствии у предприятий информации о возможностях участия в государственных программах поддержки инновационной деятельности, а также в несовершенстве проводимой экономической политики.

Таким образом, без изменения экономической политики государства ожидать существенного повышения конкурентоспособности экономики в ближайшей перспективе преждевременно. Перспективы модернизации промышленных предприятий и обеспечения на этой основе устойчиво высоких темпов экономического роста остаются сомнительными.

Источники

1. Гулин К.А., Ускова Т.В. Особенности формирования социально-экономического пространства в контексте процессов модернизации // Модернизация России: социально-гуманитарные измерения / под рук. акад. Н.Я. Петракова; РГНФ; РАН. – М.; СПб.: Нестор-История, 2011. – С. 305-346.
2. Полный текст Послания В.В. Путина к Федеральному Собранию 12 декабря 2012 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/17118>
3. Совещание по экономическим вопросам // Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://президент.рф/%D0%B2%D1%8B%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F/17947>
4. Ускова Т.В. В центре внимания – проблемы модернизации экономики и общества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 5 (17). – С. 24-32.
5. ЦБ прогнозирует рост ВВП России в 2013 году на уровне около 2% [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bfm.ru/news/225594?doctype=news>

Ю.Ф. Шафигуллина,
Вологда

Имиджевая составляющая конкурентоспособности муниципального образования

Имидж муниципального образования – один из факторов его инвестиционной привлекательности. Он складывается в сознании потенциальных потребителей, поэтому возрастает необходимость управления имиджем как стратегическим фактором конкурентоспособности на внутреннем и на внешнем рынке геопродуктов. Маркетинг геопродукта направлен на обеспечение конкурентных преимуществ территории в условиях растущей глобализации мирового сообщества. Для выявления наиболее эффективных способов продвижения с оптимальным использованием имеющихся ресурсов необходимо всестороннее изучение потенциала города. Основная цель маркетинга территории – улучшение благосостояния и условий жизни местного населения, которое и является основным потребителем территории.

Цель исследования состоит в анализе подходов к формированию благоприятного имиджа г. Вологды, а также рассмотрении особенностей маркетинга территории.

Поставленная цель предопределила необходимость решения следующих задач:

- изучить рынок потенциальных потребителей города (частных и деловых);
- осуществить комплексный анализ территории;
- проанализировать модель формирования имиджа г. Вологды;
- рассмотреть концепции улучшенного имиджа города.

Практическая значимость работы заключается в её большом познавательном значении, исследовании тенденций и перспектив улучшения благосостояния города путём формирования имиджа. Полученные выводы помогут определить условия создания комфортного для населения и бизнес-среды имиджа.

Проблемам использования имиджа территории для повышения конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности регионов в настоящее время посвящено крайне немного разработок. Среди

русских исследователей можно выделить А.П. Панкрухина («Муниципальное управление: маркетинг территории»), И.П. Чёрную («Маркетинг имиджа как стратегическое направление территориального маркетинга»), Е.З. Яшину («Формирование имиджа организации как ресурса повышения конкурентоспособности региона», «Имиджевые факторы, влияющие на инвестиционную привлекательность города»).

Имидж складывается на основе информации, поступающей из трёх источников – одного «объективного» (характеристики территории, отражающие объективную действительность) и двух «субъективных» (личный опыт, личное представление о территории, с одной стороны, и чужие мнения, стереотипы и слухи о территории – с другой) [1]. Причём, как правило, подразумевается, что имидж города – это представления о нем, формирующиеся за его пределами.

Основных потребителей города можно разделить на две большие группы: деловые и частные (розничные) (табл. 1).

Таблица 1. Потребители геопродукта

Частные потребители	Местные органы власти (продавцы)	Деловые потребители
Местное население		Предприниматели
Экономически активное население других регионов		Существующие и потенциальные инвесторы
Туристы		Государственные чиновники и политики

Можно выделить совокупность факторов, которые характеризуют деловых и частных потребителей города (табл. 2).

Таблица 2. Факторы, характеризующие потребителей города

Факторы	Частные потребители	Деловые потребители
Цель потребления	Получение удовлетворённости от жизни на территории	Получение прибыли
Мотивы, определяющие выбор геотовара	Возможность улучшения качества жизни; привычки и привязанности	Возможность получения прибыли; привычки и привязанности; престиж
Стоимость геотовара	Расходы потребителей	Стоимость факторов производства на данной территории; уровень налогов и других выплат в бюджет
Состав потребителей	Местное население, население других местностей, туристы	Местные и иностранные предприниматели и инвесторы; политики
Средства привлечения внимания	Широкая массовая реклама	Специализированная пресса и точечные коммуникации

Для частных потребителей стоимость геотовара определяется уровнем благ, потребляемых и накапливаемых ими в течение жизни, или, другими словами, стоимостью жизни на данной территории. Житель города оценивает его привлекательность по возможностям удовлетворения в нем своих потребностей в сравнении с возможностями, предоставляемыми другими городами. Для жителя города важным экономическим показателем будет уровень доходов и расходов, которые определяются средней заработной платой и средней стоимостью основных товаров и услуг для населения с учетом налогов. Следовательно, города конкурируют по стоимости жизни (расходы на проживание). Кроме того, чем выше качество жизни на территории, тем выше стоимость геопродукта. Качество жизни обеспечивается возможностями удовлетворения личных потребностей населения в сфере безопасности жизни и потребностей в признании, уважении и самовыражении, которые не определяются только доходами.

Для деловых потребителей геотовара его стоимость определяется уровнем расходов на ведение деловых операций в городе (включая налоги и другие выплаты в бюджет). Привлекательность города будет зависеть не только от стоимости геотовара, но и от возможностей получения доходов от операций на данной территории. Таким образом, деловые потребители будут ориентироваться на объём прибыли, которую они могут извлечь из операций на территории города.

Выделение четырёх потенциалов позволяет осуществлять комплексный анализ территории, поскольку её имидж является производной от её потенциала (рисунок).

Формирование благоприятного имиджа города преследует следующие основные цели:

- поддерживать уверенность местного населения в том, что оно проживает в благоприятной местности, что позволяет ему пользоваться определёнными преимуществами, которые предоставляет город;
- привлечь к проживанию в городе экономически активное население из других регионов;
- привлечь туристов (как отечественных, так и иностранных);
- убедить существующих и потенциальных предпринимателей в необходимости развития и организации бизнеса на территории города для повышения налоговых поступлений в городской бюджет;
- убедить существующих и потенциальных инвесторов в выгоды вложения средств в развитие коммерческой и некоммерческой сферы городского хозяйства и социально-культурной среды.



Составляющие потенциала территории

Правильная оценка имиджа города способствует его развитию и укреплению. Чтобы создать правильный и позитивный имидж территории, необходимо использовать следующие основные принципы: соответствия внешней формы внутреннему содержанию, правдивости и простоты, позитивной привлекательности, исключительности. Управление имиджем включает создание ценностей территории в сознании потребителя, выбор способов и средств их представления потребителю, поддержание их на определённом уровне посредством использования различных средств коммуникации и регулярный контроль состояния имиджа.

Можно выделить 4 основных фактора, которые способствуют созданию имиджа, которыми следует управлять для получения запланированного результата: визуальный компонент, поведенческий, коммуникативный и событийный. Предлагается выделять контролируемые и неконтролируемые факторы формирования имиджа. К контролируемым факторам можно отнести деятельность администрации города, которая влияет на его имидж. К неконтролируемым относят факторы внешней среды, которые не могут полностью контролироваться администрацией: информация

в неконтролируемых СМИ, содержание выступлений независимых чиновников, политиков и людей паблисити, формы самоорганизации населения и т.п. Имидж может формироваться целенаправленно или посредством социальной самоорганизации. Целенаправленное управление имиджем играет важнейшую роль в формировании привлекательности города для потенциальных потребителей.

SWOT-анализ города Вологды показал, что в число его слабых сторон входит отсутствие имиджа города как комфортного для жизни и ведения бизнеса [2].

Концепция улучшенного имиджа Вологды подразумевает такие характеристики, как:

- эффективное управление городом;
- здоровый город; спортивный город;
- благоустроенный город;
- удобный город;
- безопасный город;
- обеспеченный город;
- торговый город;
- информационно открытый город;
- площадка инноваций.

В рамках предлагаемых мероприятий по улучшению имиджа города можно выделить такое, как создание управления городского маркетинга, основными задачами которого являются: увеличение узнаваемости города; продвижение города как центра для бизнес-туризма и инвестиций; повышение уровня информированности потребителей города; координация усилий всех заинтересованных сторон по развитию привлекательного имиджа города.

Финансирование работы управления должно осуществляться на основе целевой программы по развитию имиджа города, а также за счёт источников самофинансирования и спонсорских взносов предпринимателей.

Источники

1. Визгалов Д. Маркетинг города. — М.: Фонд «Институт экономики города», 2008.
2. Стратегия комплексной модернизации городской среды муниципального образования «Город Вологда» на период до 2020 года «Вологда — комфортный город».

Л.С. Шеховцева, Ю.Р. Бычкова, Е.В. Тяпушова,
Калининград

Многоуровневая система интегральной оценки конкурентоспособности регионов

Концепция конкурентоспособности постоянно находится в центре внимания ученых, политиков и предпринимателей. В связи с процессом глобализации и регионализации концепция конкурентоспособности стран и регионов, городов стала инструментом политики.

Как свидетельствует зарубежный опыт, страны, показавшие устойчиво высокие темпы экономического роста за последние сорок лет, достигли их, в большинстве случаев, за счет опережающего роста нескольких регионов. В свою очередь, эти регионы достигли таких результатов благодаря успешной и активной деятельности входящих в них муниципальных образований [1].

В рамках Гайдаровского форума—2012 состоялась международная конференция «Россия и мир: 2012—2020», на которой первый заместитель Председателя Правительства РФ Игорь Шувалов в числе приоритетов, которые должны будут решать страна и ее руководство, выделил оптимизацию стратегий пространственного развития, что подразумевает:

- стимулирование конкуренции территории за инвестиции и трудовые ресурсы;
- обеспечение автономии каждого уровня власти, его возможности самостоятельно определять цели собственного развития и средства их достижения за счет расширения доходной базы территорий и муниципальных образований, повышение их ответственности за реализацию собственных полномочий;
- повышение прозрачности и оптимизация межбюджетных отношений (сокращение типов дотаций, субсидий и субвенций, стимулирование бездотационности региональных столиц за счет конкурентных субсидий на развитие) [3].

На этом же форуме говорилось о необходимости делегирования полномочий субъектам РФ, что является серьезным шагом в сторону упрощения развития бизнеса и, соответственно, конкурентоспособности всей экономики России.

В настоящее время вопросы взаимоотношений органов государственной власти и местного самоуправления по поводу разграничения полномочий весьма актуальны. Одна из причин – неэффективность для современных условий сформировавшейся за годы реформ системы. Преобладание выравнивающей функции не отвечает условиям современного социально-экономического развития страны. Перераспределение полномочий усилит ответственность регионов и муниципалитетов за выполнение работы и за конечный результат и искоренит иждивенческие настроения.

Определить направления совершенствования системы полномочий возможно на основе оценки конкурентоспособности, которая поможет выявить слабые и сильные стороны развития территории, динамику изменений во времени, меры, которые необходимо предпринять, чтобы улучшить положение.

Проблема оценки конкурентоспособности связана с широким выбором существующих на сегодняшний день методик, в каждой из которых есть существенные недостатки и недочеты. Таким образом, основные задачи по решению проблемы оценки конкурентоспособности заключаются в следующем:

- 1) создание адекватной единой методики оценки конкурентоспособности;
- 2) определение обоснованного единого набора параметров, идентичных по семантическому смыслу для всех, и единых методик оценки качественных и количественных параметров;
- 3) отсутствие или минимизация субъективности оценок при оценке качественных показателей (т.е. исключение, по возможности, методов экспертных оценок и рейтингов).

В настоящее время существует множество функциональных моделей оценки конкурентоспособности региона. Анализ конкурентоспособности имеет смысл при условии сравнения состояний объекта в различные моменты (интервалы) времени либо при сравнении исследуемого объекта с сопоставимыми объектами-конкурентами (таблица).

Общепризнанные методы оценки конкурентоспособности муниципальных образований до сих пор не разработаны. Исследования показали, что для этой цели можно использовать методы оценки региональной конкурентоспособности, предварительно модифицировав их для

**Характеристика методик оценок конкурентоспособности
на основе интегрального подхода**

№ п/п	Название	Формула	Характеристика
I	Средневзвешенная рейтинговая на основе аддитивной функции	$K_j^c = \sum_{l=1}^p R_{lj} c_l,$ <p>где c_l – вес индикатора; R_{lj} – рейтинги индикаторов, рассчитываются по формуле:</p> $R_{lj} = \sum_{i=1}^v r_{ij} d_{il},$ <p>где r_{ij} – рейтинги показателей, входящих в индикатор; d_{il} – вес показателя</p>	<ul style="list-style-type: none"> - Возможность проанализировать влияние факторов на конкурентоспособность - Прост в расчетах - Рейтинги огрубляют значение факторов - На точность оценок влияют веса значимости факторов, которые определены субъективным мнением экспертов
II	Средневзвешенная нормированных показателей	$K_j^{cn} = \sum_{l=1}^p \left(\prod_{i=1}^v p_{ij} \right) c_l,$ <p>где p_{ij} – нормированный показатель, относящийся к индикатору l, определяется по формуле:</p> $p_{ij} = \frac{P_{ij}}{P_{ико}},$ <p>где P_{ij}, $P_{ико}$ – показатели по муниципальному образованию и региону, относящиеся к индикатору</p>	<ul style="list-style-type: none"> - Модификация первого метода - Переход от рейтингов к нормированным взвешенным показателям, что повышает точность результатов - Сохраняется влияние субъективного мнения экспертов на величину уровня конкурентоспособности
III	Среднегеометрическая нормированных показателей	$K_j = \sqrt[n]{\prod_{i=1}^n p_{ij}},$ <p>где p_{ij} – нормированный показатель, рассчитывается по формуле:</p> $p_{ij} = \frac{P_{ij}}{P_{ико}},$ <p>где p_{ij}, $P_{ико}$ – показатели по муниципальному образованию и региону</p>	<ul style="list-style-type: none"> - Переход к нормированным показателям - Уход от влияния на величину показателя субъективных мнений экспертов - Широкая сфера использования метода - Трудоемкий

муниципальных образований. Л.С. Шеховцевой [5] были исследованы методы оценки региональной конкурентоспособности на основе интегрального подхода, характеристика которых представлена в таблице.

Следует обратить внимание, что при использовании методик II и III для регионов нормированные показатели определялись как отношение показателя по региону к показателю РФ. Для муниципальных образований предлагается рассчитывать нормированные показатели как отношение показателя по муниципальным образованиям к показателю региона.

Для оценки конкурентоспособности муниципальных образований предлагается использовать третий подход среднегеометрической нормированных показателей, так как наблюдается уход от субъективных экспертных оценок.

Чтобы оценить уровень конкурентоспособности муниципальных образований и сравнить их между собой, необходимо выделить индикаторы для оценки. В измерении конкурентоспособности муниципальных образований в мировой практике используется ряд подходов и индикаторов. Чаще всего их построение основано на статистических данных.

Состав показателей для оценки должен соответствовать требованиям многомерности измерения, возможности разносторонне оценить развитие территории, сопоставимости с аналогичными показателями других территорий, общедоступности. Статистические данные с точки зрения сопоставимости можно считать идеальным источником, потому что они одновременно и точны, и объективны. Но недостаток этого источника заключается в том, что данные статистики появляются с запозданием. Таким образом, следует решить проблему сбора статистических данных в кратчайшие сроки с помощью электронных отчетов, предоставляемых муниципалитетами, и сформировать единую базу. Данные обследований в точности регистрируют наблюдения, однако существует проблема в обосновании выборки и подборе состава экспертов. Данные, предоставляемые органами власти территориального образования, позволяют получить более широкий спектр информации, не отражаемой в официальной статистической отчетности, однако имеется определенный риск искажения реального социально-экономического положения территориального образования. Кроме того, специальные обследования являются весьма трудоемкими. Что касается последних источников, они не имеют утвержденной методики сбора данных и ведутся не систематически.

Для оценки региональной конкурентоспособности использована система показателей, предложенная Л.С. Шеховцевой и Е.В. Тяпушовой в работе [6].

Представленный на рисунке 1 перечень показателей является системообразующим. Особенности регионов могут учитываться дополнением к перечню, а также дифференцированным их углублением на следующих уровнях иерархии показателей.

В литературе отмечается, что использование данных госстатистики — процесс, характерный для социально-экономических исследований, что и определяет его важность [4].

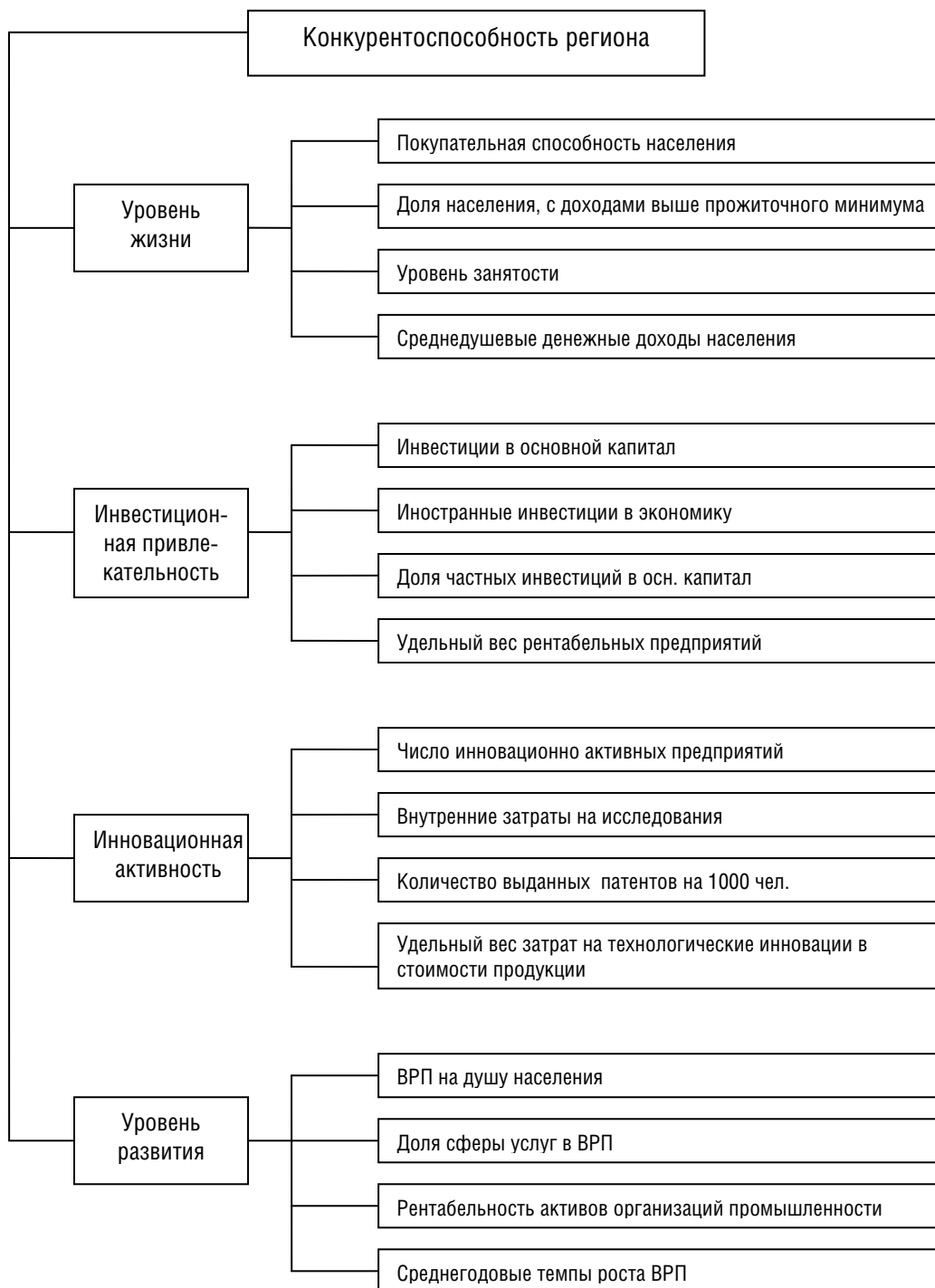


Рисунок 1. **Дерево показателей оценки стратегической конкурентоспособности региона [6]**

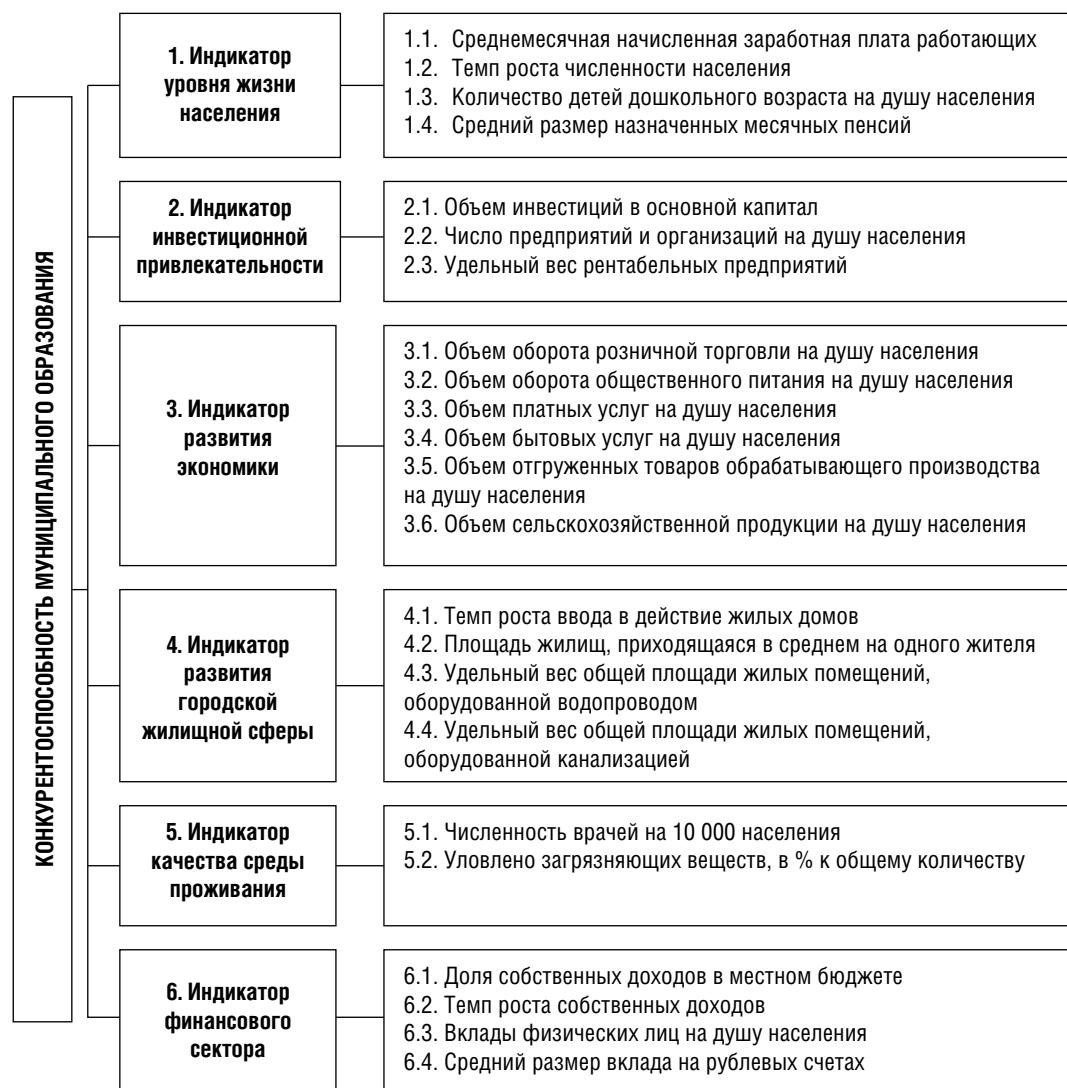


Рисунок 2. **Дерево показателей оценки конкурентоспособности муниципального образования**

В докладе на первом Российском экономическом конгрессе член-корр. РАН К.К. Вальтух подчеркнул недопустимость выдвижения и позиционирования экономических концепций — до их статистической проверки — как обоснованных [4].

Количество показателей социально-экономического положения муниципальных образований и их периодичность можно найти на сайте Федеральной службы госстатистики. Перечень их насчитывает более двухсот наименований. Для выбора показателей оценки конкуренто-

способности муниципальных образований необходимо учесть тот факт, что по выбранным показателям статистика должно вестись не только по муниципалитетам, но и по региону в целом. Это связано с использованием нормативных показателей для оценки конкурентоспособности.

Для того чтобы оценить муниципальную конкурентоспособность, невозможно применить весь набор показателей, представленных на рисунке 2. Это связано с тем, что статистические данные не позволяют учесть влияние инновационной активности по отдельно взятому муниципалитету.

Для оценки муниципальной конкурентоспособности предлагается использовать интегральный метод оценки (см. таблицу), но со своим набором показателей, данные которых систематически собираются и публикуются органами госстатистики. Предлагаются следующие индикаторы оценки: индикатор уровня жизни населения, индикатор инвестиционной привлекательности, индикатор развития экономики, индикатор развития городской жилищной сферы, индикатор качества среды проживания, индикатор финансового сектора со своим набором показателей.

Разработанная методика интегральной оценки стратегической конкурентоспособности позволяет решать такие задачи, как определение значения интегрального показателя конкурентоспособности оцениваемого объекта; сравнение их между собой и изменение этого значения в заданный период времени; анализ составляющих интегрального показателя и выбор направления совершенствования социальной, инвестиционной, инновационной и экономической политики на уровне региона, муниципалитета.

Источники

1. Нецадин А., Фатахов Р. Приоритеты государственной политики в сфере регионального развития Российской Федерации // Общество и экономика. 2013. №1.
2. Николаев В.А. Перспективы децентрализации налоговых полномочий в России // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2013. №2.
3. Официальный сайт Гайдаровского форума: <http://www.gaidarforum.ru>
4. Тарасова Н.А. Достоверность социально-экономических показателей: семиотический подход. – М.; СПб.: Нестор – История, 2012. 288 с.
5. Шеховцева Л.С. Стратегическое целеполагание развития региона: Монография. СПб.: Издательский центр экономического факультета СПб ГУ (ОЦЭиМ), 2007. 190 с.
6. Шеховцева Л.С., Тяпушова Е.В. Теоретические и методические основы интегральной оценки стратегической и текущей конкурентоспособности региона // Региональная экономика: теория и практика. 2011. №30(213). С. 7-18.
7. Шеховцева Л.С. Управляемое развитие региона: стратегическое целеполагание: Монография. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. 354 с.

Сведения об авторах

РЕГИОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Республика Башкортостан

г. Уфа

Лавренюк Наталья Михайловна – кандидат социологических наук, доцент, заведующий сектором социального проектирования, ГБНУ Институт социально-политических и правовых исследований

Мажитова Альфира Раисовна – старший научный сотрудник, ГБНУ Институт социально-политических и правовых исследований

Республика Калмыкия

г. Элиста

Муханова Мария Николаевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, заведующий социологической лабораторией, Калмыцкий госуниверситет

Республика Карелия

г. Петрозаводск

Дьяконова Мария Владимировна – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт экономики Карельского научного центра РАН

Республика Коми

г. Сыктывкар

Колечков Дмитрий Васильевич – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН

Лыткина Татьяна Степановна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН

Мальцева Ирина Станиславовна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН

Носков Владимир Александрович – младший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН

Стыров Максим Михайлович – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН

Шишелов Максим Александрович – аспирант, младший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН

Чеченская Республика
г. Грозный

Юсупов Муса Мовлиевич – кандидат социологических наук, доцент, директор, Центр социально-стратегических исследований

Чувашская Республика
г. Чебоксары

Бойко Иван Иванович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Иванова Наталья Михайловна – научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Семедова-Полупан Нина Григорьевна – кандидат социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальных технологий, Чебоксарский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Тарасов Владимир Тимофеевич – кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики и корпоративного управления, Чебоксарский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Харитонов Валентина Григорьевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Алтайский край
г. Барнаул

Перекаренко Юлия Александровна – младший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН

Родионова Людмила Васильевна – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН

Рыбкина Ирина Дмитриевна – кандидат географических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт водных и экологических проблем Сибирского отделения РАН

Краснодарский край
г. Краснодар

Донцова Мария Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, научный сотрудник, Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН

Зети Полина Петровна – кандидат политических наук, научный сотрудник, Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН

**Красноярский край
г. Красноярск**

Немировский Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой, заведующий отделением социологии и общественных связей, Сибирский федеральный университет

**Пермский край
г. Пермь**

Германов Игорь Анатольевич – кандидат социологических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Петухов Константин Алексеевич – кандидат политических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Плотникова Елена Борисовна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой, Пермский государственный национальный исследовательский университет

**Архангельская область
г. Архангельск**

Воронина Людмила Васильевна – аспирант, младший научный сотрудник, отдел экономических исследований, Архангельский научный центр Уральского отделения РАН

Губина Ольга Владимировна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Архангельский научный центр Уральского отделения РАН

Кармакулова Анна Вячеславовна – аспирант, младший научный сотрудник, отдел экономических исследований, Архангельский научный центр Уральского отделения РАН

Проворова Анна Андреевна – научный сотрудник, Архангельский научный центр Уральского отделения РАН

**Астраханская область
г. Астрахань**

Жигульская Юлия Артемовна – студентка, факультет педагогики, социальной работы и физической культуры, Астраханский государственный университет

Каргаполова Екатерина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, Астраханский инженерно-строительный институт

Храпов Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, кафедра философии, Астраханский государственный университет

Владимирская область
г. Владимир

Калмыкова Марина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра социально-гуманитарных дисциплин, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Петросян Дмитрий Ильич – кандидат философских наук, доцент, кафедра социально-гуманитарных дисциплин, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Плеханов Евгений Александрович – доктор педагогических наук, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Филановская Татьяна Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, член-корреспондент МАНПО, заведующий кафедрой художественного образования, Владимирский государственный гуманитарный университет

Волгоградская область
г. Волгоград

Дулина Надежда Васильевна – доктор социологических наук, профессор, Волгоградский государственный технический университет

Вологодская область
г. Вологда

Анисимова Людмила Владимировна – кандидат архитектуры, профессор, Вологодский государственный технический университет

Антонова Мария Андреевна – аспирант, младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Белехова Галина Вадимовна – аспирант, младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Галухин Антон Викторович – младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Евграшина Ирина Алексеевна – заместитель директора, филиал Санкт-Петербургского государственного экономического университета в г. Вологде

Изюмова Лариса Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, начальник отдела научно-исследовательской работы и инноваций, Вологодский государственный педагогический университет

Ильин Владимир Александрович – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Кондакова Наталья Александровна – аспирант, младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Крюкова Ирина Владимировна – старший преподаватель, кафедра экономики и финансов, Вологодский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Ласточкина Мария Александровна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Леонидова Галина Валентиновна – кандидат экономических наук, доцент, заведующий лабораторией исследования проблем развития трудового потенциала, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Панов Александр Михайлович – аспирант, инженер-исследователь, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Попов Андрей Васильевич – аспирант, младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Разгулина Екатерина Дмитриевна – младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Россошанский Александр Игоревич – аспирант, младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Середа Наталья Дмитриевна – кандидат философских наук, доцент, Вологодский государственный технический университет

Ускова Тамара Витальевна – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора, заведующий отделом, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Устинова Ксения Александровна – аспирант, младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Шабунова Александра Анатольевна – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора, заведующий отделом, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Шафигуллина Юлия Фаритовна – студентка, Вологодский государственный технический университет

г. Череповец

Мехова Альбина Анатольевна – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и социальных технологий, Череповецкий государственный университет

Свердловская область
г. Екатеринбург

Кох Иван Адамович – доктор социологических наук, доцент, профессор, Уральский институт Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Иркутская область
г. Иркутск

Киреева Юлия Андреевна – инженер, отдел региональных экономических и социальных проблем, Президиум Иркутского научного центра Сибирского отделения РАН

Калининградская область
г. Калининград

Бычкова Юлия Руслановна – аспирант, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

Тяпушова Елена Валерьевна – соискатель, кафедра менеджмента, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

Шеховцева Лидия Семеновна – доктор экономических наук, профессор, кафедра менеджмента, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

Курская область
г. Курск

Когай Евгения Анатольевна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и политологии, Курский государственный университет

Комков Константин Анатольевич – заместитель генерального директора, ООО «ПолиПринт»

Кульсеева Татьяна Гавриловна – кандидат философских наук, доцент, кафедра социальной работы, Курский государственный медицинский университет

Немцев Александр Викторович – главный специалист-эксперт управления по работе с политическими партиями, комитет внутренней политики Администрации Курской области, Курский государственный университет

Пасовец Юлия Михайловна – кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии и политологии, Курский государственный университет

Яцкова Дарина Сергеевна – студентка, Курский государственный университет

Московская область

г. Коломна

Крошилин Сергей Викторович – кандидат технических наук, доцент, кафедра экономики и менеджмента, Московский государственный областной социально-гуманитарный институт

Медведева Елена Ильинична – кандидат экономических наук, кафедра экономики и менеджмента, Московский государственный областной социально-гуманитарный институт

Новосибирская область

г. Новосибирск

Кулаев Александр Павлович – кандидат экономических наук, заведующий Новосибирской экономической лабораторией, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН

Мостовая Елена Борисовна – доктор социологических наук, профессор, Новосибирский государственный университет

Смирнова Наталья Евстафьевна – научный сотрудник, отдел социальных проблем, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН

Соболева Светлана Владимировна – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, отдел социальных проблем, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН

Чудаева Ольга Владимировна – научный сотрудник, отдел социальных проблем, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН

Омская область

г. Омск

Арбуз Анна Владимировна – кандидат экономических наук, доцент, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского

Богомазов Константин Иванович – старший преподаватель, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского

Левочкина Наталья Алексеевна – кандидат экономических наук, кандидат исторических наук, доцент, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского

Половинко Владимир Семенович – доктор экономических наук, профессор, первый проректор, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского

Скоромникова Юлия Александровна – студентка, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского

Ростовская область
г. Ростов-на-Дону

Лимарева Дарья Александровна – преподаватель, Южно-Российский институт-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Рязанская область
г. Рязань

Рожкова Наталья Викторовна – старший преподаватель, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний

Самарская область
г. Самара

Мартышкин Сергей Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой, Самарский государственный университет

Прохоров Денис Викторович – старший преподаватель, Самарский государственный университет

г. Тольятти

Кудинова Галина Эдуардовна – кандидат экономических наук, доцент, Тольяттинский государственный университет; старший научный сотрудник, Институт экологии волжского бассейна РАН

Шабунин Дмитрий Михайлович – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой управления, Тольяттинский филиал Самарского государственного университета

Юрина Владлена Сергеевна – кандидат экономических наук, доцент, Поволжский государственный университет сервиса

Смоленская область
г. Смоленск

Винокуров Александр Иванович – кандидат психологических наук, доцент, кафедра менеджмента, Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Тамбовская область
г. Тамбов

Панков Сергей Викторович – доктор географических наук, доцент, профессор, кафедра географии, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

Тульская область

г. Тула

Мосин Василий Иванович – кандидат философских наук, доцент, генеральный директор, Тульский социологический центр

Слобожанин Алексей Вячеславович – кандидат философских наук, доцент, Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого

Тюменская область

г. Тюмень

Андреянова Елена Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, Институт права, экономики и управления, Тюменский государственный университет

Арбитайло Ирина Яновна – аспирант, Тюменский государственный университет

Ахмедзянова Рузилья Маратовна – старший преподаватель, кафедра менеджмента, маркетинга и логистики, Тюменский государственный университет

Давыденко Владимир Александрович – доктор социологических наук, профессор, и.о. заведующего кафедрой менеджмента, маркетинга и логистики, Тюменский государственный университет

Дашина Яна Николаевна – преподаватель, Финансово-экономический институт, Тюменский государственный университет

Печеркина Ирина Федоровна – кандидат социологических наук, доцент, Тюменский государственный университет

Ромашкина Гульнара Фатыховна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора, Финансово-экономический институт, Тюменский государственный университет

Степанова Мария Вячеславовна – аспирант, Тюменский государственный университет

Тарасова Анна Николаевна – кандидат социологических наук, доцент, кафедра менеджмента, маркетинга и логистики, Тюменский государственный университет

Ужахова Лейла Магомедовна – кандидат экономических наук, доцент, Тюменский государственный университет

Ульяновская область

г. Ульяновск

Галкина Елена Петровна – кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии и политологии, Ульяновский государственный университет

Дергунова Нина Владимировна – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и политологии, Ульяновский государственный университет

Кадничанская Марина Ивановна – кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии и политологии, Ульяновский государственный университет

Челябинская область
г. Челябинск

Зырянов Сергей Григорьевич – доктор политических наук, профессор, директор, Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Терещук Екатерина Александровна – кандидат социологических наук, доцент, кафедра экономики и менеджмента, Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Москва, город федерального значения

Алексеев Александр Иванович – доктор географических наук, профессор, географический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Беляева Людмила Александровна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр изучения социокультурных изменений, Институт философии РАН

Карлова Елена Васильевна – аспирант, географический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Касавина Надежда Александровна – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник, Центр изучения социокультурных изменений, Институт философии РАН

Клюев Николай Николаевич – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН

Крылов Михаил Петрович – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН

Крылов Петр Михайлович – кандидат географических наук, доцент; главный специалист, Московский государственный индустриальный университет

Лапин Николай Иванович – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, руководитель, Центр изучения социокультурных изменений, Институт философии РАН

Нефедова Татьяна Григорьевна – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН

Николаев Алексей Евгеньевич – кандидат экономических наук, доцент, докторант, Военный университет Министерства обороны РФ

Покровский Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, заведующий кафедрой, Научно-исследовательский университет, Высшая школа экономики, президент Сообщества профессиональных социологов

Суворова Мария Игоревна – аспирант, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН

Яковенко Лариса Макаровна – научный сотрудник, Институт географии РАН

Санкт-Петербург, город федерального значения

Немировская Анна Валентиновна – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник, кафедра методов и технологий социологических исследований, Высшая школа экономики

Скворцова Маргарита Борисовна – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН

Тюличева Лидия Дмитриевна – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН

Шестакова Наталия Николаевна – кандидат технических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ

г. Минск

Лашук Ирина Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент, кафедра телевидения и радиовещания, Белорусский государственный университет; заведующий сектором культурных инноваций, Институт социологии Национальной академии наук Беларуси

УКРАИНА

г. Симферополь

Абдурешитова Диляра Ваитовна – студентка, Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

<i>Лапин Н.И.</i> Предисловие	3
-------------------------------------	---

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Ильин В.А.</i> Глобальные вызовы и модернизация России: приоритеты нового десятилетия	7
<i>Лапин Н.И.</i> О стратегии опережающей социокультурно сбалансированной модернизации.....	14
<i>Половинко В.С.</i> Использование методологии социокультурного портрета при разработке долгосрочной стратегии развития региона (на примере Омской области)	39
<i>Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г.</i> Угорский проект Сообщества профессиональных социологов. Новые социальные смыслы окружающей среды (База СОПСО, село Угоры).....	55
<i>Шабунова А.А., Ласточкина М.А.</i> Роль пространства в модернизации России	66
<i>Ромашкина Г.Ф., Давыденко В.А.</i> Экономические механизмы формирования социальной структуры: модернизация или архаизация?	73
<i>Беляева Л.А.</i> Социальный капитал в регионах России: содействие или препятствие модернизации?	84
<i>Когай Е.А.</i> Динамика модернизационных процессов регионов Центрального Черноземья	98
<i>Кулаев А.П.</i> Роль и возможности органов местного самоуправления в формировании социокультурных основ инновационного развития общества и экономики.....	109
<i>Немировский В.Г.</i> Личностный смысл термина «модернизация» для населения крупного сибирского региона (на материалах исследований в Красноярском крае)	115

**Секция №1. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИИ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ**

<i>Алексеев А.И.</i> Социально-географические аспекты эволюции сельской местности России в постсоветский период	121
<i>Анисимова Л.В.</i> Социокультурный потенциал города. Мониторинг 5-ти открытых пространств Вологды	125
<i>Арбуз А.В.</i> Анализ уровня модернизации в Омской области	135
<i>Винокуров А.И.</i> К программе регионально-страновых сопоставлений «Социокультурный портрет Российско-белорусского приграничья» (по материалам Смоленской области)	156
<i>Дашина Я.Н.</i> Обеспечение прав и свобод граждан в Тюменском регионе (по материалам социокультурного мониторинга)	164
<i>Дергунова Н.В.</i> Проблемы изучения динамики развития гражданского общества (региональный аспект)	175
<i>Дьяконова М.В.</i> Перспективы развития этнопоселений (на примере Республики Карелия)	187
<i>Донцова М.В., Зети П.П.</i> Протестная активность населения Юга России как вызов инновационному развитию региона	193
<i>Зырянов С.Г., Терещук Е.А.</i> Доверие институтам власти и потенциал протестных настроений в Челябинской области	198
<i>Изюмова Л.В.</i> Социокультурная трансформация северной деревни в 1930–1960-х годах	208
<i>Касавина Н.А.</i> Типы модернизованности регионов Центрального федерального округа	213
<i>Колечков Д.В.</i> Перспективы развития социокультурной системы северных регионов России	223
<i>Кондакова Н.А.</i> Реализация программы модернизации здравоохранения: региональный аспект	229
<i>Кох И.А.</i> Роль малого предпринимательства в стратегии модернизации России	236
<i>Крылов П.М.</i> Транспортная система региона и перспективы социально-экономической модернизации (на примере Самарской области)	248
<i>Крюкова И.В.</i> Потенциал развития религиозного туризма в Вологодской области	254
<i>Кульсеева Т.Г.</i> Проблемы модернизации системы социальной защиты в регионе (на примере Курского областного социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних)	260
<i>Лавренюк Н.М.</i> Стратегия модернизации кадрового потенциала науки Республики Башкортостан	266
<i>Лашук И.В.</i> Социокультурные процессы в современном белорусском обществе	271
<i>Левочкина Н.А., Скоромникова Ю.А.</i> Организационно-управленческие проблемы современных учреждений культуры (на примере Омской области)	277

<i>Лыткина Т.С.</i> Сельская кооперация и практики взаимопомощи в XXI веке: причины, проблемы и перспективы самоорганизации селян в постсоветской России	283
<i>Мальцева И.С.</i> Предпосылки и условия формирования аграрного кластера в северном регионе	286
<i>Мехова А.А.</i> Современные технологии социального участия в модернизации региона	293
<i>Мосин В.И.</i> Экономическая безопасность как основа модернизационного развития Тульской области.....	299
<i>Петухов К.А., Плотникова Е.Б.</i> Динамика процессов модернизации регионов России	309
<i>Печеркина И.Ф.</i> Самоидентификация в процессе конструирования социальной реальности	314
<i>Разгулина Е.Д.</i> Социализация бизнеса как необходимое условие развития регионов России	322
<i>Семедова-Полупан Н.Г.</i> Об основных стратегических направлениях социокультурной модернизации Чувашии	328
<i>Середа Н.Д.</i> Экспертсорсинг как инновационная технология прогнозирования развития региона.....	331
<i>Сыров М.М.</i> Экономическое развитие: размышления о целях и ценностях	337
<i>Храпов С.А., Жигульская Ю.А.</i> Кризис общественного сознания как социокультурный фактор ограничения модернизации современной России	346
<i>Юсупов М.М.</i> Социокультурные изменения в городском пространстве.....	354
Сведения об авторах.....	361

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Секция №2. ФАКТОРЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ РОССИИ

<i>Бойко И.И., Харитонова В.Г.</i> Социальное самочувствие жителей Чувашии как фактор социокультурной модернизации.....	384
<i>Губина О.В.</i> Исследование социальных аспектов функционирования природно-ресурсных отраслей в регионе	394
<i>Иванова Н.М.</i> Социально-территориальная идентификация жителей столицы Чувашии	399
<i>Калмыкова М.В.</i> Влияние кризиса 1998 года на трудовую мобильность населения Владимирской области	409
<i>Карлова Е.В.</i> Отражение образа жизни в территориальной самоидентификации локального сообщества в сельской местности Центральной России	419

<i>Кармакулова А.В., Воронина Л.В.</i> Занятость коренных малочисленных народов Севера: проблемы и перспективы	425
<i>Киреева Ю.А.</i> Модернизация здравоохранения в Байкальском регионе	432
<i>Клюев Н.Н., Яковенко Л.М.</i> Пореформенная Россия: геоэкологические проблемы	436
<i>Комков К.А.</i> Восприятие имиджевой политики региона населением в контексте модернизации	442
<i>Крылов М.П.</i> Социокультурная модернизация и региональная идентичность населения исторического ядра Европейской России	453
<i>Мажитова А.Р.</i> Развитие интеллектуального капитала Республики Башкортостан в условиях модернизации	459
<i>Мартышкин С.А.</i> Этнический состав населения региона (на примере Самарской области)	470
<i>Мостовая Е.Б.</i> Социальная дифференциация: поселенческий ракурс	474
<i>Муханова М.Н.</i> Республика Калмыкия: особенности социально-экономического положения	484
<i>Немировская А.В.</i> Миграционная ситуация в регионах Сибири: общественные настроения и статистические данные	495
<i>Панков С.В.</i> Модернизация и социально-экономический статус системы сельских поселений Тамбовской области	503
<i>Петросян Д.И.</i> Социологические аспекты религиозной самоидентификации населения Владимирской области	509
<i>Плеханов Е.А.</i> Структура ценностей населения Владимирской области	519
<i>Прохоров Д.В.</i> Средний класс Самарской области: эмпирический анализ самоидентификационных признаков	527
<i>Росошанский А.И.</i> Материальное положение жителей Вологодской области	536
<i>Рыбкина И.Д.</i> Демографические оценки социокультурной модернизации сибирских регионов в XX веке	542
<i>Слобожанин А.В.</i> Модернизационные процессы в Тульской области в первое десятилетие XXI века	554
<i>Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В.</i> Оценка угроз в формировании демографического потенциала городов Сибири	560
<i>Тарасов В.Т.</i> Качество жизни населения Чувашии в контексте социокультурного портрета	564
<i>Тарасова А.Н., Арбитайло И.Я.</i> Медицинское обслуживание в Тюменской области: проблемы и направления развития	576
<i>Филановская Т.А.</i> Зрительские предпочтения спектаклей как внутренний фактор модернизации российского театра	583
<i>Шестакова Н.Н.</i> Информатизация и интернетизация системы образования и общества как фактор социокультурной модернизации региона	588
Сведения об авторах	594

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Круглый стол №1. ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА «МОДЕРНИЗАЦИЯ» И РАЗВИТИЕ ИНСТРУМЕНТАРИЯ «СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ РЕГИОНА»

- Антонова М.А.* Социокультурные показатели в системе оценки устойчивого развития регионов 616
- Богомазов К.И.* Развитие инструментария социокультурного портрета для разработки стратегии модернизации на уровне региона 624

Круглый стол №2. МОТИВАЦИЯ ТРУДА, МОЛОДЕЖЬ И РАЗВИТИЕ РЕГИОНА

- Андрианова Е.В.* Сравнение трудовых мотивов выбора работы в проективной ситуации жителей Тюменской области 637
- Галкина Е.П., Кадничанская М.И.* Мотивация трудовой деятельности молодежи как аспект модернизации региона 643
- Евграшина И.А.* Человеческий капитал молодежи как фактор инновационного развития 650
- Леонидова Г.В., Устинова К.А.* Занятость молодежи как условие модернизации социально-трудовой сферы 654
- Медведева Е.И., Крошилин С.В.* Молодежь и экономика знаний 665
- Немцев А.В.* Коммуникация органов власти и регионального сообщества в сети Интернет 672
- Суворова М.И.* Культурно-нравственный потенциал молодежи и его влияние на развитие регионов России 677
- Тюличева Л.Д.* Влияние процессов модернизации профессионального образования на социально-культурное развитие регионов России 684

Круглый стол №3. МОДЕРНИЗАЦИЯ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ РОССИИ

- Германов И.А., Плотникова Е.Б.* Социокультурные условия инновационных процессов в малых городах Пермского края 689
- Когай Е.А., Яцкова Д.С.* Инновационная активность в Курской области 699
- Крошилин С.В., Медведева Е.И.* Информационно-коммуникационные технологии и экономика знаний 706
- Кудинова Г.Э.* Социокультурная модернизация на основе инновационных подходов ... 713
- Лимарева Д.А.* Особенности оценки уровня экономики знаний 718
- Николаев А.Е.* Кластерный подход к инновационному развитию российского оборонно-промышленного комплекса: региональный аспект 720

<i>Ужахова Л.М.</i> Состояние и кадровое обеспечение научно-технической и инновационной деятельности в Тюменской области.....	726
<i>Шабунин Д.М.</i> Процессы инновации и модернизации Самарской области: этапы и стадии	734
<i>Юрина В.С.</i> Инновационное развитие Самарской области.....	742

Круглый стол №4. МОДЕРНИЗАЦИЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ

<i>Абдурешитова Д.В.</i> Анализ потенциала развития альтернативной энергетики в России и Украине	747
<i>Ахмедзянова Р.М.</i> Потребительские предпочтения в современном ритейле: региональный аспект	751
<i>Белехова Г.В.</i> Особенности сберегательного поведения населения как одного из аспектов региональной конкурентоспособности	756
<i>Галухин А.В.</i> Территориальная бюджетная система как фактор региональной конкурентоспособности	762
<i>Носков В.А., Шишелов М.А.</i> Эффективность использования лесных ресурсов региона	769
<i>Панов А.М.</i> Возможности повышения экономической активности населения Вологодской области	776
<i>Пасовец Ю.М.</i> Роль частной инициативы в экономической модернизации российских регионов	782
<i>Попов А.В.</i> Анализ эффективности трудового поведения населения как фактора конкурентоспособности регионов	791
<i>Проворова А.А.</i> Механизмы оценки политики воспроизводства трудового потенциала региона	800
<i>Родионова Л.В., Перекаренкова Ю.А.</i> Развитие трудового потенциала сельских территорий в условиях модернизации.....	805
<i>Рожкова Н.В.</i> Необходимость внедрения результатов логистических научных исследований в деятельность компаний по оказанию туристских услуг	810
<i>Скворцова М.Б.</i> Человеческий потенциал и инновационное развитие России	815
<i>Степанова М.В.</i> Инновационный потенциал как фактор повышения конкурентоспособности региона	819
<i>Ускова Т.В.</i> Инновации – главный фактор модернизации и конкурентоспособности экономики.....	827
<i>Шафигуллина Ю.Ф.</i> Имиджевая составляющая конкурентоспособности муниципального образования.....	834
<i>Шеховцева Л.С., Бычкова Ю.Р., Тяпушова Е.В.</i> Многоуровневая система интегральной оценки конкурентоспособности регионов.....	839
Сведения об авторах.....	846

Научное издание

**ЭВОЛЮЦИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ
И СТРАТЕГИИ ИХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ**

**Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции
по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов»
(г. Вологда, 23–26 октября 2013 г.)**

Часть третья

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова Е.С. Нефедова
Корректор	Н.С. Киселева

Подписано в печать 04.10.2013.

Формат 70×108¹/₁₆. Печать цифровая. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 22,1. Тираж 200 экз. Заказ № 287.

Институт социально-экономического развития территорий РАН

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, ИСЭРТ РАН

Тел. (8172) 59-78-03, e-mail: common@vscc.as.ru

ISBN 978-5-93299-239-5



9 785932 992395